

ИЗБОРСКИЙ КЛУБ

русские
стратегии

№ 7(63), 2018

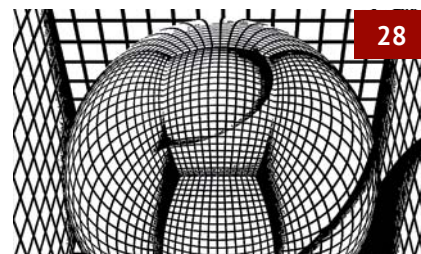
*Россия
и глобальная
нестабильность*

Содержание:

- 2** Александр ПРОХАНОВ.
Обращайтесь к психотерапевту!
- 6** Дмитрий МИТЯЕВ, Сергей БАТЧИКОВ, Александр АГЕЕВ.
В чужом пиру похмелье
(экспертный доклад Изборскому клубу)
I. ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ (стр. 7)
II. АДАПТАЦИЯ РОССИЙСКОЙ БИЗНЕС-ЭЛИТЫ К «ИГРЕ БЕЗ ПРАВИЛ» (стр. 12)
III. РОССИЙСКИЕ БИЗНЕС-ЭЛИТЫ К 2020 ГОДУ (стр. 19)
IV. УСЛОВИЯ ОСОЗНАНИЯ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ
И КОНСТРУИРОВАНИЕ ЖЕЛАЕМОГО БУДУЩЕГО (стр. 24)
ПОСЛЕСЛОВИЕ. ИМПЕРАТИВ ПЕРЕЗАГРУЗКИ (стр. 25)
- 28** Елена ЛАРИНА, Владимир ОВЧИНСКИЙ.
Парадокс Ферми и угрозы будущего
- 46** Россия и глобальная нестабильность
(круглый стол Изборского клуба)
- 58** Владимир ИВАНОВ, Георгий МАЛИНЕЦКИЙ.
От НТР – к ГТР
- 72** Алексей АНПИЛОГОВ.
Гибель империй
- 86** Андрей ОСТРОВСКИЙ.
КНР: есть ли пределы роста?
- 94** Анатолий КОШКИН.
Горизонты Страны восходящего солнца
- 100** Михаил ХАЗИН.
«Заставь банк России доллару молиться...»
- 108** Двойной удар по Рах Americana
(доклад группы экспертов под руководством Александра НАГОРНОГО)
- 121** Юрий ТАВРОВСКИЙ.
Изборяне в Китае
- 129** Библиотекарь
- 130** Хронология мероприятий клуба
- 131** Григорий ВИХРОВ.
«Отольются вам наши пули...»
(вступительное слово Георгия СУДОВЦЕВА)

Общественно-политический журнал «Изборский клуб» №7(63), 2018 год

Главный редактор – Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора – Александр НАГОРНЫЙ
Заместитель главного редактора – Виталий АВЕРЬЯНОВ
Художник – Василий ПРОХАНОВ
Верстка – Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор – Елена ОЗЕРОВА

Иллюстрации – Василий ПРОХАНОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

Адрес редакции: Москва, Олимпийский проспект, 16, стр. 1
Офис Изборского клуба. Телефон: (495) 937 78 65
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 19.10.2018

Отпечатано в ООО «ТИПОГРАФИЯ АМА-ПРЕСС»

Тираж 1000 экз. Заказ № 1755

/ Александр ПРОХАНОВ /

Обращайтесь к психотерапевту!

Весь огромный исторический опыт общения России с Западом обнаруживает глубинные несовпадения, которые лишь иногда затирают, но чаще выступают в форме непримиримой борьбы, взаимного неприятия и открытой военной конфронтации.

Именно это неприятие обнаружилось сразу после того, как Россия сделала первые шаги по укреплению собственного суверенитета и попыталась сбросить с себя внешнее правление. Конфронтация сегодняшней России с Западом приобрела формы новой холодной войны. Эта холодная война во многом повторяет первую холодную войну, но ведётся современной Россией в условиях, которые многократно хуже тех, что в своё время были у Советского Союза.

Холодная война требует для своего ведения мощнейшей исторической, философской, культурно-религиозной школы, которая почти полностью утрачена современной Россией. Холодная война сопровождается усилением обороноспособности, иногда ей сопутствуют локальные конфликты с применением военной силы.

Обороноспособность России, почти полностью уничтоженная Ельциным, сегодня восстанавливается с огромными трудами и тратами. Ресурсами для вторичной оборонной индустриализации уже не могут быть, как во времена Сталина, авторитарные силовые методы эксплуатации населения. Ресурсы изымаются у населения с помощью финансовых инструментов, которые уменьшают доходы населения. Вырученные от этих изъятий деньги перекачивают в оборонную промышленность. Население беднеет, и это порождает в нём недовольство. Недовольство растёт, готовое вылиться в социальные волнения. Во избежание этих волнений власть использует силовые методы, наращивает ряды Нацгвардии, ужесточает уголовное преследование блогеров за их некорректное поведение в интернете, преследует по статьям, оперирующим к категории «экстремизм».

Таким образом, оборонная индустриализация России, сопровождающая «холодную войну — 2», приводит к своеобразным формам насилия, к мобилизационному проекту, отдалённо напоминающему сталинский.

Сегодня Россия приблизилась к черте, за которой кончается ресурс, необходимый для ведения холодной войны. Главным препятствием для победы России в холодной войне является присутствие в стране огромного сообщества, симпатизирующего западному противнику. Для этого прозападного сообщества сегодняшнее Российское государство является враждебным и неприемлемым. Это сообщество, увеличиваясь, распростра-

няется практически на все общественные слои, включает всю экономическую элиту, культурную элиту и немалую часть политической. Россия ведёт холодную войну с Западом, имея в своём собственном тылу мощный контингент западников, то есть практически воюет на два фронта.

Российские бомбардировщики полетели в Сирию уничтожать террористов, чтобы те не напали на Среднюю Азию и Северный Кавказ. Над Синаем террористы сбили русский гражданский самолёт. Погибло 200 пассажиров, и российская операция в Сирии стала называться «Возмездие». В конфликт вмешался Иран, послав на помощь Башару Асаду Стражей Исламской революции и отряды бесстрашной «Хезболлы». Турки двинули танки в сирийский Курдистан. Американцы встали на защиту курдов, снабжая их противотанковыми системами. Турки сбили русский бомбардировщик, и все ждали ответного удара России по турецкой авиации. Израиль стал бомбить сирийскую территорию по предполагаемым базам «Хезболлы», и сирийцы безуспешно отстреливались от них системами С-200 и «Панцирь». Возникла тема химического оружия, американские крылатые ракеты ударили по сирийской военной базе, грозя массированными атаками по Дамаску.

Американская авиация разгромила подразделения российской частной военной компании, погубив двести россиян. Русского ответа не последовало. Но Россия вместе с Турцией почти завершила военную операцию в Сирии, выдавив оттуда американцев. Израильтяне, верные союзники Америки, совершили хитроумный воздушный манёвр, подставив российский тихоходный самолёт-разведчик под удар сирийских ПВО. В Россию отправилось 15 гробов с российскими офицерами. Россия не стала сбивать израильские истребители, а поставила сирийцам комплекс С-300. Это перевело сирийский конфликт в ещё более острую и непредсказуемую фазу.

У российского гражданина, желающего понять природу этого конфликта и предсказать его распространение, пухнет голова, он находится на грани помешательства и ищет психотерапевта.

История с отравлением Скрипалей превратилась в грандиозный спектакль, который мог бы поставить Мейерхольд. Петров и Боширов пополнили собой классические пары, такие как Тристан и Изольда, Сакко и Ванцетти, Хорь и Калиныч, Чук и Гек, стрекоза и муравей. Эта история разрастается, порождает грандиозную путаницу, ведёт к предвоенной ситуации. Мария Захарова переживает нервный стресс, надела розовую прозрачную мини-юбку, купила и курит сигару — ту самую, которую не докурил Уинстон Черчилль.

Обыватель смотрит на всё это, его мучают ночные кошмары, он ищет «Новичок» в своём платяном шкафу и в буфете.

Выборы губернаторов, которые недавно прошли в России, сотрясли основы и выбили из политической кладки несколько замковых камней. Вся политическая архитектура, выстроенная «Единой Россией», стала шататься, крошиться. В нескольких регионах России появились никому неизвестные губернаторы-самозванцы. Обыватель услышал, как скрипят пресловутые скрепы, но не обрадовался этому, а содрогнулся.

Пенсионная реформа, придуманная Кудриным, казалось, сулила четвёртую русскую революцию. Но потом люди убедились, что она совершена во благо народа: гробовые стариков увеличились на 10 процентов, и в России, наконец, станут достойно хоронить людей. Санкций перестали бояться. Более того, без них стало скучно. Арестованный во Франции Сулейман Керимов, продающий футбольный клуб «Челси»

Абрамович, рыдающий алюминиевыми слезами Дерипаска, стремящиеся в Израиль Фридман и Авен больше не вызывают у русских людей классового злорадства и ненависти. Нас больше не удивляет сообщение о том, что в корпусе космического корабля кто-то отвёрткой просверлил дыру и космонавты заклеивают её хлебным мякишем.

Равнодушие обывателя есть психологический ступор, который наступил после чрезвычайного возбуждения, когда обезумевшие люди, ожидая краха мировой экономики, судорожно по несколько раз в день переключали со счёта на счёт доллары и рубли. И здесь может помочь только психотерапевт.

Иные ищут спасения в благолепии храмов, среди лампад и икон. Однако стены монастырей и соборов сотрясает ужасная распря. «Патриарх Киевский» Филарет призывает своих сторонников штурмовать Киево-Печерскую и Почаевскую лавры, находящиеся под дланью Москвы. Всегда сдержанный и благообразный владыка Иларион выходит из себя и почти сквернословит, говоря

о Филарете с той же ненавистью, с какой он говорит о Сталине. Иерарху не дано понять, что Советский Союз и Сталин, которого он так ненавидит, обеспечивали единство православных церквей. И разрушение Красного государства, которое так радуется Илариона, повлекло за собой разрушение Московской патриархии и создание украинской автокефалии. Автокефалию не путать с чайником «Тефаль» и рыбой кефаль.

Не спасают обывателя многоцветные, как гнилое мясо, телевизионные ток-шоу, где обезумевший Джигарханян судится с очередной обобравшей его молодухой. А жена актёра Караченцова, кажется, готова привести в телестудию своего голого изувеченного мужа и демонстрировать его ушибы и шрамы, а также родинки, одна из которых находится в паху. Юморист Петросян судится на людях со своей стареющей супругой, деля несметное состояние, которое заработал своими смешками и ужимками среди русского горя и слёз. Два педераста, принадлежащие к Виндзорской династии, сыграли свадьбу, на которой присутствовали члены английской королевской фамилии.

И в это мировое безумие уже вмешалась взбесившаяся цифра. Цифровая экономика есть не более чем судорога, пробегающая по лицу Германа Грефа. И теперь понятно, отчего лишённый рассудка российский гражданин ломится в дверь психотерапевта.

Но эти временные потрясения минуют. Все упомянутые мировые кризисы сольются в единый кризис, и в центре этого кризиса будет находиться Александр Глебович Невзоров. Он напоминает кипятильник, опущенный в таз с нечистотами. Нечистоты кипят, вздуваются фантастическим пузырями, лопаются. Из них вырывается «Новичок», и вокруг гибнет всё живое. Обыватель слушает Невзорова и ужасается: неужели это явился к нам на землю князь тьмы, и мы переживаем последние времена? Граждане, успокойтесь! Конец света давно наступил, и мы благополучно живём после его конца.

ДОКЛАД

/ Дмитрий МИТЯЕВ, Сергей БАТЧИКОВ, Александр АГЕЕВ /

В чужом пиру **ПОХМЕЛЬЕ**

Российская экономика и бизнес-элита в режиме санкций

Российская бизнес-элита (как вся в целом, так и каждый её представитель в отдельности) находится сегодня на перепутье: для двойной лояльности уже нет места: надо либо возвращаться на родину, либо окончательно рвать с ней, надеясь, что на Западе не ограбят вчистую. Как отец в евангельской притче о блудном сыне, Россия рада возвращению любого своего гражданина, если он раскаялся и готов делом искупить ошибки буйной юности, послужив интересам страны и народа, особенно — в условиях перехода Запада к ограблению всех «блудных сынов» и страны в целом. Пока к этому готовы не многие, опасаясь, что на родине спросят за «грехи прошлого», поскольку «большая приватизация» девяностых была не только несправедливой, но и незаконной даже по «мутным» законам переходного времени.

Однако в условиях войны может быть прощено почти всё, если только вместо «клятвы дарения» в отношении Запада человек готов принести «клятву служения» Родине, добровольно отдав «нажитое непосильным трудом» для защиты Отечества. Логика защиты Отечества в России побеждает логику смуты и гражданской войны: это происходило и в начале XVII века; и в 1812 г., когда вторжение Наполеона примирило фактически две нации (говорившее по-французски дворянство и жившее общиной и далёкое от западных идей крестьянство), дав толчок созданию единой русской национальной культуры; и в 1941–1945 гг., когда, несмотря на все классовые и прочие противоречия, вторжение Гитлера поддержало не более 10% населения страны.

Согласно некоторым оценкам, «сталинская» индустриализация 30-х годов прошлого века (*«Пробежать за 10 лет путь, который Запад прошёл за 100 лет, иначе нас сомнут»*) была бы вообще невозможна без старообрядческого и царского золота (продажа церковных ценностей и зерна дала не более трети потребного для старта модернизации страны).

И сегодня мы видим, что 84% наших сограждан, находящихся за рубежом (это даже больше, чем 76% внутри страны), голосуют на президентских выборах за Путина, понимая в глубине своего неизжитого русского сознания, что Запад им такого волеизъявления не простит. Значит, есть для русского сознания вещи поважнее *«благополучия! «На родину!»* — выход для большинства наших соотечественников, живущих вне пределов Российской Федерации (а тот «человеческий капитал» в 2–3 млн инженеров и учёных, который «ушёл» на Запад после 1991 года с целью самореализации и финансового благополучия, стоит 3–5 трлн долл., что в 3–4 раза больше, чем убежавший из России за эту четверть века собственно финансовый капитал). Частью обратного потока может стать бизнес-элита.

I. ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ

1.1. Запад в очередном раунде «Большой игры» против России

Если задаться вопросом, чего на самом деле хочет от России Запад, то ответом на него будет следующая схема.

Нарратив-2018:

Кремль — преступная организация («государство-мафия»), вслед за ФСБ, ГРУ и др., в отношении которых санкции Госдепа и минфина США уже введены.

Следствие:

Все, кто с Кремлём, — пособники преступной организации.

Задача:

Сделать российскую бизнес-элику «токсичной» — и чтобы просто её ограбить, и чтобы решить свои внешне- и внутриполитические задачи.

Обоснование (политическое, правовое и информационное):

Тотальная диффамация русских. Доказательств в случае с русскими не нужно¹.

В перспективе можно и нужно отобрать у российских олигархов «всё лишнее» (оставив их самих на Западе до полного «окончания разбирательств»).

Считается, что цель «нанести удар по Минфину РФ, ограничив операции с госдолгом», пока не ставится, но ситуация может моментально измениться, как только на западных рынках начнётся масштабная «игра на понижение».

Соотношение долгов/активов России и Запада провоцирует последнего на грабёж: чистая международная инвестиционная позиция (МИП) России положительна. «По состоянию на 1 октября 2017 г. зарубежные активы Российской Федерации составили 1322,8 млрд долл. Обязательства перед нерезидентами (остальным миром) были равны 1051,8 млрд долл. Разница между активами и обязательствами (чистая международная инвестиционная позиция) составила 271,0 млрд долл... Кстати, ещё на 1 января 2017 г. чистая МИП России была равна 222 млрд долл., т. е. за девять месяцев прошлого года, когда международная атмосфера продолжала накаляться, Россия «подставилась» ещё почти на полсотни миллиардов долларов».

Если в условиях войны ежегодно отдавать врагу 5% ВВП (по текущему курсу) — много не навоюешь (да и рост ВВП невозможен в принципе) ...

¹ «Если на приборке нет следов, значит, русские научились их открывать бесследно» (из заключения о пожизненной дисквалификации одного олимпийца из РФ), если газ «Новичок» — то он точно сделан в Кремле. Если российский бизнес использует западную финансовую систему и её законные офшорные лазейки, — значит, он негодяй, потому что он не получал законных «терапевтических исключений».

В целом легальные и нелегальные зарубежные активы российского происхождения составляют несколько триллионов долларов (до 5 трлн долл., включая оценки вывезенного из страны «человеческого капитала»). Их заморозка и конфискация могут существенно ухудшить финансовое положение РФ. Для сравнения: накопленные иностранные инвестиции в России составляют менее 500 млрд долл. Это показывает, что в случае взаимной конфискации активов Россия будет в существенном проигрыше.

Цель-максимум — списать на РФ вероятное обрушение американской и в целом западной финансовой системы. Хотя эта цель пока маскируется, мы точно увидим её проявление в ближайшие недели и месяцы — это вопрос повода, но не причины.

1.2. «Параметры порядка» и факторы дестабилизации глобальной системы

«Параметры порядка» для экономики США и РФ разные, хотя они и сопряжены через целый ряд прямых и обратных финансово-информационных и иных связей. Для США (и глобальной экономики в целом) это такие переменные, как доходность гособлигаций (для определённости возьмём десятилетние трежерис), индекс доллара, рост экономики, приток/отток капитала, дефицит торгового баланса, дефицит бюджета, индекс «Доу Джонса». Для экономики РФ важны несколько иные параметры, хотя они и связаны структурно с глобальными: цена на нефть, обменный курс рубля, динамика ВВП, отток капитала, динамика золотовалютных резервов и внешнего долга. Изменения этих параметров при разных сценариях развития событий будут подробно рассмотрены ниже.

Поскольку сценарии динамики экономики США (и — с некоторым временным лагом — всего мира) коррелируют с соответствующими сценариями для экономики России, наша задача в этой «игре на понижение» формулируется примерно следующим образом: не стать «разменной фишкой», исключить усиление внешних воздействий. Так уже было в глобальном трансформационном кризисе 1980-х, когда катастрофа СССР стала «допингом» и дала ресурсы на купирование болезненной перестройки экономик Запада после «нефтяного шока» и шока рейганомики.

Точно так же в 1998 г. азиатский кризис вызвал в России коллапс финансовой системы.

Обратные примеры умелого «отключения» от глобальных шоков и использования их себе на пользу показала наша страна в 1930-е годы (когда Великая депрессия в США помогла дать старт индустриализации в СССР) и в 2000 г., когда крах фондового пузыря «новой экономики» привёл к возвращению повышательной тенденции на сырьевых рынках и при изначально разумной макроэкономической политике позволил России погасить все внешние долги, а также на протяжении почти 10 лет иметь темпы роста ВВП выше, чем в мире в целом.

При нынешнем кажущемся благополучии мировой экономики реальные риски, по оценкам ОЭСР, сейчас не меньше уровня, чем были до кризиса 2007–2009 гг.² Тем не менее, по оценкам большинства международных организаций (Всемирного банка, МВФ, ОЭСР), рост мировой экономики в 2018 г. должен ускориться. При этом большинство оценок было пересмотрено в пользу повышения темпов роста по сравнению с предыдущими прогнозами. Очень напоминает «метод Мюнхгаузена» — вытаскивания себя из болота (вместе с конём) за волосы всё более позитивных ожиданий.

Наблюдавшийся в 2016–2017 гг. рост экономики в ведущих странах был следствием беспрецедентной господдержки экономики и рынков в виде программ количественного смягчения. Масштаб воздействия регуляторов предполагал бурный рост, однако темпы оживления оказались умеренными. Более того, ситуация продолжает требовать столь радикальных мер поддержки, что вопреки возникающим проблемам конфликта интересов, идеологии невмешательства регуляторов в инвестиции на фондовых рынках центральные банки ряда стран начали напрямую участвовать в покупке акций и облигаций конкретных корпораций. Такое происходит, в частности, в ЕС, Норвегии, Швейцарии и Японии (Банк Японии выкупил уже 75% японского фондового рынка). Наблюдается «забавный» феномен: сегодня доходность «мусорных» (в т. ч. околодефолтных) облигаций компаний «еврозоны» (благодаря «подвигам» ЕЦБ) — ниже, чем «первоклассных» американских облигаций минфина США. Это показатель того, что обратные связи отключены, рынка просто нет.

² Так, известный финансист М. Фабер заявил, что «мы находимся в гигантском пузыре активов, который может лопнуть в любой момент». По мнению другого финансиста, Дж. Роджерса, этот крах будет самым масштабным за весь период после Великой депрессии. При этом официальные лица (типа главы МВФ К. Лагард) источают благодущие и «льют елей» в уши инвесторов и политиков.

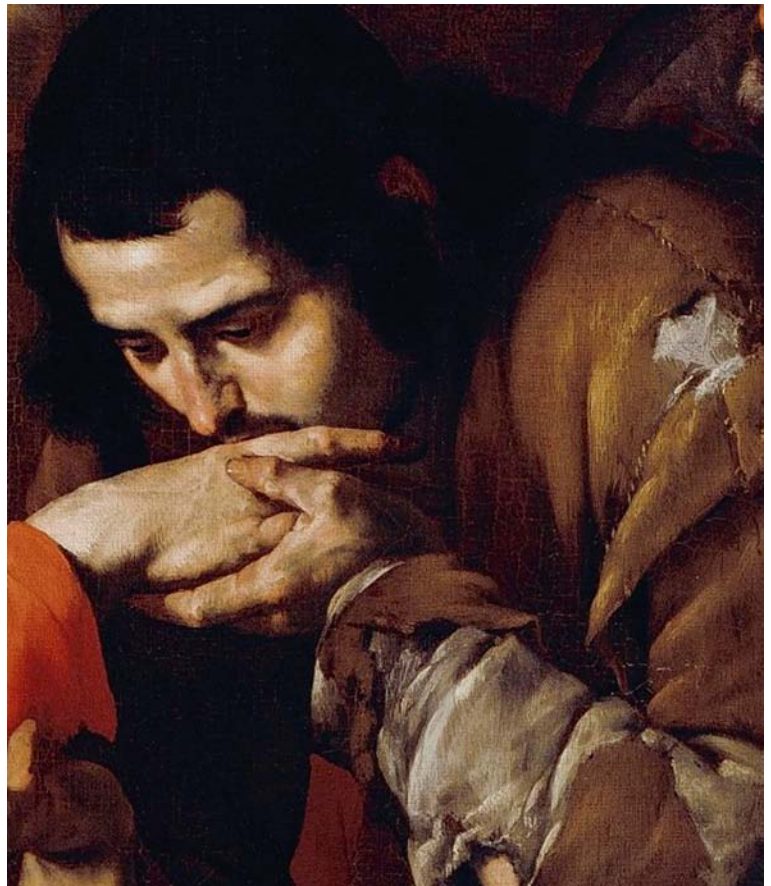
Новая масштабная коррекция тем более вероятна, что рост фондовых рынков не подкрепляется ни соответствующей динамикой ВВП, ни улучшением показателей корпоративного сектора в целом. Более того, задолженность американских нефинансовых корпораций достигла тех максимумов, которые были характерны для уровней, предшествовавших кризисным провалам в прошлом. Аналогичные показатели фондового рынка также достигли своих очередных пиков.

Многолетней проблемой экономики США остаётся двойной дефицит: торгового баланса и федерального бюджета. Этот дефицит будет значительно увеличен вследствие как налоговой реформы Трампа, так и начатой им торговой войны. Согласно оценкам комитета по бюджету конгресса США (апрель 2018 г.), дефицит бюджета уже в 2019 г. подойдёт к отметке 1 трлн долл., а в 2020 г. — превысит её. В 2021–2028 гг. дефицит составит в среднем 4,9% ВВП, более высокие значения этого показателя наблюдались после Второй мировой войны только в посткризисный период 2009–2012 гг.

Значительные риски несут и необеспеченные обязательства США, рост которых за последние 17 лет существенно обогнал рост ВВП страны, на конец 2017 г. их объём в два раза превысил объём госдолга.

Одним из ключевых факторов, способных вызвать дестабилизацию мировой финансовой системы, является повышение учётной ставки ФРС США. Ожидалось, что в 2018 г. она будет повышена трижды, теперь же речь идёт уже о четырёх повышениях. По оценкам ОЭСР, к концу 2019 г. учётная ставка ФРС достигнет 3% (верхняя граница).

Рост ставок также осложнит ситуацию из-за большого объёма валютных свопов, которые активно используются в настоящее время финансовыми институтами. Их ежегодный объём, по оценкам Банка международных расчетов, превышает 5 трлн долл. При низких процентных ставках ряд банков (в первую очередь шведские и немецкие) активно применяли эти инструменты с целью хеджирования рисков. При повышении ставки могут возникнуть массовые убытки и технические дефолты. Повышение ставок может вызвать глобальные кризисные процессы и с учётом

высокой долговой нагрузки в мировом масштабе (глобального долгового пузыря).

Хотя банковский леверидж в США (отношение активов к капиталу) за последние годы снизился, с учётом рынка деривативов и теневого (офшорной) финансовой системы наблюдается резкий рост рисков в кредитной системе США в целом. Отметим, что объёмы операций с деривативами на мировых рынках и накопленные объёмы деривативов у крупнейших американских банков превышают предкризисные уровни.

В глобальном масштабе текущую нестабильность — в дополнение к «пузырям» на сырьевом, фондовом и долговом рынках — усиливают и «пузыри» на рынке криптовалют³.

Весной 2018 г. наблюдалось ухудшение большинства экономических и финансовых показателей, что свидетельствует о замедлении экономического роста в мире. При этом ФРС США сокращает свой баланс на 20 млрд долл. в месяц, а к концу 2018 г. планируется выйти на отметку 50 млрд долл. ЕЦБ сократил про-

³ За криптовалютами, по имеющимся оценкам, могут стоять интересы неких «специальных организаций» со своими специальными целями, одной из которых может быть задача оттянуть на себя избыточную ликвидность, чтобы затем резко уменьшить её объём путём спровоцированного кризиса. Могут быть и иные системные задачи, такие как глобальное перераспределение активов, масштабная дестабилизация ситуации, установление полного контроля (отказ от наличных), др. внеэкономические цели.

грамму количественного смягчения до 30 млрд евро (максимум составлял 80 млрд евро) в месяц. Начало процесса количественного ужесточения уже привело к снижению темпов роста денежной массы и в итоге может существенно препятствовать глобальному росту.

Исходя из «параметров порядка» американской и глобальной финансовой системы, её «хрупкости» в условиях перехода ФРС (и за ней других центробанков) к сокращению своего баланса сформулируем сценарии саморазрушения/сноса этой системы, которые различаются степенью вероятного ущерба для российской экономики и её бизнес-элит.

1.3. Определение вероятных параметров краха/управляемого сноса

Режим краха/сноса по теоретическим соображениям и по опыту (в т. ч. и российскому) может протекать в трёх сценариях: кризиса (падение на 10–15%), коллапса (падение до трети) и катастрофы (до половины и более).

«Тайминг» этой игры составляет не недели, а месяцы и даже (с учётом масштаба системы), скорее всего, годы. Распад Российской империи

заял около года (1917), распад СССР — около трёх лет (1989–1991). Распад глобальной американоцентричной системы потребует соразмерного времени.

При этом, как считают финансовые аналитики, **«решение вытащить вилку из розетки уже принято».**

Проблема в том, что для устранения «пузыря центробанков» необходимо признание их собственной ответственности, а главное — демонтаж их власти, которая выросла за последние 10 лет до беспрецедентных уровней.

Гораздо проще назначить ответственной Россию и потребовать от неё «заткнуться и убраться», как это сделал министр обороны Соединённого Королевства Гэвин Уильямсон. Мы услышим прямые обвинения России в обрушении глобальной (западной) финансовой системы, как только по ней пойдут первые открытые трещины: будет ли это пресловутая кибератака, «новичок», «старичок» или «бодрячок», — роли не играет.

А) Сценарий «Благоприятный» (вероятность — стремится к нулю)

Благоприятный сценарий близок к тому, что ожидают ОЭСР и другие международные организа-

ции, полагающие, что, несмотря на глобальные риски, темпы роста мировой экономики ускорятся. Так, по прогнозам ОЭСР (март 2018 г.), эти темпы вырастут с 3,7% (2017 г.) до 3,9% в 2018–2019 гг. При благоприятном сценарии в США возможны ускорение роста ключевых экономических показателей, стабилизация рынка труда, рост внутреннего спроса, нормализация баланса ФРС и пр.

В благоприятном сценарии предполагается, что американская налоговая реформа имени Дональда Трампа пройдет успешно. Суммарный эффект от уменьшения налоговой нагрузки на бизнес и домохозяйства может составить 0,5–0,75% ВВП. В сочетании с повышением ставки ФРС налоговая реформа способна стимулировать приток капитала в США — знаменитый «долларовый пылесос».

Но способна ли налоговая реформа сбалансировать бюджет США? Вряд ли — скорее, наоборот. Этот сценарий, как включённый форсаж, способен дать Трампу всплеск для закрепления власти республиканцев к промежуточным выборам в ноябре, а затем инерция победит.

Б) Сценарий «Инерционный» (вероятность — 1/9)

В этом сценарии предполагается, что при определённых условиях устранение «пузырей» (долговых, фондовых, криптовалютных и др.) может происходить достаточно медленно, приобретая вид скорее «сдутия», чем «схлопывания». При этом отдельные «пузыри» (например, на рынке гособлигаций) могут даже какое-то время расти.

При таком инерционном сценарии рост мировой экономики может затормозиться, цены на нефть — несколько снизиться из-за снижения мирового спроса и ухудшения ожиданий участников мировых сырьевых и финансовых рынков. Для западных стран санкции могут создать дополнительные препятствия с точки зрения выстраивания взаимовыгодного механизма сотрудничества и формирования условий, расширяющих возможности их собственного развития.

В) Сценарий «Кризис» (вероятность — 1/3)

В сценарии «Кризис» предполагается вовлечение экономики США в рецессию и финансовое сжатие. Будут иметь место ухудшение показателей финансового сектора и паника на американских рынках, что вызовет комплекс нерыночных мер со стороны правительства США — вплоть до приостановки биржевых торгов (для ряда

наших компаний — например, РУСАЛа — это уже реальность).

Деятельность российских бизнес-групп, ориентированных на каналы внешнего финансирования, резко осложнилась по мере ужесточения режима санкций (включения компаний и лиц в SDN-лист минфина США, предусматривающий полный «отказ в обслуживании» таких субъектов американской финансовой и правовой системой плюс вторичные санкции против тех, кто продолжает с ними иметь дело). Традиционный канал финансирования через западные и офшорные центры перекрыт, что транслируется в экономику РФ по каналам текущих операций (экспорта) и капитальных операций (необходимость досрочного возврата кредитов). В данном сценарии при негативной геополитической ситуации и неблагоприятной ценовой конъюнктуре мировых товарных рынков стоимость российского экспорта заметно снизится, что затормозит или даже существенно сократит и внутренний спрос.

Г) Сценарий «Коллапс» (вероятность — 2/9)

По прогнозам Goldman Sachs, в ближайшие шесть месяцев доходность 10-летних казначейских облигаций вырастет до 3,5%. Это спровоцирует уход инвесторов из акций в гособлигации, усиливая обвал фондовых рынков. Рост учётной ставки и доходности гособлигаций также должен привести к оттоку капитала с рынков развивающихся стран, что вызовет там обвалы и дестабилизацию. Трёхмесячная ставка по долларовому Libor, используемая при ценообразовании в многочисленных контрактах по всему миру, уже выросла до самых высоких значений с 2008 г. Последние годы глобальные банки на рынке процентных свопов в основном играли на успокоение/снижение ставок. Скачок доходности поставит их перед выбором: либо выплаты по этому инструменту в среднесрочной перспективе порядка 3–5 трлн долл., либо попытка заставить ФРС отказаться от политики дальнейшего повышения ставок и вернуться к политике нулевых или даже (как у ЕЦБ и Банка Японии) отрицательных ставок с новым раундом «количественного смягчения». Этот момент попытки рынка (глобальных финансовых игроков) «сломать ФРС» может спровоцировать переход кризиса финансовой системы в режим коллапса.

В данном случае, при сохранении текущего режима «встраивания РФ в мировую экономику» и продолжении реализуемой ЦБ и Минфином политики «вашингтонского консенсуса», про-

изоидёт существенное падение экономики РФ, способное перерасти в полномасштабную катастрофу, аналогичную началу девяностых. Это будет означать во внутренних расчётах массовые неплатежи и банкротства, в связи с чем могут возникнуть проблемы энерго- и продуктоснабжения больших городов. На поддержку банковского сектора в рамках данного сценария потребуется около 10–15 трлн рублей (в текущих ценах).

При «коллапсе» показатели вывоза капитала из России достигнут 100 млрд долл. и выше (как в 2014 г.), что невозможно без растраты валютных резервов страны. Этому будет способствовать нарастающая дисфункциональность финансовой системы, которая постепенно будет прекращать кредитовать реальную экономику и даже обслуживать платёжный оборот. Произойдёт массовое бегство вкладчиков из банков. Даже госбанки не смогут удержать своих клиентов.

Д) Сценарий «Катастрофа» (вероятность — 1/3)

В сценариях «Коллапс» и «Катастрофа» предполагается, что на экономическую ситуацию всё сильнее будут влиять геополитические факторы.

Сценарий «Катастрофа» может произойти в силу одновременного стечения процессов деструкции, когда из-за какого-то первичного шока (необязательно в финансовой сфере) начнут параллельно развиваться взаимно усиливающие друг друга факторы кризисных обострений. Возникнет резонанс разрушительных волн разной природы и амплитуды.

Существенный обвал может произойти и на сырьевых рынках как в силу объективных факторов (например, шока и паники потребителей), так и субъективных, в т. ч. — информационных и геополитических, факторов.

В ситуации глобального экономического хаоса, паралича мировой финансовой системы и кризиса доверия к ведущим регуляторам (ФРС, центробанкам и минфинам западных стран) экономика РФ, при отсутствии адекватной политики со стороны российских регуляторов, также автоматически попадёт в ситуацию катастрофы. Девальвация рубля может приобрести неконтролируемый характер. Станет невозможным финансирование критического импорта. В режим натурального хозяйства могут перейти и население, и крупные компании (бартер, свои платёжные системы, собственные системы распределения продуктов питания и т. д.).

Сценарий «Катастрофа», вероятно, приведёт к кардинальному пересмотру подходов к российской экономической политике. В частно-

сти, представляются возможными такие меры, как введение запрета на экспорт капитала, резкое ужесточение валютного регулирования, национализация ряда промышленных, торговых и транспортных предприятий. При этом неизбежен отказ от «плавающего» курса рубля, «замораживание» цен на многие товары и услуги, а также контроль над распределением жилья и важнейших товаров. Однако эта запоздалая реакция не купит угрозы.

Хотя в 2018 г. вероятность финансовой катастрофы в США (и тем самым крах/управляемый снос глобальной финсистемы) кажется несущественной, по мере развития кризиса и в случае перехода его в режим схлопывания (коллапса) подобный исход будет казаться для основных проигрывающих схватку глобальных игроков всё менее немыслимым — так в своё время для советской партхозноменклатуры стал желанным роспуск СССР после коллапса финансовой системы Союза и невозможности дележа союзных выгод (в т. ч. от эмиссии).

Как в военном деле надо быть готовым к нападению всеми силами и средствами, которые имеет противник, так и в сегодняшней «предвоенной» ситуации и бизнесу, и государству Российскому надо готовиться, прежде всего, к наихудшему из возможных сценариев — «Катастрофе».

Много лет либералы пугали нас автаркией («венесуэльским путём»), США вознамерились реализовать эту модель для нас за год-два, увертываясь (как они надеются) от собственной катастрофы.

II. АДАПТАЦИЯ РОССИЙСКОЙ БИЗНЕС-ЭЛИТЫ К «ИГРЕ БЕЗ ПРАВИЛ»

Что такое западные «правила игры» для российской бизнес-элиты?

Это — возможность «встраиваться» в глобальное финансовое и правовое пространство, использовать чужие юрисдикции и банки в своих интересах.

И хотя это «встраивание» всегда несло в себе известные риски, они считались ниже, чем риски отечественного правоприменения и денежного оборота. Такое вытеснение «удобной юрисдикцией» неудобной российской (как хорошими деньгами плохих — знаменитый закон денежного обращения Грешема) было, безусловно, почти всегда правилом в 1990-е. Так оставалось в основном в 2000-е; и уже не совсем так в 2010-е. В 2018-м это становится **совсем не так**: мышеловка захлопывается быстрее, чем сообщают

в ней мыши, стащившие туда весь сыр и свившие там гнёздышки для своих мышат.

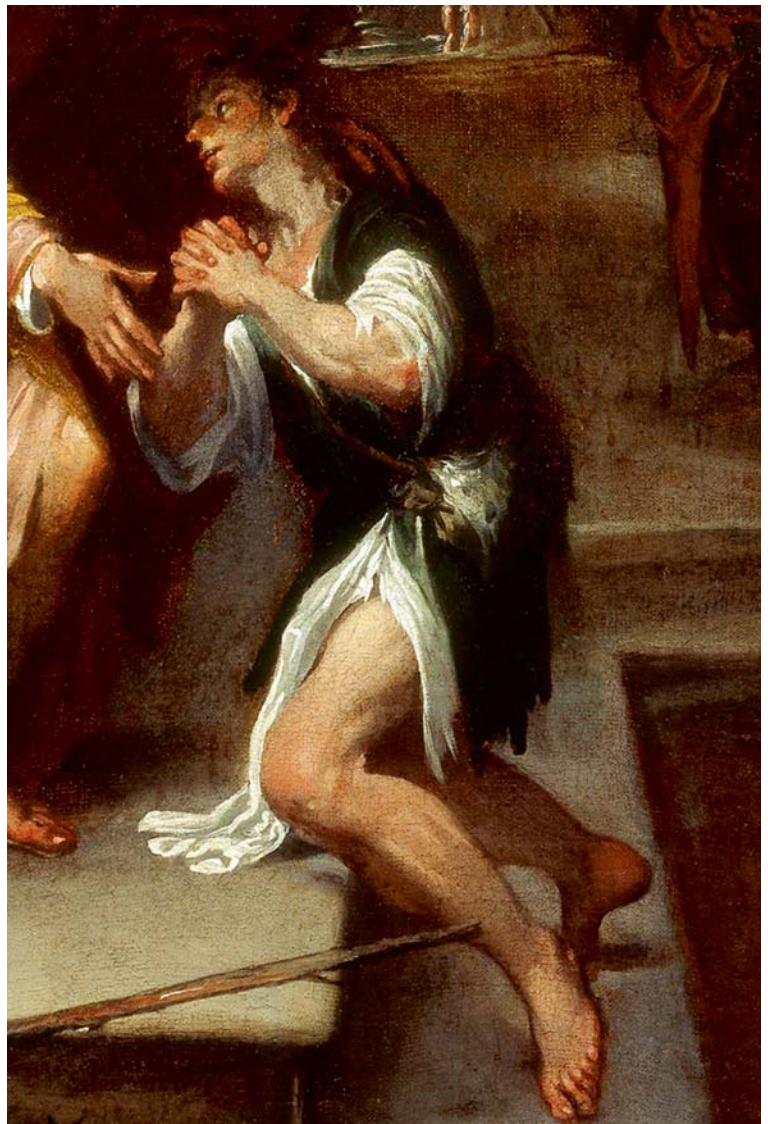
Чужие юрисдикции перестают быть для бизнеса комфортными ровно в тот момент, когда глобальные банкиры, аудиторы, рейтинговые агентства, суды и прочие системные элементы этой «удобной инфраструктуры» начинают рассматривать все операции (причём задним числом, с момента заводки к ним бизнеса на обслуживание) под «русофобской лупой»: если есть в происхождении капитала намёк на «русский след», режим с благоприствования сначала меняется на режим изоляции, а для непонятливых — и на «тюремный режим».

Правовая база в виде «Закона о криминальных финансах» и права администрации без суда и следствия объявлять любого вне закона (как физлицо, так и компанию), а также карать за любые отношения с объявленными вне закона (т.н. «вторичные санкции») подготовлена как в США, так и в Великобритании. Спорить тут бесполезно.

2.1. Назад в 1990-е? Эскалация угроз

«Плата» за пользование чужой финансово-правовой инфраструктурой переносилась на российское государство (недоплата налогов, вывоз капитала во всех формах и проч.). За безопасность и бесперебойность этого процесса отвечали делегированные во власть представители бизнес-элиты, которые объясняли политическому руководству и населению, что «иного не дано», что кроме неолиберального «мэйнстрима» для таких стран, как Россия, ничего в мире нет. Режим «встраивания» работает хоть как-то и для кого-то только до «момента истины» — схлопывания внешних долговых и фондовых пирамид, куда встроены наши РБГ и конкретные, давно легализованные на Западе граждане двух-трёх (иногда больше) государств. Для Запада — они все русские, все, кто сделал здесь деньги и «имеет связи с Кремлём». Гражданства, приобретённые за инвестиции (это есть в соответствующих законах), можно отобрать задним числом, объявив инвестиции криминальными и/или «новых граждан» подозрительными/токсичными. И вот уже Лондон пересматривает задним числом 700 выданных инвестиционных виз, а Кипр собирается пересмотреть выданные ранее инвестиционные гражданства. Затем — Мальта, далее везде.

Запад никогда не воспринимал использование чужими (русскими, арабами или китайцами) своего финансового и правового пространства

в качестве неотъемлемого права последних. С точки зрения Запада это — временно дарованная привилегия, которая должна подтверждаться выгодой для глобальных банков и центров потребления: пока есть приток ресурсов (в первую очередь — финансовых), можно потерпеть наивность чужаков, считающих удобства на Западе «общечеловеческими».

Но как только «чужие» начинают переигрывать «своих» на созданном для «своих» поле (будь то спорт, экономика или война) — включаются «встроенные закладки» (антидопинговая система, рейтинги, аудит — всё что угодно), и начинается «игра без правил».

Вводя санкции или используя накопленную информацию о всех бизнес-операциях и интересах, накопленных в системе за многие десятилетия, западные монетарные власти всего лишь реализуют свою интеллектуальную ответственность на базовое правовое обеспечение —

как «Майкрософт» оставляет за собой право на «обновления» и использование персональных данных всех пользователей своего «удобного софта». «Мягкая сила» (soft power) основана, прежде всего, на подавляющем господстве в области программного обеспечения. Зависимость российского бизнеса в информационной сфере тотальна: более 97% государственных информационных систем работает на западном софте, в бизнесе эта доля, вероятно, сопоставима. Поэтому, когда крупнейшие мировые компании вводят санкции (прекращают поставки софта и продление обслуживания ранее поставленных систем), это ставит под угрозу всю деятельность крупнейших российских компаний.

В этой ситуации решение проблемы «информационного суверенитета» не менее важно и приоритетно, чем возврат «финансового суверенитета» страны.

Краткосрочная цель «кремлёвского доклада» США — «подвесить» как можно больше рос-

сийских компаний и лиц, присвоив им некие «индексы коррупции», на основании чего в дальнейшем (в неопределённое время и неопределённым способом) можно будет их «щипать» и «разделять».

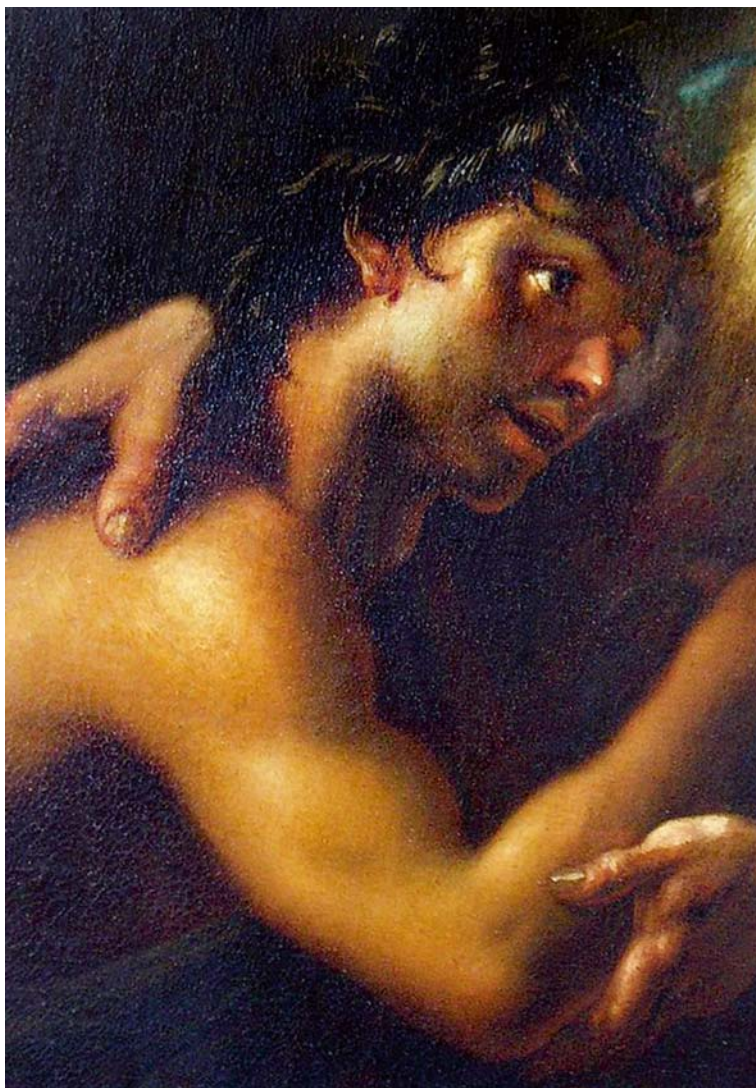
Отработка «технологий ошипывания» и выбрасывания с глобальных рынков производится открыто с начала апреля на примере группы О. Дерипаски, в которую входит более 100 компаний в трёх офшорных юрисдикциях. Стоило двадцать лет выстраивать хитроумные схемы владения, запутанные, защищённые лучшими международными юристами трастовые и иные редуты, чтобы тот, кто и придумал все эти юрисдикции и взрастил всех этих юристов, в один момент перемножил это всё на ноль: токсично всё, о чём вы даже подумали применительно к этому человеку и к его армии. Хотя закалённый герой алюминиевых войн 1990-х попробует.

Внешняя оболочка империи О. Дерипаски, на которую привлекались средства на глобальных рынках, представляет собой структуры в офшорных юрисдикциях (Кипр, BVI, Нидерланды), которые практически не связаны с реальными активами в России. Схема владения в электроэнергетике вообще «закольцована». Алюминиевый бизнес замкнут на 6 компаний BVI, однако последние не имеют прямого отношения к «вывеске» офшора, на который привлекались средства (компания SPV), таким образом владелец готовился к ситуации форс-мажора, и «ящерица может легко отбросить свой хвост». Так кажется на первый взгляд.

Однако то, что является нормальной защитой в обычной ситуации, с точки зрения логики SDN является «пустой уловкой»: любые, даже самые слабые следы будут трактоваться в логике войны против «ОПГ Кремль».

Предложенный 23 апреля с.г. минфином США «выход из ситуации»: снятие санкций с РУСАЛа в случае ухода О. Дерипаски как его главного бенефициара, — «лукавый»: в SDN-лист включены в качестве «друзей Путина» почти все руководители крупнейших госкомпаний и госбанков, а также многих частных. Поэтому логика смены собственников и руководителей по требованию минфина США ведёт к требованию смещения В. Путина.

Тем не менее, если «не играть в поддавки», ряд российских стратегических активов (газ, нефть, металлы, химия, логистика, атомная и оборонная промышленность) достаточно защищены от внешнего «враждебного поглощения» как с точки зрения структуризации бизнеса, так и с точки зрения технологической и рыночной

самодостаточности. Если часть из них можно «достать» через США и Европу, которые служат основными потребителями их продукции, то некоторые можно «добыть» только «вместе со страной».

Осознавая свою «стратегичность», соответствующие РБГ проводят достаточно активную и успешную глобальную экспансию, которую невозможно остановить чисто финансовыми средствами. Но можно — нечестными и нефинансовыми.

Поэтому другая среднесрочная цель «доклада Мнучина» — не банальный захват российских средств и активов, находящихся на Западе, а отсечение всех РБГ от глобальных рынков, при этом с комфортными для США исключениями (типа поставки ракетных двигателей, атомного топлива, титана и др.) — в расчёте на то, что нуждающиеся в валюте русские не посмеют ответить контрударом даже в условиях блокировки для них европейских и (косвенно, через отказ от финансового и информационного обслуживания) азиатских рынков.

Есть у «доклада Мнучина» и долгосрочная цель — склонить все стратегические РБГ к переходу в статус «дочек» глобальных корпораций и фондов (прежде всего, с американской пропиской): тогда санкции де-факто перестанут действовать, даже если они не будут отменены де-юре.

Это — проект «пересборки» нашей страны при внешнем сохранении суверенитета и приличий: таким же образом после 1945 г. были «пересобраны» Германия и Япония, которые в обмен получили временную возможность быстрого, встроенного в глобальный рынок развития.

Если США перешли к «разборке по понятиям», логично было бы разговаривать с ними на том же языке. После санкций против О. Дерипаски и его компаний в Сбербанке возникла потенциальная дыра (по оценке Fitch, в 20% капитала, или в 11 млрд долл.), при этом американские акционеры владеют примерно 20% капитала Сбербанка. Самое время предложить «взаимозачёт» — поменять акции на долги, и пусть американские акционеры идут в минфин США с вопросом, что им делать с этой «уступкой прав требования». Но такое решение (есть и более радикальные, ос-

нованные на возврате к происхождению РУСАЛа в конце 1990-х годов, так же как и для остальных частных компаний — судебная оценка залоговых аукционов, как уже было сделано в голландском суде в «деле ЮКОСа») — это «выход за флажки», означающий, что мы собираемся играть по своим правилам, а не адаптироваться к игре без правил.

Сакраментальный вопрос: **кто на этом пиру российские бизнесмены и чиновники: «чужие»? «хищники»? «жертвы»?**

В индивидуальном плане — люди как люди, хотя в «свободной охоте» рыночных реформ успешны были прежде всего те, кто не сильно мучился рефлексией, но имел железную хватку и мог отстоять захваченное. Однако для большинства «выход за флажки» ментально и интеллектуально почти недоступен — легче попытаться приспособиться к условиям санкций в надежде «проскочить между струй».

На таких Запад собаку съел, и минфин США готов объявить любого россиянина вне закона. К удивлению многих, в SDN-лист включили Виктора Вексельберга, который имеет серьёзные связи и бизнес в самих США. Может быть, это знак всем остальным о том, что попытки возврата в Россию или двойной лояльности быть не может? По данным управляющего директора юридической фирмы Marks & Sokolov Брюса Маркса, который представлял интересы канадской Norex Petroleum в её иске против Виктора Вексельберга и Леонарда Блаватника в США, у Вексельберга был вид на жительство в США, но в середине 2000-х он отказался от американской грин-карты. В результате этого решения его статус в США изменился на иностранца (alien), и поэтому стало возможным наложить на него санкции, что и было сделано⁴.

«Обосновывая введение санкций против Дерипаски, минфин США указал на то, что тот сам заявлял о наличии у него российского дипломатического паспорта и участии в переговорах за рубежом от имени российских властей, а также на наличие слухов, согласно которым Дерипаска имел связи с организованной преступностью и был причастен к подкупу чиновника и к убийству неназванного бизнесмена»⁵. Таково почти официальное обоснование санкций к крупнейшему (после Китая) производителю алюминия.

⁴ https://www.rbc.ru/economics/20/04/2018/5acf9c389a794718985fa038?from=center_1

Вообще, обоснование минфином США включения Вексельберга в чёрный список подкупает бесхитростью: мол, этот парень, как мы слышали (хотя решения суда нет), давал взятки губернатору Коми, значит, мы имеем право его считать мафиози и забрать всё, что сможем, себе. В этом универсальность отмычки под названием «обвинение в коррупции»: экстерриториальный характер (он же наверняка использовал наши доллары) и «законное право» забрать награбленное.

⁵ <https://www.rbc.ru/politics/06/04/2018/5ac76ffe9a794722c5f0c017>

2.2. Позиционирование основных российских бизнес-групп (РБГ) в глобальном экономико-правовом пространстве

Рассмотрим общую модель устройства российской экономики.

Постсоветская модель экономики унаследовала «трехтактный движок», работавший в 1950–1980 гг.: ВПК (оборона) + ТЭК (экспорт) + внутренний инвестиционный комплекс (население). Модификация модели произошла через её упрощение (через гиперинфляцию и дефолт): третьим элементом стал к настоящему времени, вместо разрушенного инвестиционного комплекса, новый неолиберальный субъект — банковско-бюджетный комплекс (ББК), олицетворяемый связками Сбербанк–ЦБ и ВТБ–Минфин и соответствующими «системными либералами», прочно держащими контроль над ЦБ и Минфином.

ОПК (остатки ВПК: Ростех + Росатом + Роскосмос + ОАК + ОСК и др.) объективно тесно связан с силовиками, эти группы «россиецентричны», т. к. без сохранения стержневых компетенций и технологий они потеряют и масштаб деятельности (как в значительной мере потерял Роскосмос), и соответствующие властные позиции. РБГ, относящиеся к ТЭКу и иным экспортным отраслям, напротив, объективно «космополитичны», однако они уже не могут (в период «гибридной войны» США и «коллективного Запада» в целом против России) без государственного силового прикрытия (иначе закроют доступ на западные рынки и всё *там* отберут — пример РУСАЛа быстро приводит в чувство).

В отличие от них ББК «не имеет родины» в принципе (это просто «сегмент глобальной финансовой системы»), т. к. он «сидит» на эмиссионном доходе и бюджетной ренте, «крышется» финансовыми «алхимиками» и клептократами космополитического или патриотического окраса, что не важно с точки зрения результата для хозяйственной системы в целом, потери конкурентоспособности и невыполнения ББК своей основной (инвестиционной) роли в экономике страны.

Ренессанс ББК (реинкарнация «семибанкирщины» 1990-х) за последние 10 лет был «политически терпим» как «операция прикрытия» возрождения ОПК и за счёт большей нагрузки на ТЭК (после «дела ЮКОСа» привед-

шего сырьевых баронов в некоторое чувство). Но при усилении внешнего давления на страну и лишении её (тем или иным способом) львиной доли экспортных доходов ББК должен готовить очередной открытый дефолт (в ползучем виде «санации» банковской системы он идёт уже сейчас) — через девальвацию (сброс внутренних обязательств) и/или отказ от внешних обязательств. Проблема состоит в том, что финансисты искренне считают все возникающие в ББК прибыли собственными, зато издержки — общественными; тогда как силовики и сырьевики склонны считать заключённые с финансистами сделки мошенническими. Так, Транснефть попыталась отсудить у Сбербанка 130 млрд руб. по «барьерным опционам» на курс рубля 2014 г., однако стороны достигли некоторого мирового соглашения, детали которого не раскрываются.

Такое «водяное перемирие» между ББК, который привык к твёрдой банкирской и бюджетной ренте, с одной стороны, и связки ОПК с ТЭК, живущей с переменных доходов (зависимых от мировой конъюнктуры и внешних внеэкономических рисков) в 2018 г. становится невозможным: вывоза на Запад по 5–7% ВВП по линии ББК, рассчитывать на требуемый двум «столпам режима» (ОПК–ТЭК) экономический рост или хотя бы сохранение статус-кво нельзя.

В этих условиях ББК должен быть (второй раз за новейшую историю страны) демонтирован и вместо него образован «внутренний эмиссионный картель» (инновационно-инвестиционный комплекс), проводящий эмиссию в целях национального развития, а не в интересах частных (хотя и в государственной форме) финансистов-глобалистов. Если же этого не будет сделано, вместо решения проблем развития и бедности как условия стабильности и смысла своего существования, ОПК и ТЭК получат — дополнительно к беспрецедентным внешним угрозам и давлению — внутреннее сжатие финансовых (в т. ч. бюджетных), кадровых и иных ресурсов.

Поражённые когнитивным оружием «единственно верной» неолиберальной модели, многие руководители ОПК и ТЭК не понимают логики борьбы с ними, даже если номинально они считаются патриотами и прагматиками. Либо же «продаются в розницу», предпочитая встраиваться в «финансовые команды утилизаторов» по вывозу/проеданию капитала⁶.

⁶ Это относится, прежде всего, к ТЭК, но и в ОПК есть примеры противоположной направленности и разной эффективности: в отличие от Росатома, в котором масштабные НИОКРы пошли на осуществление проекта «Прорыв» по формированию ЗЯТЦ (в т. ч. благодаря таким ветеранам-патриотам отрасли, как Е. Адамов), в Роскосмосе, по оценке Счётной палаты и других проверяющих структур, десятилетиями многомиллиардные НИОКР, доходящие до половины финансирования соответствующих ФЦП, «осваивали» путём перелицовки отчётов советского времени.

На это и делается ставка (через сохранение ББК как «шлюза с внешним миром» и дарования ему доли ВВП примерно в 15–20%, присваиваемой им) внешними партнёрами финансистов (агрессорами), которые понимают, как устроена модель, управляемая «лучшими министрами финансов и главами ЦБ». «Подсадив на иглу» лёгких доходов (в том числе теневого личного) от финансовых манипуляций (сделок слияния и поглощения по всему миру), затянув РБГ в области ТЭК в глобальные рынки и логику «долговой удавки», акционеры с Потомака и Темзы уверены, что «клиент не соскочит с крючка» и будет до последнего (момента ограбления) считать себя хоть младшим, но партнёром. И даже когда у всех подряд отнимают активы и репутацию, некоторым (нужным на десерт) будут шептать: «Это не про вас, вы с нами за столом; вы — гости, а не пудинг».

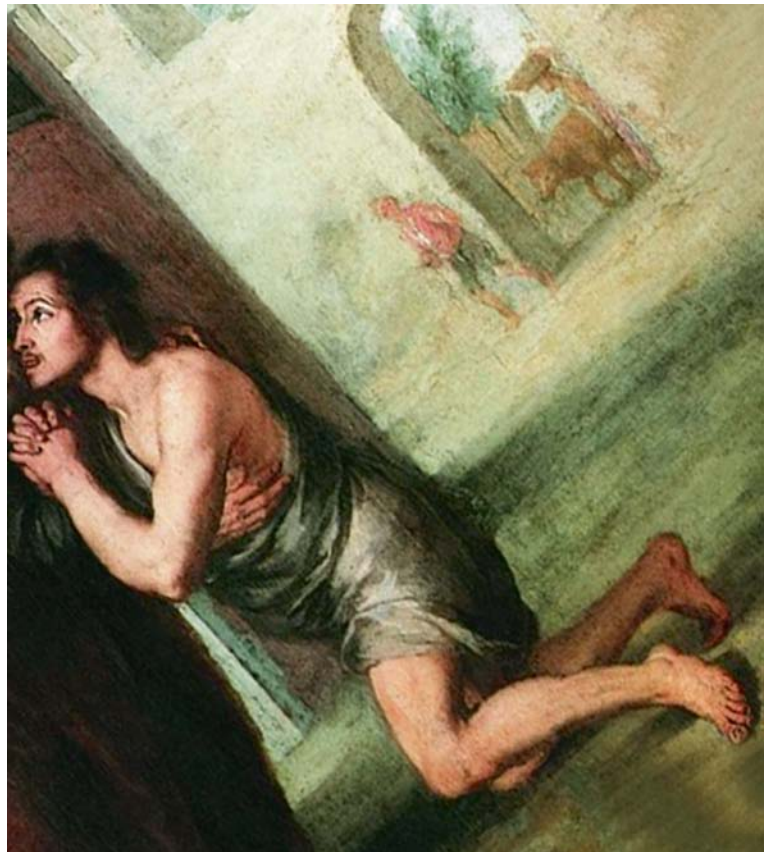
Выделим некоторые стратегии, которые реализуют РБГ последние четыре года после введения первых секторальных и системных санкций:

— **стратегия «олл ин»** (всё в игру): группы Роснефть, Газпром, ряд других госкомпаний и госбанков, за которыми стоит государство с его армией и печатным станком⁷;

— **стратегия «пас»** (остаться при своих, выжить): Роскосмос, РЖД, Сбербанк, ВТБ, «Лукойл», «Базэл», Норникель, «Алроса», металлурги, химии, производители удобрений;

— **стратегия выхода в кэш**: Сургутнефтегаз — третья по размерам нефтяная компания России (11% добычи и 7% переработки) и самая богатая компания страны (на её счетах на конец сентября 2017 г. было около 2,146 трлн рублей). Конечных собственников не раскрывает, руководитель компании В. Богданов попал в SDN-лист минфина США — под предлогом признания компании «тайной заначкой» Путина она рассматривается как следующая законная цель «охоты»;

— **стратегия повышения ставок**: «Новатэк», «Сибур», Росатом, ОАК, ОСК, потенциально (если найдет ресурсы) Норникель. Эти корпорации находятся в активном строительстве новых

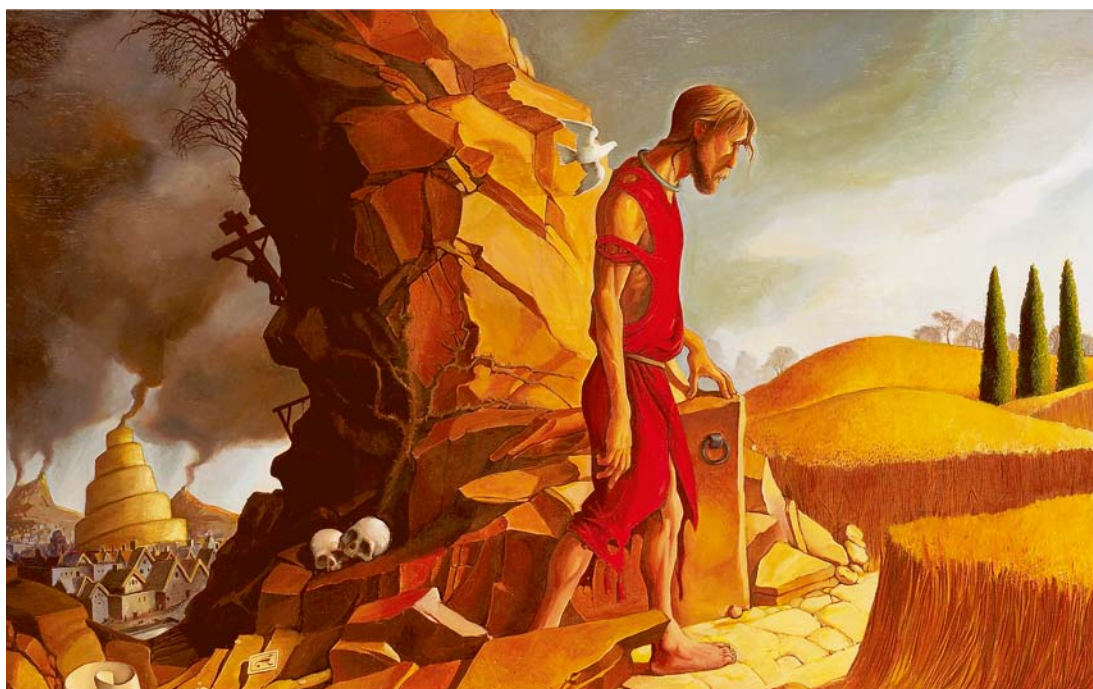

инновационно-технологических кластеров, способных резко усилить их (и страны) роль в современном мире.

Есть ряд РБГ, стратегии которых носят нерыночный характер, что вызвано их нечётким рыночным позиционированием (например, Ростех или ВЭБ).

Отдельный анализ требуется для стратегий ключевых игроков финансового рынка: ЦБ, который через ФКБС стал крупным игроком банковского рынка; Сбербанк, на стратегические вопросы в котором влияют частные институциональные инвесторы (40% из частной половины капитала Сбербанка владеют американские игроки, еще 30% — британцы); ВТБ, который превращается (по словам его президента А. Костина) в фонд прямых инвестиций на 15 млрд долл. (в активах — ритейл-сеть

⁷ В общей сложности трубы в обход Украины, в Турцию и в Китай, будут стоить Газпрому 27 млрд долл., что увеличит его долг к 2020 г. на 1,8 трлн руб. Хотя закон о санкциях, принятый Конгрессом и подписанный Д. Трампом пока не запрещает такие сделки напрямую, в нём прописано, что президент США имеет право заблокировать активы и закрыть доступ к американской банковской системе для тех, кто инвестирует в строительство Россией экспортных трубопроводов. Дамоклов меч подвешен не только над потенциальными кредиторами Газпрома, но и над его подрядчиками. За 9 месяцев 2017 г. Газпром потратил на капитальные вложения и инвестиции 1,081 трлн руб., получив от операционной деятельности доходы на сумму 612,8 млрд руб. С учётом выплаты дивидендов (191,7 млрд руб.) разрыв между доходами компании и основными расходными статьями оказался почти двукратным и составил 661,9 млрд руб. Покрывать его пришлось, увеличивая долг и проедаая накопленные на банковских счетах запасы. Общий долг Газпрома превысил 3,1 трлн руб., а чистый (то есть не покрытый денежными резервами) — за квартал подскочил на 37% и вышел на новый исторический рекорд в 2,6 трлн руб. Подобная же стратегия (с ещё большим акцентом на зарубежные активы) реализуется Роснефтью, которая стала крупным игроком в Индии, Венесуэле, Египте.

«Магнит», крупные строительные компании, недвижимость и проч.); Газпромбанк, интересы которого замкнуты на такие стратегические РБГ, как Роснефть, Газпром, «Сибур» и другие. В условиях неизбежного демонтажа ББК стратегии этих банков должны будут учитывать растущие с ускорением риски по мере ужесточения санкционных режимов по отношению к любым РБГ.

Казалось бы, волноваться не о чем: ЦБ РФ как «кредитор последней инстанции» в любом случае спасёт банковскую систему (как он «спас» «Открытие», БИН, «Траст», «Рост» и многих других, потратив через АСВ и ФКБС уже более 4 трлн руб.). Однако баланс Банка России критическим образом зависит от состояния и ликвидности находящихся в его распоряжении иностранных активов (2/3 валюты баланса). Риски для баланса, неведомые другим ведущим центробанкам, продуцирует и текущая денежно-кредитная политика Банка России: он — единственный из мировых ЦБ, который убыточен и планирует оставаться таковым в ближайшие годы. Всё это делает его потенциальной мишенью для финансового агрессора.

ББК заинтересован в сохранении статус-кво «любой ценой»: пусть санкциями «отрубают» отдельные РБГ, но его рента куется не на мировых рынках, а на Московской бирже — пока она под контролем, как и бюджет, и санация банков, — система «встраивания» воспроизводится (хотя и на снижающемся базисе), но за это заплатят население и внутренний бизнес, в крайнем случае — ТЭК и другие экспортные сектора.

2.3. Возможности манёвра «всё вдруг»

Адекватная реакция на эскалацию финансовой агрессии Запада состоит не только в обсуждении министром финансов А. Силуановым на весенней сессии МВФ в Вашингтоне с г-ном С. Мнучиным и «обеспокоенными американскими инвесторами» перспектив вывода из России застрявших прибылей от кэрри-трейд, а также планов по наращиванию заимствований в этом году (с 0,8 до 1 трлн долл.) при одновременной покупке валюты на бирже (безумная политика «занимай и сберегай», при которой на разнице в ставках теряется 5–7% годовых), но и в решении комплекса вопросов адаптации финансовой политики к новым условиям и, по возможности, опережающего (сценарного) моделирования и реагирования.

Среди таких элементов команды «всё вдруг» предлагается:

- разработать оперативный план нейтрализации угроз национальной безопасности и обороны в валютной, финансовой и внешнеторговой сферах, имея в виду его обязательный характер для всех органов государственной власти, компаний и банков с госконтролем;
- Банку России довести к 2020 г. долю золота в ЗВР с нынешних 20% до минимум 50%, максимально сократив долю государственных облигаций стран НАТО (сейчас — 230 млрд долл., или почти 50% активов);
- отозвать ценные бумаги российских эмитентов из депозитариев стран НАТО, запретив их хранение и оборот в нероссийских

- юрисдикциях. Московской бирже прекратить прямой доступ к депозитариям стран НАТО и к торгам на бирже зарубежным компаниям (за исключением стран ШОС)⁸;
- перейти на оплату основных экспортных товаров в рублях либо ввести обязательную продажу валютной выручки. Дополнительный спрос на рубль в размере экспортной выручки от основных продуктов экспорта (газ, нефть, нефтепродукты, металлы, удобрения и др.) в размере 2 трлн руб. в месяц (30 млрд долл.) позволит не только стабилизировать курс рубля, но и провести обеспеченную денежную эмиссию с обязательствами компаний по направлению не менее 30% средств на инвестиции (что позволит выполнить соответствующую установку президентского Федерального послания 2018 года). При этом обслуживание соответствующих валютных обязательств компаний должно происходить за счёт средств ЗВР, а в случае блокировки последних должен объявляться автоматический дефолт по таким выплатам до снятия соответствующих блокировок и санкций;
 - дать директивы Минфину РФ незамедлительно прекратить покупку валюты на биржевом рынке за счёт средств бюджета с отменой «бюджетного правила» и направлении всех высвобожденных средств на решение задач, поставленных в президентском Федеральном послании 2018 года;
 - Банку России принять публичное «правило процентной политики» (реальная ключевая ставка ЦБ РФ не выше 1,5% годовых), а также «правило курсовой политики» (удержание реального курса рубля на заданном уровне), что даст предсказуемость для принятия долгосрочных инвестиционных решений и предотвратит очередные атаки на рубль. Использовать все доступные Банку России инструменты защиты устойчивости рубля и финансовых рынков;
 - восстановить контроль Банка России над Московской биржей, для чего консолидировать контрольный пакет и избрать председателем

Наблюдательного совета биржи одного из первых зампредов ЦБ РФ;

- восстановить предварительный валютный контроль по операциям с компаниями из стран НАТО и офшорных зон. Поручить ЦБ РФ и Росфинмониторингу блокировать все операции по выводу валютных средств в пользу организаций стран НАТО и офшорных зон в случае распространения западных санкций на Минфин и ЦБ, а также системообразующие банки и компании России.

Это лишь некоторые из тех мер, к которым можно и нужно прибегнуть для защиты и консолидации интересов государства и РБГ в объявленной уже 9 месяцев назад (принятие СААТСа) тотальной финансовой войне.

III. РОССИЙСКИЕ БИЗНЕС-ЭЛИТЫ К 2020 ГОДУ

Замысел противника — разобраться с каждой РБГ поодиночке, не допустить консолидации их интересов и позиций, а также трансляции «воли к жизни» на уровень политического руководства страны. Поэтому мы видим не фронтальную атаку США сразу на всех, а постепенное усиление санкционной волны по разным поводам.

Внешние воздействия на структуру нашей экономики не следует переоценивать: эконометрические оценки влияния санкций за период 2014–2018 гг. показывают вклад санкций в общую динамику экономики на уровне 1/5, остальные 4/5 определяются действующей макроэкономической, денежно-кредитной, бюджетно-налоговой и надзорной политикой правительства и Центробанка.

В данной связи крайне актуальным является и сокращение вложений ЗВР России в американские активы. Как стало известно, «с учётом всех рисков» Центробанк в апреле-мае 2018 г. вывел из американских государственных облигаций и бондов свыше 81 млрд долл., доведя их объём до 14,9 млрд долл., что вызвало новый виток ужесточения антироссийских санкций,

⁸ В условиях введения санкций против Газпрома, Роснефти или ВТБ (включение компаний в лист SDN) либо блокировок средств Минфина или ЦБ РФ должен быть готов «ядерный вариант» принудительной и полной деофшоризации: объявление, что за короткий срок (как любит минфин США — за месяц или два) все конечные бенефициары стратегических российских компаний должны стать российскими налоговыми резидентами, реестр акционеров должен вестись в российских депозитариях и быть доступен публично. Если какие-либо крупные западные инвесторы (типа ВР в Роснефти) не захотят зарегистрировать дочернюю российскую фирму для оформления на неё пакета акций, должно быть оформлено официальное разрешение Комиссии по иностранным инвестициям с указанием условий владения пакетом «иностранным агентом». Массовая распродажа акций «портфельными инвесторами» (спекулятивными фондами и компаниями), неизбежная при таком форс-мажоре, должна быть организована исключительно на Московской бирже (для этого ЦБ должен организовать «Фонд консолидации реального сектора» по образцу ФКБС), депозитарные расписки в Лондоне и Нью-Йорке, а также на других западных биржах должны быть конвертированы в акции на внутреннем российском рынке. Второй ответ на блокировку российских средств/активов в странах НАТО — безотлагательный переход на оплату покупателями российских экспортных товаров исключительно в рублях, для чего предлагается организовать рынок «еврорубля» (де факто он уже есть, но контролируется западными банками и привязан к ОФЗ в западных депозитариях).

включая заморозку части российских активов в американской юрисдикции. К конфискационным мерам США неоднократно прибегали в прошлом. Учитывая последние прецеденты заморозки средств суверенного фонда и других зарубежных активов Казахстана, следует помнить и о возможности заморозки или ареста российских активов в других ведущих западных странах. О такой возможности говорил недавно бывший председатель Банка Англии М. Кинг: «При серьёзных обострениях отношений иностранные активы могут быть аннулированы»⁹.

Конечно, нынешнюю систему управления экономикой РФ это не ломает, и причина тут проста: доходы от сырьевого экспорта. В 2017 г. профицит российского торгового баланса (по товарам и услугам) составил 130,117 млрд долл., в первой половине текущего года, по данным ФТС, — 98 млрд долл. Благодаря им положительное сальдо счёта текущих операций платёжного баланса РФ может достигать около 20–35 млрд долл. — даже с учётом существенного оттока капитала (по многим каналам). Т.е. рост цен на экспортные товары РФ как побочное действие секторальных и индивидуальных санкций оказывается «встроенным демпфером», смягчающим их негативный эффект для отечественной экономической системы.

Но при сохранении действующей модели «встраивания» процентный канал денежной трансмиссии не сможет обеспечить связи цены денег с основными макроэкономическими параметрами (включая валютный курс). Сохранение процентных ставок на достаточно высоком уровне (при сохранении прежних подходов регуляторов) не будет стимулировать рост инвестиционного и потребительского спроса. «Стагфляционная ловушка» российской экономики будет в этом случае существенно усилена и вместо слабого роста начнётся новая фаза «рецессии».

Запад использует санкционное давление как вполне успешную стратегию: так, после включения в SDN-список РУСАЛа его капитализация упала на 70%, в то время как капитализация «Алкоа» — напротив, существенно (до 30% на пике) выросла. Санкции против российских компаний рикошетом бьют по европейским бизнес-элитам. Когда Меркель и Макрон обратились к Трампу с предложением не распространять на европейские компании, работающие с Ираном и Россией, вторичные санкции минфина США, им было отказано. Формально — потому

что данный закон таких исключений не предусматривает, а содержательно — потому что он был принят против всех конкурентов Америки.

3.1. Реструктуризация модели российской экономики. Сценарии для РБГ до 2020 г.

Согласно подсчётам Всемирного банка, за последние 15 лет доля частного бизнеса в российском ВВП уменьшилась с 65% до 29%, а доля государства, соответственно, выросла с 35% до 71% ВВП. Теперь, с точки зрения Запада, РБГ и Кремль — почти близнецы-братья, а поэтому, атакуя РБГ, минфин США и Ко атакуют башни Кремля.

Административная конфискация (полная правовая база для неё: и по частным лицам, и по компаниям, — в США и Британии полностью сформирована) всегда быстрее и проще любых судебных или конкурсных процедур. Если в России при национализации бизнеса нужно по закону выкупать имущество, а недовольный может обратиться в суд, то британские и американские законы о криминальных финансах сродни ленинским декретам о национализации: секретарь/канцлер казначейства США/Британии — это своего рода «матрос Железняк», который в любой момент относительно любого актива может заявить «Караул устал!» и забрать всё себе.

В этом — вся суть западной (англосаксонской) системы: после стадии «напитывания губки», длящейся годами и десятилетиями, неизбежно следует стадия «выжимания губки». «Получая национализация» нулевых подобна накоплению частного капитала в 1990-е годы (только с противоположным знаком). Российская экономика входит в режим быстрой насильственной реструктуризации собственности (банковская система вошла в него с опережением на 1–2 года), в результате чего возможны изменения, сопоставимые с крахом «семибанкирщины» после дефолта 1998 г.

Эти возможные изменения под воздействием санкционных атак и/или кризисного изменения мировой конъюнктуры в ближайшие год-два таковы:

— **Слом модели воспроизводства.** Описанный выше «трехтактный движок» российской экономики: «ББК — ТЭК — ОПК» (финансисты — экспортёры — силовики), — который год «барахлит», поскольку его «топливный насос», отвечающий за подачу внешних займов и инвестиций (ББК), полностью забит. Более того,

⁹ GoldInvestor. June 2016. M. King. Misguided policies and economic risk. P. 14-17.

Минфин и банки могут стать инструментом откочки (заморозки) накопленных экспортёрами резервов (хранящихся в бюджете и банках) и стимулом для развития ОПК, критическое значение которого в условиях «гибридной войны» будет только возрастать. В этой ситуации возрастает роль Минфина и ЦБ как прямых доноров затронутых санкциями РБГ, что повышает риск атаки непосредственно на этих «кредиторов последней инстанции».

Наращивание долга (с целью инвестиций) Газпрома и Роснефти, так же как и фондирование Сбербанка и ВТБ, шло с 2014 г. во многом по схеме «выпуск облигаций банка/корпорации — включение их в ломбардный список ЦБ — рефинансирование банков-андеррайтеров ЦБ». Эта схема — вынужденная стыдливая замена прямой западной схемы эмиссии, до 90% которой идёт на покупку бюджетных и ипотечных бумаг. Но этой схемы становится недостаточно в условиях навязанного нам перехода на стандарт Базель III. Скрытый кризис ликвидности, основанный на латентной неплатёжеспособности банков (размер «плохих долгов» в балансах превышает их капитал), пока купируется ЦБ РФ.

Поэтому при новой санкционной атаке или глобальном финансовом кризисе велик риск «схлопывания» нашего бюджетно-банковского комплекса (ББК из 7–10 банков) до вырожденной связки ЦБ — Минфин: вслед за регионами Федеральное казначейство (как ЦБ с системообразующими банками) может оказаться вынужденным управлять бюджетами неплатёжеспособных РБГ. При этом зависимость РБГ от валютного долга будет нарастать (сейчас на его обслуживание уходит, по оценкам ЦБ РФ, 40% всей валютной выручки, в условиях внешнего закрытия рынков и/или очередной девальвации эта доля может превысить 60–70%, что несёт риск дефолта ряда РБГ и нагрузки на ликвидную часть ЗВР).

В этих условиях все РБГ, а не только банки, должны моделировать свой прогнозный валютный баланс и реструктурировать внешнюю задолженность, не ожидая хеджирования своих рисков ЦБ и правительством, а также госбанками (как это случилось в 2008 г., когда по всяким «барьерным опционам», согласно оценкам Г. Грефа, ББК получил от компаний ТЭКа 1 трлн руб. «премий за риск»).

— **Следующая волна санкций приблизит «момент истины».** Велик риск прямой атаки на один из двух крупнейших госбанков, скорее всего — на ВТБ, президент которого А. Костин уже попал в SDN-лист и риски которого слабее, чем у Сбербанка, защищены структурой его капи-

тала (в капитале Сбербанка до 40% принадлежит крупнейшим банкам и фондам США и Британии). Уязвимость бизнеса ВТБ также вызвана его внешнеторговым профилем и наличием активов (загранбанков) в странах НАТО. Не менее интересен для финансовой агрессии Газпромбанк (глава банка А. Акимов также включен в SDN-лист), который рассматривается как «семейный банкир» Кремля и в котором хранится значительная часть «вторых валютных резервов» — депозитов Сургутнефтегаза и Роснефтегаза, что технически облегчает нападение (доллары в конечном счёте в ФРС, евро — в ЕЦБ). Другие крупные (системообразующие) банки — на очереди.

Потенциально мишенью атаки второй очереди служит и Роснефть (например, через активизацию претензий ЮКОСа, повод для атаки может быть найден в Венесуэле или в Ираке). Хотя считается, что структура капитала (почти 20% капитала в руках ВР) и управления (7 из 11 членов совета директоров иностранцы, председатель совета директоров — Г. Шрёдер) защитят эту компанию, однако санкции вводят американцы, им проблемы ВР (конкурента ЭКСОН, «сланце-

виков») скорее стимул, чем тормоз. Ен+ «важные иностранцы» в СД не спасли от нападения.

В третьей очереди на санкции стоит Газпром, несмотря на представленные в нём интересы американских и европейских компаний. Борьба против «Северного потока — 2» для администрации Трампа становится делом принципа: шанс стать энергетической сверхдержавой, подвинув с пьедестала арабов и русских, дорогого стоит. Речь идёт не только о нескольких десятках миллиардов долларов в год дополнительной прибыли, но, что гораздо важнее, — о продлении безальтернативности системы нефтедоллара, уже не на основе «больших сделок» с саудитами и китайцами, а на базе собственных поставок сланцевых нефти и газа главным конкурентам (ЕС и КНР). Для этого нужна дестабилизация Ближнего Востока и подрыв — любой ценой! — энергомоста Россия — Германия. С Венесуэлой же получилось (добыча и экспорт нефти упал в 2–3 раза), почему не получится с Россией или Ираном? — такова логика этой битвы, которая входит в острую фазу.

— **Итог санкционно-торговой войны — мобилизационная структура экономики.**

Под накатом санкционных волн основные РБГ будут вынуждены ускорить импортозамещение, провести мобилизацию финансовых ресурсов внутри страны, разработать корпоративные программы адаптации к новой реальности. Скорее всего, как и в финансовом секторе, произойдёт консолидация активов. Требуется, чтобы эта консолидация проходила в России, а не в офшорных структурах, что упростит Западу решение основной его задачи: отъёма стратегических активов под вывеской номинальных владельцев.

3.2. Основные сектора российской экономики: «съесть слона по частям»

Очевидно, что санкционная война имеет свою логику: начав с финансов (ограничения на кредитование от 2014 и 2015 гг.), энергетики и технологий, в 2018 г. минфин США перешёл к следующей фазе: через персональные санкции (включение в SDN-лист — практически изоляция лица от американской юридической и платёжной системы, а через вторичные санкции — от глобальной правовой и финансовой системы) забрать целые сектора глобальных рынков/активов. Начали с РУСАЛа, на очереди — металлы, химия и нефтегаз. Почему металлы или удобрения так интересны для санкционной атаки?

Высокая концентрация собственности в немногих руках при полной публичности компаний, приличные доли глобальных рынков, отличная доходность (обусловленная отсутствием экспортных пошлин или других инструментов изъятия природной ренты), уязвимая капитализация при серьёзной закредитованности в западных банках — всё это делает компании этих отраслей весьма уязвимыми для возможного враждебного поглощения и перераспределения собственности.

Введение Трампом 25%-ных пошлин на импорт металлов из РФ в какой-то мере восполняет отсутствие соответствующего налогообложения сверхприбылей этих компаний в России (без экономии на «роялти» Северсталь, НЛМК и другие не могли бы позволить себе глобальную экспансию, в т. ч. — на американский рынок, который сейчас для них закрывают пошлиной с той стороны). США рассматривают пониженное налогообложение, как и низкий курс рубля, в качестве демпинга, незаконной экспортной субсидии. Впрочем, там достаточно ссылки на «национальную безопасность» — и можно ввести пошлины на что угодно.

Следующий сектор, на который логична прямая атака, — финансы. Во-первых, он ком-

пактен: в руках 4–5 игроков сконцентрировано 2/3 активов, включая: сам ЦБ (активы комбанков под прямым управлением 7,5 трлн руб.), «дочку» ЦБ — Сбербанк (активы почти 25 трлн руб., или 30% активов всех банков РФ), ВТБ (активы более 12 трлн руб.) и Газпромбанк (активы 6,5 трлн руб.). Во-вторых, доля скрытой просрочки по данным АКРА и западных рейтинговых агентств приближается (в отдельных банках превышает) капитал. И, в-третьих, процесс «токсикации», запущенный санкционными атаками, затрагивает в первую очередь банки (напомним — риски на группу О. Дерипаски в Сбербанке превышают 10 млрд долл., или 20% капитала банка).

3.3. Формулирование собственных правил игры основными РБГ в сотрудничестве с государством — императив обороны и условие подготовки контрнаступления

С учётом изложенной выше структуры постсоветской экономики в условиях внешнего давления на неё и анализа уязвимостей РБГ и их стратегий адаптации/противоборства сформулируем (вспоминая правила организации хозяйственной жизни и развития нашей огромной страны-субконтинента) нехитрые три подсказки для серьёзной проработки государственных и корпоративных «правил игры»:

— **«Правило щедрого»:** все подаренные вами «бизнес-оболочки» оставьте себе — с их долгами, судами, виллами на Антибе и квартирами в Лондоне. Из долговой ловушки можно вырваться не только через дефолт, но и через «размыкание цепи»: российские активы остаются на родине (они же ведь русские, токсичные, как вы сами говорите, — зачем они вам?).

Если вы придумали и «продали» нам, как раньше индейцам или папуасам, за несметное советское наследство свои чудо-игрушки (доступ к офшорам, афёры ГКО в 1990-е годы или кэрри-трейда в 2010-е) и заработали на всём этом 3–5–15 концов (в зависимости от того, кто когда примкнул к грабежу), забирайте своё себе — вы же объявляете нам форс-мажор в вашей «песочнице» (недаром Запад «съел» дефолт 1998 г. и потом частично простил нам долги по линии Парижского и Лондонского клубов — «рыльце в пушку»).

— **«Правило сильного»:** страна наша богата и обильна, всё у нас есть: ресурсы, просторы, люди, история. Мы можем всё сделать сами, без встраивания в «глобальные цепочки добавленной стоимости» или со встраиванием,

но на своих условиях. А глобальные рынки всё равно схлопнутся — так что ёмкость вложений в российскую инфраструктуру ещё будет (как в 1930-х годах) призом, за которым встанут (уже становятся) в очередь западные и восточные концерны. Возможно — через российские офшоры в виде специальных административных районов (САРов).

— **«Правило доброго»:** как одумаетесь, отмените все свои санкции и прекратите нелепые стансы о том, что «русские всегда во всём виноваты», — приходите, поговорим о том, как нам всем вместе жить дальше.

3.4. Условия для перехвата стратегической инициативы

Основные черты новой фазы глобального системного кризиса, начавшейся в текущем году:

- США распространяют стратегию хаоса, ранее отработанную сначала на Корею и Индокитае (1950-е годы), Латинской Америке (с 1960-х годов), республиках бывшего СССР и Югославии (1990-е), Ближнем Востоке (2000-е и 2010-е) на весь мир, в попытке затормозить утерю своей гегемонии и отобрать силой у конкурентов рынки и «пространство развития»;
- США атакуют в тех сферах, где у них ещё есть решающее преимущество: финансы, информационные технологии, контроль путей мировой (преимущественно морской) торговли. Но, используя эти «козыри», Трамп со своими «ястребами» не оставляет объектам атаки выбора, провоцируя своей глобальной торгово-санкционной войной создание «оси» ЕС–Китай–Россия–Иран. Трампу надо или договариваться с этой «четвёркой», или идти напролом. Если и когда в США начнётся финансовый кризис, Трамп, скорее всего, пойдёт напролом. Хочется верить, что столкнёт страны «четвёрки» между собой и «поджечь Евразию» в третий раз после двух мировых пожаров в прошлом веке ему не удастся;
- как показывает анализ позиций и перспектив РБГ в условиях, вероятно, растянутого на год-два краха/управляемого сноса глобальной финансово-информационной управляющей системы, готовность к сопротивлению и самостоятельной игре возникает там и тогда, где и когда есть «длинная воля» и стратегическое планирование, подкреплённое всем арсеналом мер противоборства (финансовая разведка, регулярные штабные учения и т.д.).

IV. УСЛОВИЯ ОСОЗНАНИЯ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ И КОНСТРУИРОВАНИЕ ЖЕЛАЕМОГО БУДУЩЕГО

Достаточно давно в мире начался качественно новый этап развития общественного производства — этап перехода от индустриальной фазы к информационной. Это революционное изменение потребовало кардинальных преобразований в системе управления. Прежний иерархический способ организации работ оказался в новых условиях несостоятельным. Прежде всего это относится к производству интеллектуального продукта (или проекта), который предшествует созданию продукта физического. Усложнение стоящих на повестке дня задач потребовало привлечения растущего числа специалистов, при этом оказалось, что при увеличении числа иерархических уровней неизбежно падает КПД совместной работы (эффект «испорченного телефона» при передаче информации сверху вниз и обратно) и её суммарная креативность (работа «забюрокративается», вырождается в написание отчётов о выполнении заданий). Это явилось причиной перехода в развитых странах от традиционных иерархических структур к сетевым.

В этих условиях устаревшей и неэффективной оказалась не только организационная форма российских аналитических центров, но и методологическая база, на которой они до сих пор работают. В США ещё в 60–70-е годы XX века значительная часть интеллектуального сообщества усвоила «философию нестабильности», в которой мир видится как неравновесная система, как непрерывные переходы «порядок — хаос» с частым расщеплением путей таких переходов — «точками бифуркации», в которых направить развитие даже больших систем можно с помощью очень слабых «точечных» воздействий. Лучшие стратеги Запада, конструкторы «цветных революций» и гибридных войн овладели методологией Ленина («мастера хаоса») и Антонио Грамши (создателя доктрины «фрактальной» молекулярной агрессии в сознание). Эти доктрины дополнены теориями сложных систем, представлениями синергетики и психоанализа, подходами постмодернизма. Язык этих центров стал языком разведок и политиков. В аналитических докладах корпорации РЭНД или разведсообществ нет и следа либерализма, «матрица» которого предназначена исключительно на экспорт. Требуется **«импортзамещение мозгов»** с опорой на собственные научные и культурные достижения.

Но административно-финансовое доминирование ультралиберальной корпорации «ЦСР–

Институт Гайдара–ВШЭ–РАНХиГС» над всеми остальными (в т. ч. институтами РАН), сложившееся за последние 20 лет, практически «асфальтирует поляну», отсекая вероятных конкурентов от основных заказов государства и корпораций.

Существует также скрытый премиальный сегмент, сложившийся в 1990-е годы, где западные консультанты типа МакКинзи, Бостон Консалтинг Групп, Бэйн, ПрайсУотерхаус, КПМГ и др. продолжают «править бал» в самых высоких государственных и корпоративных кабинетах. Отраслевые и региональные стратегии, программы развития и инвестпланы крупнейших корпораций (с соответствующими западными решениями-закладками) — всё это на 2/3 разрабатывается американцами и британцами или по их стандартам.

Сложилась тотальная машина превосходства, чужого «софта познания реальности и конструирования будущего» (как и в целом в области промышленного софта — 97% базового ПО в инфраструктурных и стратегических отраслях занимают глобальные корпорации: Oracle, SAP, Microsoft и др.). Без быстрого и качественного «импортзамещения» в сфере софта («цифровой реальности»), которая всё больше определяет реальность офлайн) не только прорыв, но и суверенитет страны невозможны.

В области сценарного моделирования, «ощупывания» и конструирования будущего наступило также время «больших умных сетей» (Big Smart Grids), распределённых («облачных») задач и их решений (вычислений). Слово «умный» здесь понимается в смысле мощности элементов и каналов сетей, впервые в истории ставших сравнимыми со сложностью отдельного человеческого мозга. И потому задача осмысления настоящего и форматирования будущего не может решаться «партией нового типа» (время партий, как и время профсоюзов, прошло вместе с традиционным классовым обществом), но — некоторой специально организованной сетью, структурой клубного типа, которая и должна стать новым «субъектом развития».

Наши РБГ по сути своей — уже сверхбольшая «умная сеть», но алгоритмы её работы пока задаются нашими конкурентами или даже врагами.

Возникла объективная потребность в создании «клуба альтернатив» для России, который мог бы взять на себя не только задачи анализа на новой методологической (междисциплинарной) основе, но и синтеза реальных альтернатив, «конструирования Образа будущего (Победы)». Прорывы происходят только в момент очередно-

го кризиса, ослабления связей в старой системе («атаки хаоса»). К этому моменту надо готовиться, чтобы в момент кризиса системный процесс был запущен. Сейчас такой момент наступил. Требуется «новый курс» власти по отношению к бизнесу (в том числе — крупному), который предполагает:

- развитие системы стратегического планирования с формированием долгосрочных (до 2025 года минимум) программ развития основных секторов экономики страны совместно с компаниями-лидерами этих секторов (по модели ГЧП) с целью решения задач применения их продукции на внутреннем рынке (переход от ситуации, когда 2/3 нефти, газа, металлов, химической продукции, удобрений экспортируется, к применению их внутри страны — не менее половины к 2030 г.) путём развития новых производств шестого технологического уклада;
- как условие реализации стратегии прорыва — придание отраслевым объединениям компаний-лидеров общественно-государственных функций и заключение с ними специнвестконтрактов (СПИКов) под персональную и корпоративную ответственность за достижение поставленных целей;
- отнесение инвестиций, осуществляемых в рамках стратегических планов (специнвестконтрактов), на себестоимость продукции в полном объёме, включая соответствующие НИОКР, проводимые отраслевыми объединениями. Разрешение применения ускоренной амортизации для приоритетных программ развития, закреплённых специнвестконтрактами;
- фиксация тарифов естественных монополий (Газпром, Россети, РЖД) на период реализации «стратегии прорыва» под встречные обязательства компаний-участников не повышать цены на продукцию в рамках приоритетных программ. Обязательства Минфина РФ не ухудшать налоговые условия для участников приоритетных программ. Обязательства ЦБ РФ проводить умеренно мягкую денежно-кредитную политику (реальная ключевая ставка не выше 1,5% годовых), обеспечить устойчивость и постепенное укрепление рубля, а также принимать обязательства (облигации и права требования по кредитным договорам) в ломбардном списке и в залоговом обеспечении. На период реализации «стратегии прорыва» снять излишне жёсткие нормативы банковского регулирования Базель III.

ПОСЛЕСЛОВИЕ. ИМПЕРАТИВ ПЕРЕЗАГРУЗКИ

Ни один бизнес — даже поменявший прописку и ориентацию с Лондона и офшоров на Москву и регионы страны, включая САРы; ни одна власть, опирающаяся на авторитет первого лица и традиционный аппарат; ни растерянное и с трудом выживающее население, — никто из них в одиночку не вытянет тяжести и сложности задачи сохранения страны и её прорывного развития в условиях начинающегося глобального шторма.

Только ценностная мобилизация на основе ответственности перед предками и потомками путём выстраивания баланса интересов, с подключением энергий тысяч и миллионов родовых и индивидуальных «длинных волей» способны дать тот сплав, то «народное ополчение», которое обеспечит сохранение и успешное развитие страны в XXI веке в интересах всех и каждого.

Есть два исторических варианта сочетания контрактов с народом и элитой: екатерининский (закрепощение крестьян и вольность дворянства) и петровский (он же, с модификациями, сталинский), включающий ответственность служилого и торгового сословий с мобилизацией народа на войну и строительство нового града и мира. Первое сочетание нравится элитам, второе — большинству народа.

«Равноудаление» олигархов 2000-х годов в сочетании с разумной политикой повышения доходов населения (бюджетников и пенсионеров), казалось бы, свидетельствовали о выборе «петровского варианта» контрактов Кремля с элитой и народом: повышение ответственности и сплочение вокруг достижения общих целей. Однако искушения «кумовского капитализма» (своим — всё, остальным — закон), рост роли административного и силового аппарата за 2010-е годы почти разрушили этот вектор модернизации и роста, став одним из значимых факторов стагнации экономики, застоя социальной энергии.

Выбор «жёсткого контракта» власти с населением (пенсионная реформа, повышение НДС и т.д.) создаёт рамку для инерционного сценария ответа на внешние шоки: приватизация остатков государства (при укреплении его внешнего фасада), затем — новая редакция «капитализма катастроф» и путь на обочину истории.

Но остаётся возможность выработки такого же (если не жёстче) нового контракта Кремля со служилой и торговой (бизнес-) элитой, что предполагает «национализацию третьего сословия» с репатриацией его активов и обязательств. Население, конечно, никто не спрашивает, но парадокс любого развития (даже мобилизационного) заключается в том, что оно требует «сознательности», превращения атомизированного «плебса» в народ.

Без консолидации бизнес-элит и их договора в новых условиях с властью и обществом выбраться из «медовой ловушки» западной финансово-правовой системы невозможно.

Общие контуры такой консолидации в целом уже понятны:

— **«Общее дело»:** обмен капитала и энергии бизнесмена-репатрианта на «место в общем строю» согласно профилю деятельности лица и общему замыслу прорыва страны к новому уровню развития. Так, финансисты должны получить гарантии вхождения их банков и финансовых компаний в состав «системно значимых» финансовых институтов страны; сырьевики и прочие представители глобально ориентированных отраслей (зависимых от конъюнктуры глобальных рынков) — гарантии защиты от закрытия этих рынков странами-конкурентами (или соответствующих ответных мер) и участие в выработке долгосрочных параметров вышестоящего развития российских рынков с защитой от импорта (в т. ч. — с гарантированным долгосрочным курсом рубля); предприниматели «новой экономики» и высокотехнологичных отраслей (включая оборонку) — гарантии модернизации структуры экономики и защиты от враждебного поглощения мировыми (западными и восточными) ТНК.

— **«Возврат принесенного ветром».** Поскольку формальные сроки давности оспаривания сделок «залоговой» приватизации прошли, в качестве паллиатива их легитимизации в глазах общества и гарантии того, что соответствующие стратегические активы останутся (вернутся) в российской юрисдикции, крупные предприниматели могут давать «клятву дарения» — но в пользу не глобальных, а отечественных благотворительных фондов и эндаументов: образовательных, медицинских, научных, культурных и иных, действующих в пользу программ развития страны и социального мира¹⁰.

— **«Равноприближённость вместо равноудалённости».** Поскольку контракт власти и бизнеса 2000-х («равноудаление олигархов» от Кремля в обмен на прозрачные и равные правила игры) в 2010-е перестал работать, Кремль может объявить равные условия приближения для всех крупных предпринимателей, берущих на себя организацию или решающее участие в стратегическом развитии (национальных проектах), включив тех, кто подписывает соответствующие долгосрочные инвестконтракты (например, в форме сверхкрупных СПИКов, скажем, от 300 млрд руб.) в состав Президентского совета по стратегическому развитию и национальным проектам. Лица, подписавшие СПИКи, будут

«отвечать головой» (карманом) и репутацией. Такой объём залповых инвестиций (репатриация капитала на 50 и более млрд долл. в год) потребует межотраслевой и межрегиональной координации, что, наконец, запустит процедуры стратегического планирования, предусмотренные ФЗ-172.

— **«Консолидация капитала и создание мега-РБГ»** (по типу Росатома, Ростеха, Норникеля, РУСАЛа и созданных двух СП в цифре — Сбербанк с «Яндексом» и Мэйл-групп с Ростехом и ГПБ). Вместо 35–50 крупных РБГ может остаться 10–12 (как в банковском секторе осталось 5–7 крупных банков), что позволит сохранить позиции на внешних рынках и сократить издержки в период внутренней модернизации. Хотя с точки зрения антимонопольной политики такая консолидация («чеболизация») представляется опасной, она может стать альтернативой мобилизационной экономике с госмонополией на внешнюю торговлю, трансграничные платежи и т. п.

— **«Новый курс»** по отношению к элитам должен быть увязан с таковым по отношению к населению (трудовым ресурсам: нынешним, будущим и прошлым): вместо вгоняющих общество в депрессию пенсионной реформы, повышения НДС и иных элементов «шоковой терапии-2» народу должно быть предложено служение («пожизненный найм» в общем деле) через участие во вновь объявленных проектах власти и бизнеса. Только создание новых рабочих мест с достойной оплатой, сохранение остатков «общественных фондов потребления» (в т. ч. — пенсионного и медицинского) способно включить людей в созидание. В «связке трёх сил» (чиновничество — предприниматели — народ) Кремль не может мыслить в парадигме «отнять и поделить», сокращая госпрограммы и долю бюджета в ВВП (как делает нынешний Минфин). Новый контракт власти с бизнесом предполагает и новый контракт власти с народом.

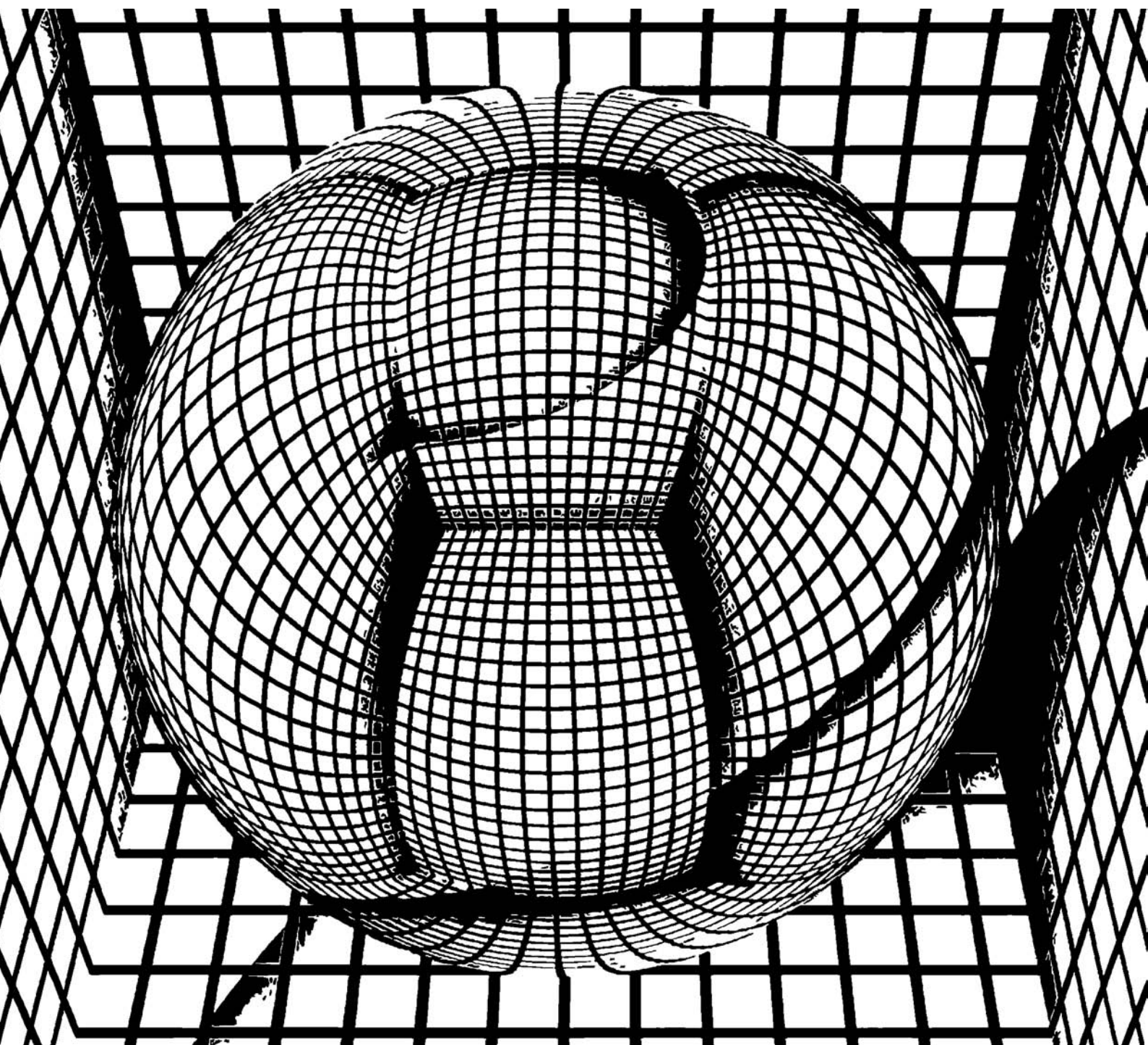
Проработка граничных условий нового контракта власти и бизнеса есть первый необходимый шаг большой совместной работы: в конечном счёте предстоит спроектировать такую экономику (в том числе национальные рынки капитала и труда), которая включает в себя механизм выработки и согласования стратегических решений в области бизнеса и социального развития страны.

¹⁰ О. Дерипаска 15 лет назад публично заявлял, что готов по первому требованию отдать государству свои активы, однако «горькая ирония истории» заключается в том, что условия такой передачи сегодня согласует Минфин США как условие снятия с РУСАЛа санкций, и государство это будет уже вряд ли российское. До того как этот опыт станет массовым, российское государство должно предложить альтернативу — и не на путях внутренней офшоризации (это мы проходили в эпоху налоговых льгот Калмыкии и ЗАТО) .

/ Елена ЛАРИНА, Владимир ОВЧИНСКИЙ /

Парадокс Ферми и угрозы будущего

НАСТОЛЬНЫЕ КНИГИ ТЕХНООПТИМИСТОВ

В начале этого года Amazon опубликовал результаты продаж в разделе «Прогностика и нон-фикшн». С большим отрывом первые пять мест занимают книги Э. Шмидта и Д. Коэна «Новый цифровой мир», Дж. Рифкина «Третья производственная революция», К. Шваба «Четвёртая промышленная революция», Ю. Харари «Homo deus» и Н. Бострома «Искусственный интеллект: этапы, угрозы и стратегии». Общий тираж этих книг, переведенных на десятки языков мира, превысил 2 млн экземпляров. При всех отличиях и особенностях позиций авторов, их объединяют технооптимизм и эйфория относительно технологических достижений последнего времени, а также вера в экспоненциальный рост знаний, услуг и продуктов в ближайшие годы и десятилетия. Указанные авторы сформировали идеологию технооптимизма. Сегодня именно она является господствующей в политических, деловых и военно-разведывательных элитах большинства стран мира. Уважаемые мыслители распространяли на весь мир известную максиму Начальника Третьего Е.И. В. отделения, графа Бенкендорфа «Прошедшее России было удивительно, её настоящее более чем великолепно, что же касается до будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение».

Парадоксальным образом, ни в одной из этих наиболее влиятельных книг современности не найти ответа на знаменитый парадокс Ферми. Выдающийся физик, лауреат Нобелевской премии Энрике Ферми, рассуждая с друзьями физиками и журналистами на актуальную в конце 40-х гг. прошлого века тему НЛО, задался резонным вопросом: «А где они все?» Ферми сделал вывод: «Главный парадокс науки заключается не в возможности встречи с инопланетянами, а в отсутствии подобных встреч, и более того, ка-

ких-либо следов разумной жизни в космосе». Энрике Ферми высказал свой парадокс в 1950 г. Прошло почти 70 лет, а вопрос остался без ответа.

Мало кто понимает мощь и загадочность этого парадокса. Чтобы дать представление об этом, приведу несколько цифр. Согласно данным мощнейших радио- и иных телескопов, в нашей галактике насчитывается примерно 300–400 млрд звёзд. Примерно в такое же количество оценивается количество галактик в видимой вселенной. То есть получается, что на каждую земную песчинку приходится примерно 10 тысяч звёзд. Данные космологии позволяют оценить количество звёзд, похожих на наше солнце, — от 5% до 12% от общего числа звёзд. Если взять нижний порог этой оценки, то окажется, что в видимой вселенной имеется 500 млрд млрд или 500 квинтиллионов солнцеподобных звёзд. Не так давно Национальная академия наук США определила, что в звёздных системах, подобных нашей, примерно 1/5 имеют землеподобные планеты. Эту цифру, кстати, подтверждают и прямые астрономические наблюдения с использованием новейшей аппаратуры. Из всего этого следует, что примерно вокруг 100 млрд млрд звёзд во вселенной вращаются землеподобные планеты с вероятной жизнью, т.е. на каждую земную песчинку приходится 100 подобных планет. Предположим, что жизнь является крайней редкостью, а разумная жизнь — вообще уникальным явлением, которое характерно лишь для 1% планет с жизнью. Но и в этом случае мы получим 10 квадриллионов, или 10 млн млрд разумных форм жизни в наблюдаемой вселенной. Из них на нашу галактику должно приходиться как минимум 100 тыс. Поскольку наша солнечная система и Земля относятся к молодым космологическим образованиям, то как минимум 40–50 тыс. разумных цивилизаций должны обгонять нашу на десятки тысяч лет. Точку зрения Ферми сегодня

разделяют практически все физики и специалисты по космологии.

С 60-х гг. XX века, при участии США, СССР (сегодня — России) и других развитых стран, осуществляется международный проект SETI, или Проект Поиска внеземного разума. 50 лет расположенные на Земле и в космосе радиотелескопы и другие мощнейшие средства наблюдения обшаривают космос в поисках сигналов. А их нет. Вообще. На сегодня у науки отсутствует объяснение столь поразительного факта. Как сказал один из крупнейших физиков современности Джон Уиллер: «Самая большая загадка, на которую не может ответить наука, это — почему мы остаёмся одинокими во вселенной». Отвечая на его вопрос, крупнейший футуролог, автор всемирного бестселлера «Третья волна» о грядущем в XXI веке научно-техническом перевороте, Элвин Тоффлер сказал, что, возможно, «в механизм развития цивилизаций на технологической стадии встроена закономерность их самоуничтожения». Мы одиноки во вселенной, поскольку технологические цивилизации, развиваясь несколько веков по экспоненте, затем гибнут, не справившись с рисками и угрозами, связанными с расхождением между динамикой технологического могущества и потенциалом разрешения противоречий и устранения рисков, с этим связанных.

Удовлетворительный ответ на парадокс Ферми отсутствует. И это заставляет всерьёз отнестись к рискам и угрозам экспоненциального развития. Профессионалы риск-менеджмента хорошо знают, что борьбу с угрозами и минимизацию рисков необходимо начинать с их выявления, классификации и ранжирования.

РИСКИ И УГРОЗЫ НОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Подавляющее большинство авторов, включая К. Шваба, полагают, что нынешняя производственная

революция базируется на пяти технологических пакетах. Это — искусственный интеллект, большие данные, интернет вещей, роботизация и дешёвый мобильный широкополосный интернет. Магистральное направление — алгоритмизация общества на основе его оцифровки, либо датизации. На наших глазах происходит одновременное формирование интернета вещей (IoT) и переход к интернету всего. Что касается интернета вещей, то, согласно данным компании Juniper Research, в 2018 г. подключён к интернету 21 млрд IoT-устройств, более 2 млрд серверов, компьютеров и планшетов и почти 4 млрд смартфонов. К 2022 г. количество подключённых устройств превысит 50 млрд, выход в интернет будут иметь все производственные линии, инфраструктурные сети и т. п.

Интернет всего, который сложится в начале 20-х гг. XXI века, будет включать в себя привычный многосекторный интернет контента, IoT, преимущественно одноранговый интернет транзакций и киборг-интернет с подключёнными к сети искусственными компонентами и устройствами в человеческом теле. Сложится огромная, включающая более 30 млрд устройств, сеть, число связей в которой будет исчисляться десятками триллионов. Именно здесь — основной риск процессов новой производственной революции. Такого рода сеть, включающая разнообразные сегменты: иерархические и одноранговые сети, коммуникации по оптоволоконным сетям и подключение через ретрансляторы и спутники, является чрезвычайно уязвимой. Согласно исследованиям, проведённым в MIT, веерные отключения и отказы в результате ошибок и несовершенства станут для такого рода сети повседневной практикой и будут измеряться десятками в год.

Согласно опросу, который в 2018 году провела компания Gartner среди директоров по информационной безопасности 2000 наи-

более крупных компаний Америки, 65% полагают, что IoT сделает их компании беззащитными. Для такого рода оценок у директоров есть достаточно оснований. Резкое повышение связанности сетей не только обеспечивает их быстрое действие и является важнейшей предпосылкой для сбора и обработки больших данных, но и резко повышает риски атак со стороны преступников, террористов и иных злоумышленников.

Не будет преувеличением сказать, что ситуационная среда для преступлений необратимо изменилась. В доцифровом мире мы могли четко различать уличную организованную преступность и высокотехнологичный криминал. В связанном цифровом мире даже незначительное преступление может неожиданно, в том числе — и для преступников, привести к целому каскаду негативных последствий.

Департамент внутренней безопасности США в 2017 г. выявил, что еще в 2012 г. злоумышленники сумели проникнуть в систему термостатов государственного завода в Нью-Джерси, производящего ядерные компоненты, и почти пять лет находились в системе. Согласно данным компании Verizon, в 2016–2017 гг. IT-серверы 15 университетов США подверглись атаке со стороны собственных торговых автоматов по продаже напитков и бутербродов, расположенных в кампусах. В Великобритании за этот же период было обнаружено более 1000 уязвимостей в IoT-устройствах, содержащихся в инсулиновых помпах, дефибриляторах и кардиостимуляторах.

В интервью журналу Vice в конце 2016 г. создатель поисковика по IoT Shodan Джон Мэтерли рассказал, что в течение года ему, используя поисковик, удалось обнаружить уязвимости и подключиться к ускорителю элементарных частиц во Франции, многомегаваттной гидроэлектростанции в Китае, англо-американской единой сети суперкомпьютеров, объединяющей министерства энергетики двух стран,

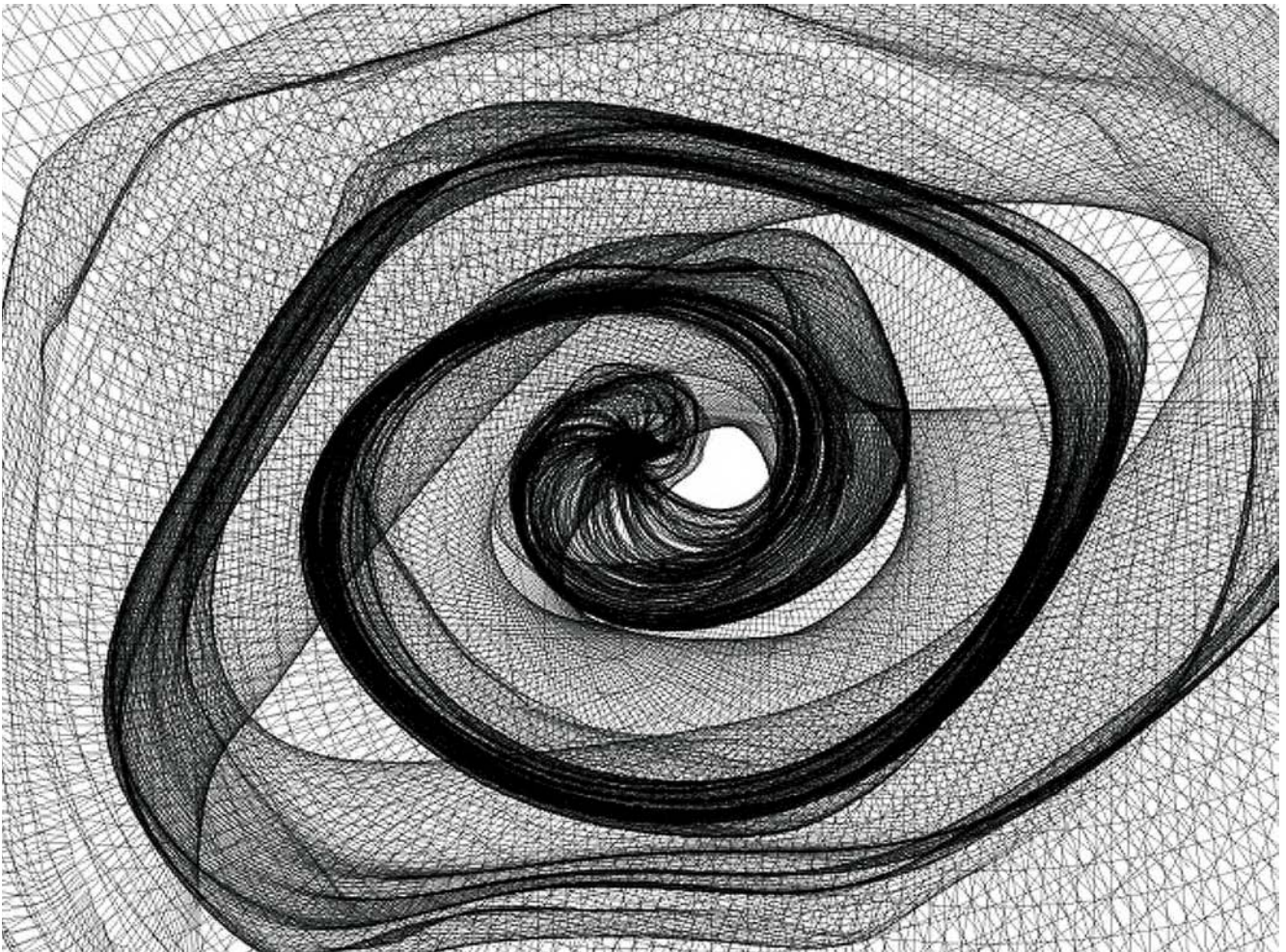
АНБ и британский Центр электронной разведки. Ему удалось выяснить, что эти уязвимости существовали на объектах вне поля зрения служб информационной безопасности в течение от 6 месяцев до 2,5 года.

По мнению ушедшего в отставку бывшего председателя Национального совета по разведке Д. Клэппера: «Мир интернета всего — это по определению опасный мир. Более того, развитие информационно-коммуникационных технологий и формирование единой цифровой среды делает Америку по существу беззащитной. Для того чтобы закрыть все уязвимости в десятках миллионов смартфонов и устройств IoT, требуется затратить сумму, эквивалентную 15–20% национального бюджета США. Этого сделано не будет, потому что такие расходы неподъёмны для американской экономики. Значит, опасности и риски с каждым днем будут нарастать».

Такая ситуация характерна не только для Америки, но и для всех стран — лидеров в области информационно-коммуникационных технологий. Всеобщая связанность и подключённость к интернету, как базису новой производственной революции, несёт в себе главные риски, чреватые не только веерными, но и волновыми каскадами отказов и техногенных катастроф.

Магистральное направление производственной революции — алгоритмизация всех сторон жизни современного мира. Однако она не только открывает новые возможности, но и создаёт угрозы привычному образу жизни и сложившимся культурам...

В течение первых 20 лет истории интернета человеческая деятельность как в производственном, так и в бытовом аспектах осуществлялась по устоявшимся схемам и лекалам. Революционные перемены случились, когда цифровая среда стала интегрироваться на базе платформ. Платформа — это программно-аппаратная среда алгоритмического поиска, осуществления и контроля

за исполнением сделок (других взаимодействий) на основе интеллектуального анализа больших данных». Первая полноценная платформа, вторичный рынок товаров и услуг eВаu, появилась еще в 90-е годы. Но лишь в десятые годы платформы стали «нервными узлами» интернета и других видов сетей.

Сегодня на платформенный принцип перешли социальные сети, интернет-магазины, различного рода сервисы и т. п. Наиболее часто в качестве примера платформ используются сервисы так называемой «совместной рыночной экономики», типа Uber, Яндекс.Такси, Airbnb и т. п.

Однако платформы отличаются от традиционных рыночных площадок (marketplace). «Marketplace — это свободное, неограниченное и непрограммируемое взаимодействие на определённой физической или виртуальной площадке.

Платформа предполагает, что пользователи (например, продавцы или покупатели услуг) действуют по определённым правилам и процедурам, строгим алгоритмам и, хотя располагают правом свободного выбора, непрерывно получают от платформы рекомендации, корректирующие их поведение и определяющие выбор. Они действуют по алгоритму, заложенному на программном уровне в платформу, и в итоге добиваются искомого: заказывают такси, снимают квартиру в незнакомом городе, нанимают того или иного фрилансера и т. п. Причём алгоритмическим является поведение как продавцов, так и покупателей».

Платформенный или алгоритмический способ организации коммерческой деятельности развивается экспоненциально. Ещё в 2012 г. на платформы приходилось менее

1,5% всего коммерческого оборота в США в потребительском секторе, сейчас — более 15%, а к 2020 г., согласно консервативному варианту прогноза, будет приходиться более 30%. С учётом того, что платформенные принципы и алгоритмизация взаимодействия продавцов и покупателей всё шире используют торговые сети, к 2020 г. как минимум более половины американской экономики без учета финансового сектора перейдёт в категорию алгоритмической.

Американские и большинство зарубежных авторов рассматривают платформы как торжество принципа P2P систем, или систем «равный с равным». В реальности это не так. У каждой платформы есть хозяин — собственник. Он контролирует алгоритмы и владеет большими данными, определяет структуру деятельности продавцов и покупа-

телей, правила и во многом — итоги их взаимодействия в процессе сделок. Платформы только притворяются рынками. На деле это среда непрерывного принудительного планирования и управления поведением.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ И ПОДТАЛКИВАНИЕ

Еще классики марксизма-ленинизма писали, что объективная реальность дана нам в ощущениях. Например, в природе нет цветов: цвета — итог взаимодействия наших сенсоров с реальностью. Любые взаимодействия осуществляются через интерфейс: то, что соединяет нас с реальностью всех трёх миров. Интерфейс есть у всех трёх типов машин.

В последние три–пять лет выяснилось, что интерфейсы как нельзя лучше подходят для алгоритмизации человеческого поведения. Используя интерфейсы, можно побудить человека к тем или иным действиям, к заранее обусловленному выбору из нескольких альтернатив. Использование интерфейсов для алгоритмизации поведения получило название «надж». Подталкивание, как дословно переводится Nudge, осуществляется как в реальной жизни, так и в информационной среде. Так, К. Санстейн и Р. Таллер установили, что выбор школьниками между полезными, но не слишком привлекательными продуктами и вредными, но притягательными для детей лакомствами зависит не только от их предпочтений, но и от расположения продуктов на полках школьных столовых.

Д. Халперн, один из ведущих когнитивных психологов и проектировщик интерфейсов программ и сервисов, описывает, как сильно на выбор пользователей влияют, казалось бы, такие мелочи, как расположение того или иного элемента интерфейса, шрифт, длина пользовательского соглашения и т. п. В качестве примера он приводит опыт известного реко-

мендательного сервиса для любителей зрелищных телефильмов. Сервис в порядке эксперимента в течение недели вставил в пользовательское соглашение пункт о том, что клиенты сервиса в случае внезапной смерти завещают внутренние органы владельцам сервиса, а те могут их использовать по собственному разумению. Из более чем 250 тыс. ежедневных посетителей сервиса не подписали пользовательское соглашение менее чем 1,3%.

Эксперимент был шуточный, но разработчики надж-технологий используют автоматизмы человеческого поведения во вполне серьёзных целях. В 2017 г. издан доклад OECD «Behavioural Insights and Public Policy. Lessons from Around the World». Согласно докладу, правительства уже 25 стран используют более чем 100 приложений, программ, ресурсов, реализующих надж для решения государственных задач, связанных с управлением выбором и поведением граждан. Ещё более широко распространено использование надж в бизнесе. Более 200 компаний, преимущественно в США, Великобритании, странах ЕС, Сингапуре и Гонконге, используют надж в коммерческих целях, прежде всего — в секторе B2C.

ХОЗЯЕВА ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОТОКОВ И ИХ ТЕХНОЛОГИИ

Информация нужна для основы основ разумной жизни — реагирования на действительность, определения целей и ориентации в изменяющейся ситуации.

На рубеже 2000–2010 годов был опубликован бестселлер Эли Паризера об интернет-пузырях. В предисловии к англоязычному изданию книги автор написал: «Моя книга о том, как интернет, когда-то «открытый» и «свободный», стал контролировать нас и ограничивать в информации. Крупнейшие интернет-компании используют многочисленные алгоритмы и фильтры, чтобы показывать нам то, что является для нас наи-

более релевантным. Взять хотя бы Google — он корректирует результаты поиска, ориентируясь на наши интересы. То же происходит и с лентой новостей в Facebook — там только те люди, по чьим ссылкам мы чаще всего переходим. И таких примеров множество.

Идея «релевантного интернета» не плоха сама по себе. Но она имеет и обратную сторону. Во-первых, через фильтры мы не можем разглядеть всей картины. Мы видим лишь её отредактированный вариант. Во-вторых, мы не замечаем самих фильтров. Поэтому даже не догадываемся, что из картины что-то выбросили, что есть другие точки зрения. И, наконец, сегодня не мы определяем, что нам важно и интересно. За нас это делают машины».

Происходит это не из-за коварных козней С. Бриана, Л. Пейджа или М. Цукерберга, а потому, что каждый ресурс стремится как можно дольше удерживать пользователя, приковывать его внимание, формировать вкусы, интересы, привычки каждого отдельного человека. Не зря в алгоритмической экономике главный и самый дефицитный ресурс — это внимание.

Ключевым является параметр времени пребывания на ресурсе. Если в середине нулевых он составлял более 3,5 минуты, то сейчас не превышает 17 секунд. Наиболее мощные платформы ведут подлинную битву за внимание. Гуру информационных технологий М. Голдхарбер вспоминает, что заговорил об этом более 30 лет назад: «Реальной целью в ситуации выбора информации является внимание — внимание других людей. Область поставки такого внимания ограничена, поскольку каждый человек может отдать только своё внимание в течение жизни. В то же самое время внимание является, несомненно, желаемым; оно необходимо каждому, и, в отличие от материальных благ, не бывает слишком много внимания. Поэтому как существующие,

так и будущие «информационные технологии» лучше понимаются как «технологии внимания», каждая из которых предлагает своё оружие в битве за внимание».

Интернет-пузырь превратился в информационную тюрьму — пока ещё нестроного режима. В 2017 г., выступая на одном из ведущих американских каналов, автор международного бестселлера «Explaining individual behavior on the social net» В. Хендрикс сообщил, что до 70% американцев и более 80% граждан ЕС удовлетворяются уже освоенными и постоянно посещаемыми интернет-ресурсами, группами в соцсетях и телевизионными каналами. Они пассивно потребляют информацию и не имеют склонности к исследовательской активности в интернете. В этом же выступлении, ссылаясь на статистику Google, В. Хендрикс сказал: «В США в 2015–2016 гг. у среднестатистического пользователя интернета в возрасте от 21 до 45 лет на один запрос поисковику Google относительно нового объекта интереса и внимания приходится более 70 рутинных запросов, уточняющих отдельные характеристики, цену, параметры и т. п. объектов, хорошо знакомых и интересующих пользователя».

Принудительное сужение когнитивного разнообразия пользователей поисковиками и платформами в погоне за вниманием, привлечением рекламодателей и т. п. ведёт к социальной инстинктизации, вырабатывает автоматизм и усиливает стереотипы поведения. Как экспериментально показал российский нейрофизиолог и нейропсихолог С. Савельев, автоматизация познавательной поведенческой активности ведёт к морфологическим изменениям в головном мозге.

Благодаря потрясающей пластичности мозга церебральное закрепление алгоритмического поведения происходит не в течение миллионов и тысяч лет и даже столетий, как считалось ранее, а за десятилетия.

Вторым направлением целенаправленного, отчасти организованного, отчасти спонтанного воздействия инфосферы на когнитивные особенности и поведение людей стало стремительное «зашумление» информационного пространства. По данным одного из ведущих американских прогнозистов Н. Сильвера, мощность информационного шума в интернете непрерывно нарастает.

Причин тому минимум три. Первая — лавинообразно растущая масса спама и плагиата в интернете. По данным агентства Gartner, если в 2000 г. доля оригинального текстового контента в интернете составляла 75–80%, в 2010 г. снизилась до 30–35%, а сейчас не превышает 5–7%. Интернет превратился во всемирную информационную свалку.

Вторая причина — рост разрыва в интеллектуальном потенциале пользователей интернета. Всё большая доля населения информационно насыщенные и практически полезные ресурсы воспринимает как белый шум, т. е. бесполезную информацию. Большинство людей уже не обладает необходимыми знаниями и познавательными навыками, чтобы воспринять или, тем более, осмыслить сложный контент.

Третья причина, о которой впервые рассказали Э. Шмидт и Д. Ассандж во время обсуждения проекта книги «Новый цифровой мир», — намеренное зашумление информационного пространства для маскировки и сокрытия действительно важных сообщений и знаний. Недавно российские исследователи Е. Луценко и А. Орлов математически доказали, что белый шум может выступать едва ли не наиболее стойким и эффективным криптографическим алгоритмом. Они же показали, что «зашумление информационного пространства ведёт к формированию у наиболее интеллектуально продвинутых его обитателей, догадывающихся о криптографической функции белого шума, комплекса информационной неполноценности

и бессилия, с последующей алгоритмизацией их познавательной деятельности».

Информационная среда чутко (и часто — опережающим образом) реагирует на реальные конфликты, столкновения, войны и перемены. Производственная революция, вне зависимости от своего номера, неизменно сопровождается нарастанием локальной и глобальной конфликтности: бунтами, революциями, горячими и холодными гражданскими и межгосударственными войнами. И нынешняя — не исключение. В 2016 г., по мнению редакции Оксфордского словаря, словом года стало «постправда». Данный термин описывает ситуацию, когда истина становится принципиально неважной. Президентская кампания 2016 г. в США прошла под знаком постправды. Демократы и республиканцы активно обвиняли друг друга в использовании лжи, фейковых новостей, армий ботов, разносящих неправду, и т. п.

Между тем ничего нового в постправде нет. Более 25 лет назад политический аналитик и китаист Г. Айзенкс, предисловие к первой книге которого о китайской революции написал ещё Л. Троцкий, опубликовал работу «Идолы племени: групповая идентичность и политические изменения». В этой книге показана неизбежность нарастания конфликтов в развитых странах и перехода их из фазы споров и конкуренции в стадию борьбы, «холодных» и даже «горячих» гражданских войн. В таких войнах, по Г. Айзенксу, неизбежно формируется групповая идентичность на основе противопоставления одной группы другой по принципу «свой–чужой». Это противопоставление наиболее остро будет проявляться не в политике и экономике, где противоборства ограничены институтами и правилами, а в информационной сфере. Российский теоретик и практик медиакommunikаций В. Соловей на массиве исторических данных показал неизбежность перерастания

внутригражданских конфликтов в информационные войны.

В ходе информационных войн правда отходит на второй план. В инфосфере, как на реальном поле боя, действует принцип «всё для фронта, всё для победы». Не важно, кто, что и насколько правдиво сообщает. Главное, что информация наносит вред врагу и укрепляет собственную идентичность.

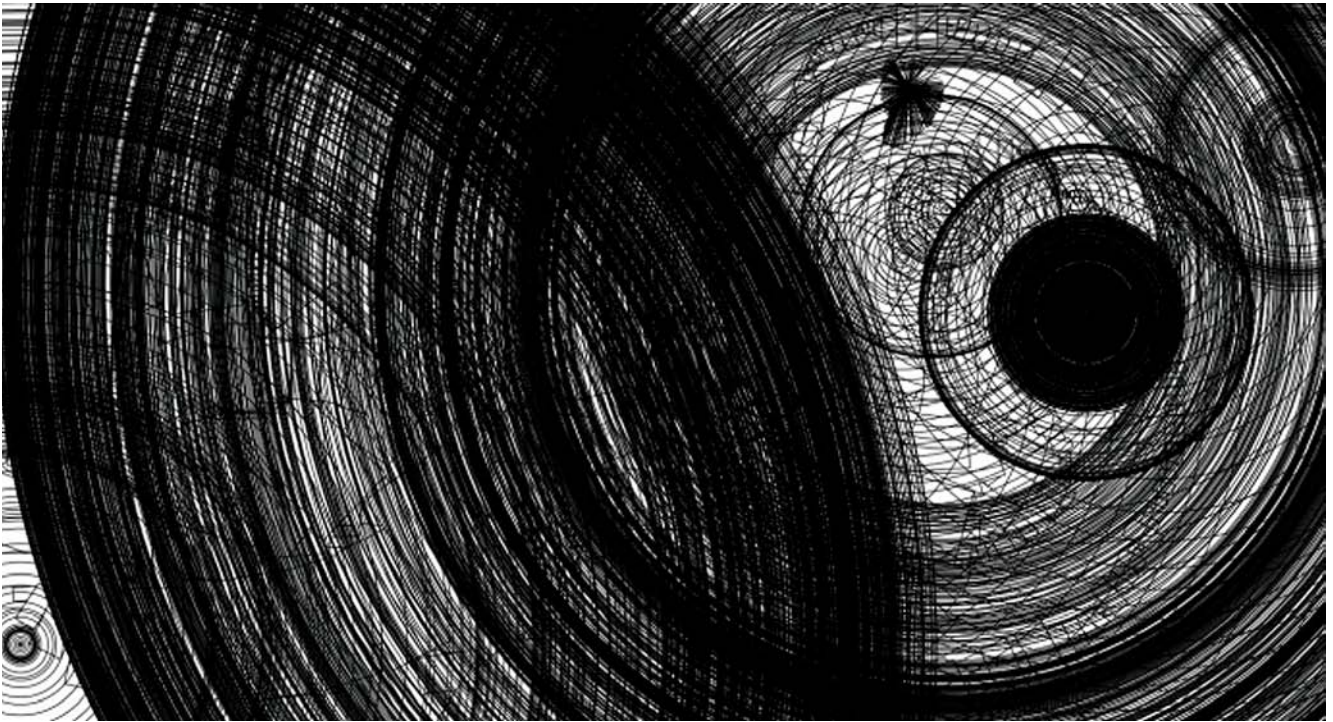
Любые войны, информационные здесь — не исключение, предполагают чёткое планирование и беспрекословное подчинение. Соответственно, эпоха постправды — это эпоха тотального управления информационными потоками, программирующими и алгоритмизирующими массовое поведение.

ЧЕЛОВЕК В ЦИФРОВОМ МИРЕ

Тенденции развития информационной среды в последние 25 и особенно 10 лет, с интернет-пузырями и эхо-камерами, тотальным контентным загрязнением, размыванием границ информации и дезинформации, психологическими и информационными войнами, — привели к появлению трёх принципиально новых феноменов.

Во-первых, у всё большего числа и доли пользователей, особенно молодёжи, понятийно-логическое мышление уступает первенство образно-ассоциативному или клиповому. Клиповое мышление предполагает сосредоточенность на восприятии и переживании, а не на понимании и анализе. У клипового мышления есть свои плюсы и минусы. Исследователи из MIT и Института сложности в Санта-Фе установили, что клиповый тип мышления на порядок повышает внушаемость людей, их склонность к суггестии.

Во-вторых, примерно половина пользователей всех возрастов и более 90% молодёжи находятся в режиме потребления информации нон-стоп. Если в работах психологов и социологов двух предыдущих

десятилетий этот феномен описывался как интернет-зависимость, то теперь, после выхода упомянутой выше книги Э. Шмидта и Д. Коэна, исследователи пишут о переселении молодёжи в цифровой мир. В среднем молодой американец в возрасте от 18 до 35 лет обращается к гаджетам не реже чем раз в 10 минут. Причём промежутки между обращениями из года в год уменьшаются в геометрической прогрессии.

В-третьих, некогда единый интернет распадается на отдельные кластеры и фрагменты, мало связанные между собой. Деление происходит не только по интеллектуальному или имущественному критериям. Границы проходят даже внутри семей, друзей и родственников, в основном — в соответствии с культурными ориентациями, политическими убеждениями, характером времяпрепровождения и т. п. Хотя формально в интернете продолжает действовать закон пяти рукопожатий, более двух третей пользователей интернета в развитых странах не выбирают даже число Данбара, поддерживая более-менее постоянные контакты менее чем с 150 людьми.

Ещё на рубеже 50–60-х гг. XX века — в эпоху расцвета радио и телевидения — известный американский социолог и политолог Г. Лассуэлл охарактеризовал тогдашние США как «высокоманипулируемое общество, в котором информационные потоки управляют поведением граждан и врачуют их психологические недуги». Дезориентированность в сочетании с подверженностью к суггестии значительной части населения стимулирует элиты к поддержке не только теоретических, но и практических разработок в области социального программирования групп разной размерности.

Социальное программирование по своему арсеналу и сути глубже, чем надж. Если надж использует преимущественно поведенческие стереотипы и привычки, то социальное программирование предполагает разработку определённых языков, посредством которых можно описывать процедуры, подспудно заставляющие человека осуществлять определённые действия. А главное — не просто описывать, но и реализовывать такие процедуры. В социальном программирова-

нии используются не только стереотипы и привычки, но и особенности восприятия, а также характеристики психических состояний — например, такие, как тревожность, возбужденность, агрессия и т. п. Наиболее далеко теоретические и практические разработки в области социального программирования, или social software, продвинулись в США, Великобритании, Нидерландах и Японии.

ЖЕЛЕЗНАЯ ПЯТА АВТОМАТИЗАЦИИ

На наших глазах происходят прогрессирующая роботизация, повсеместное распространение интернета вещей и широкое использование в здравоохранении различного рода синтетических, а в последние годы — органических имплантатов. Тенденции трансформации физической среды оказывают такое же воздействие на человека, что и процессы в среде информационной.

По данным Международной федерации робототехники, в настоящее время в мире на производстве работает примерно 300 тыс. роботизированных участков, линий, производств. Число роботов растёт

в среднем на 20% в год. 75% продаж производственных роботов приходится на Китай, Южную Корею, Японию, США и Германию. При этом на США приходится более 75% мирового выпуска роботов, оснащённых вычислительным интеллектом и способных к многофункциональной деятельности. По экспоненте растёт число транспортных и бытовых роботов.

Роботы уже сегодня вызывают страх у рабочих, юристов, представителей других профессий с повторяющимися трудовыми операциями. Так, на выборах 2016 г. самая сильная корреляция между голосованием за Трампа наблюдалась с показателем доли в избирательных округах работников, чей труд в ближайшие 5–7 лет может быть роботизирован. Трамп сознательно эксплуатировал страх перед будущим и тоску по прошлому.

Но страх перед будущим — лишь одна сторона дела. Другая — в том, что, будучи перемещённым непосредственно из сферы производства в область контроля, управления и преодоления форс-мажорных ситуаций, работник всёравно вынужден подстраиваться под роботов. Именно человек становится наиболее непредсказуемым, а значит, и ненадёжным звеном автоматизированных производств.

Алгоритмизирует поведение людей также интернет вещей, который стремительно превращается в интернет всего. Он генерирует огромные потоки машиночитаемой информации о повседневном поведении людей. Если данные

из привычного интернета характеризуют ментальный мир человека, его покупательское поведение, то интернет вещей уже фиксирует в развитых странах каждый шаг человека, создавая постоянно пополняемый архив его жизненной повседневной активности.

В мире всеобщей алгоритмизации управления и функционирования человек должен алгоритмизиро-

вать собственное поведение. Даже если он будет сопротивляться, за него все сделают компании — производители гаджетов, вещей, автомобилей и т. п., подсоединенных к платформам интеллектуального анализа данных.

Нынешнее программирование групп пользователей/потребителей осуществляется на основе огромных, постоянно пополняемых массивов поведенческих данных. Сегодня они состоят из трех компонентов. Одна часть данных принадлежит

владельцам платформ, поисковиков и ресурсов интернета. Другая — производителям операционных систем для гаджетов, прежде всего Apple и Google. Третья — производителям «умных вещей», информация от которых поступает как телекоммуникационным провайдерам, так и производителям. Сегодня крупнейшие информационные компании имеют хранилища поведенческих данных не только сравнимые, но, видимо, даже превышающие ёмкость нового дата-центра АНБ в Юте. Причём все эти данные компании получают с полного согласия пользователей.

Помимо того что компании используют поведенческие данные в своих целях, они легально продают их на сторону, в первую очередь — брокерам данных. Крупнейший из них, Axion, располагает поведенческими архивами почти на миллиард жителей планеты, включая все основные страны, кроме Китая. В среднем профиль данных на одного человека имеет от 120 до 150 параметров.

Помимо интернета вещей всё активнее пробивает себе дорогу интернет имплантатов. Сейчас уже более 2% американцев используют имплантаты, имеющие, наряду с автономной, также удалённую систему управления через интернет. Сейчас это в основном кардиостимуляторы и церебральные имплантаты. По мнению медиков, до 2020 г. не только резко снизится стоимость имплантатов, но и появятся имплантаты нового поколения, созданные не из синтетических,

а из органических веществ, полученных в результате достижений синтетической биологии. В ближайшие 5–10 лет до 20% американцев будут иметь программируемые вне имплантаты в теле. Как в случае с интернетом, через 5–7 лет вслед за Америкой в биоинформационное будущее устремятся и другие страны.

Таким образом, к психологическому и поведенческому программированию в ближайшие годы добавится биофизиологическая алгоритмизация. Впору говорить о переходе от стадии «человека разумного» к стадии «человека программируемого».

Эту тенденцию уже давно заметили наиболее проницательные мыслители. Один из трёх наиболее цитируемых исследователей в области философии и психологии сознания Д. Деннет утверждает: «Возможно осуществить человеческое сознание в машине. В конечном счёте, машина — мы сами. Мы — роботы, сделанные из роботов, сделанных из роботов. Мы невероятно сложны, триллионы подвижных частей. Но всё это роботизированные части. Здесь нет никакого чуда». Деннет рассматривает сознание как случайную устойчивую композицию из мемов. Ведущий нейропсихолог-когнитивист Т. Метцингер вообще отрицает наличие у человека сознания как особого феномена: «Хотя наш мозг создаёт тоннель эго или сознание, в этом тоннеле никто не живет. Мы живем посредством этого тоннеля и сквозь него, но не существует никакого «человечка», который заправляет всем у нас в голове. В мире не существует такой вещи, как Я или психика. Биологический организм как таковой не есть Я. Эго — тоже не есть Я. Оно представляет собой только форму контента представлений — контента Я-модели, активированной в мозгу. Я — это иллюзия». Позиции Деннета и Метцингера являются мейнстримом не только для большинства современных нейропсихологов, но и, что более важно, для политиков, фи-

нансистов, политтехнологов, разработчиков программ и сервисов.

Последние 15 лет нарастающими темпами идёт процесс целенаправленного изменения человека как разумного, обладающего развитой психикой, социального существа со свободой воли. Сама деятельность, её информационная среда и материальные факторы подавляют в человеке процессный, недезъюнктивный (если пользоваться термином В. Брушлинского), творческий контур психики и мышления, замещая его дезъюнктивным, операционным и алгоритмическим.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД

Подавляющее большинство авторов — пожалуй, за исключением Н. Бострома и Р. Курцвейла, — сводят происходящие на наших глазах процессы и перемены к производственной революции. Однако внимательное изучение этих тенденций в контексте глобальной человеческой истории позволяет сделать качественно иной вывод. Хотя первооткрыватели третьей (или четвёртой) производственной революции подчёркивают её принципиальную новизну по сравнению с тем, что было раньше, объективные факты говорят об ином. На конференции 2017 г. в Чикагском университете по вопросам истории науки и техники было справедливо отмечено, что практически все технологии и нововведения новой производственной революции имеют корни в 60-х — 70-х годах прошлого века. Это относится к программно-аппаратным разработкам в области искусственного интеллекта, робототехнике, для мобильных коммуникационных устройств и т. п. В начале XXI века уровень производственно-технического развития позволил в полной мере реализовать научные разработки 60–70-х годов. Именно это инженерное освоение научного потенциала эпохи холодной войны и является прочным фундамен-

том четвёртой производственной революции.

Что же до антропологического перехода, то он, хотя и связан с четвёртой производственной революцией, носит гораздо более глубокий по последствиям, мощный по проявлениям и всеохватывающий по локации процесс, базирующийся на достижениях науки уже XXI века. Аналогами антропологического перехода являются, во-первых, окончательное завоевание господства современного вида человека-кроманьонца в период 35–45 тыс. лет до н.э., во-вторых, неолитическая революция, относимая большинством историков к 10 тыс лет назад, когда человеческие общины перешли от охоты и собирательства к земледелию, животноводству и торговле, с появлением первых городов.

Суть антропологического перехода состоит в разделении человечества даже не на новые касты или тем более классы, а на новые виды. Наряду с привычным алгоритмизированным человечеством ожидается появление нового вида людей, качественно отличающихся от сегодняшних по своему интеллектуальному потенциалу, состоянию здоровья, продолжительности жизни, возможностям адаптации к различным средам и т. п.

Новый антропологический переход базируется на трёх принципиальных технологических пакетах. Первый — это разнообразные способы интерфейсов и соединений вычислительных устройств с человеческой психикой и мозгом как её физиологическим коррелятом. Второй — создание и миниатюризация гаджетов, позволяющих людям пребывать одновременно в привычной и цифровой реальностях, т. е., по сути, существовать в объёмной дополненной реальности. Третий — различные применения синтетической биологии и биоинженерии в их наиболее продвинутых видах.

Традиционно интерфейс мозг-компьютер относили к программ-

но-аппаратным комплексам, которые позволяют силой мысли, а точнее — биоэлектромагнитных импульсов как её коррелятов, управлять частями человеческого тела и программно-аппаратными устройствами внешнего мира. До последнего времени именно подобные разработки определяли лицо интерфейсных технологий. Такая ситуация неудивительна. В Соединённых Штатах, Израиле, Китае и России такого рода разработки финансировали, прежде всего, военные. С целью скачкообразного повышения адаптационных способностей организма и управления экзоскелетами, а также реабилитации последствий увечий в ходе военных действий. Однако в 2017–2018 гг. группам исследователей в MIT, Колтеке и нескольких стартапах удалось не просто сконструировать, но и запустить в качестве опытных образцов интерфейсы нового типа. Они позволяют силой мысли отдавать команды вычислительным устройствам на поиск, анализ или сохранение той или иной информации и даже на проведение вычислений. Более того, группе Колтека удалось сделать первый в мире человеко-машинный интерфейс с двойным контуром. Человек не только может дать мысленную команду искусственному интеллекту, в данном случае IBM Watson, но и получить от него прямой ответ, загружаемый непосредственно на сетчатку. По сути, человек, обладающий таким интерфейсом, дополняет свою психику вычислительной мощностью искусственного интеллекта, которую может использовать непрерывно в диалоговом режиме.

Несколько слов о технологическом пакете, связанном с синтетической биологией и редактированием генов. По мнению большинства ведущих специалистов, уже достигнутый уровень развития биотехнологий позволил перейти к производству индивидуальных лекарств, созданных под конкретного человека с учётом особенностей его

организма. Уже сегодня биотехнологии позволяют обеспечить глубокую реабилитацию даже больных организмов и продление активного долголетия до 80–90 лет. С технологическим освоением научных достижений синтетической биологии активное долголетие может быть удешевлено и массово продлено до 120–140 лет с фиксацией биологических характеристик человека на уровне нынешних 45–55 лет вплоть до момента физической смерти. Практическую реализацию этой возможности большинство экспертов относит на 2020–2025 гг.

ФАЗОВЫЙ ПЕРЕХОД

Этому процессу благоприятствует глобальная мировая обстановка. Вот уже более 25 лет в мире активно идёт процесс отрицательной конвергенции: капиталистические страны, особенно развитые, приобретают всё больше черт административного, бюрократического социализма. А большинство бывших социалистических стран впитали худшие черты не только капитализма, но и архаических докапиталистических формаций.

С крушением биполярного мира акцент с развития способностей был перенесён на удовлетворение потребностей. Консюмеризм, потребительство стали мейнстримом, формирующим ценности, цели и поведение основной массы населения в развитых странах. Одновременно потребительское поведение стало определяться не доходами от производственной деятельности, а условиями предоставления кредитов. Сами по себе условия потребительских кредитов являются мощнейшим инструментом social software.

Нарастающей алгоритмизации человека способствует его нейропсихиология. Мозг расходует около 20% энергии, потребляемой организмом человека, хотя составляет только 2% от массы тела. При решении сложных проблем и интенсивном мышлении энергозатраты возрастают до 25–27%.

Думать — энергозатратно, а потому с эволюционной точки зрения зачастую невыгодно. Если социум не предъявляет к своим членам повышенных интеллектуальных требований, люди склонны минимизировать сложные мыслительные процессы и замещать сознательное поведение психофизиологическими и социальными автоматизмами.

С психологической точки зрения значительная часть процессов человеческой жизни и деятельности, относимых не только к психофизиологии, но и к социальным взаимодействиям, происходит бессознательно через установки, поведенческие стереотипы, культурные правила, бытовые привычки и т.п. Это доказано экспериментально. Поэтому, если внешняя среда не только благоприятствует, но и прямо подталкивает человека к алгоритмическому, операционному поведению, использующему стереотипы, то люди охотно переходят на автоматический режим существования.

Наконец, социальное программирование наиболее полно выражает внутреннюю природу власти. «...Истинная власть — это, как правило, тайная власть или явная власть в её тайных действиях». Тайные по смыслу, но открытые по содержанию действия сильных мира сего создают криптократию. Криптократия — не насилие, не убеждение, а алгоритмизация, последовательное сокращение степеней свободы и незаметное для человека превращение личных и групповых интересов в безусловную мотивацию достижения внешних для него целей.

ВЛАСТЬ ИНТЕЛЛЕКТА

Наполнение власти программно-технологическим содержанием предполагает и сопровождается качественными изменениями в правящих элитах. Наиболее передовая часть господствующих групп превращается в «иное человечество», в другой вид sapiens. Еще в 2015 г. о подобном рассказывал директор

Курчатовского института М. Ковальчук в Совете Федерации.

Любая технология имеет тройное применение: гражданское, военное и криминальное. Менее распространено понимание, что технологии амбивалентны по критериям эффективности. Так, технология, обеспечивающая алгоритмизацию, снижение степеней свободы поведения, при ином использовании способствует снижению внешней детерминации активности и увеличению господства субъекта над средой. Это

относится не только к отдельным людям, но и к социуму в целом.

В течение 2010-х годов сформировался и экспоненциально развивается технологический кластер, позволяющий в краткосрочной перспективе сформировать новый вид человека разумного. В него входят искусственный интеллект; интернет всего с тотальной оцифровкой, хранением и обработкой данных обо всем; синтетическая биология; дополненная реальность и прямой интерфейс мозг-компьютер.

Этот кластер является технологическим пакетом для создания сначала гибридного интеллекта как результата взаимодействия человеческого и искусственного интеллектов, а затем и интегрального человеко-машинного суперинтеллекта. Базовой технологией гибридного интеллекта является глубокое машинное обучение, распознавание процессов, связей, объектов и аномалий на основе глубоких нейронных сетей и иных вычислительных методов. Замыкающая технология технопакета — это

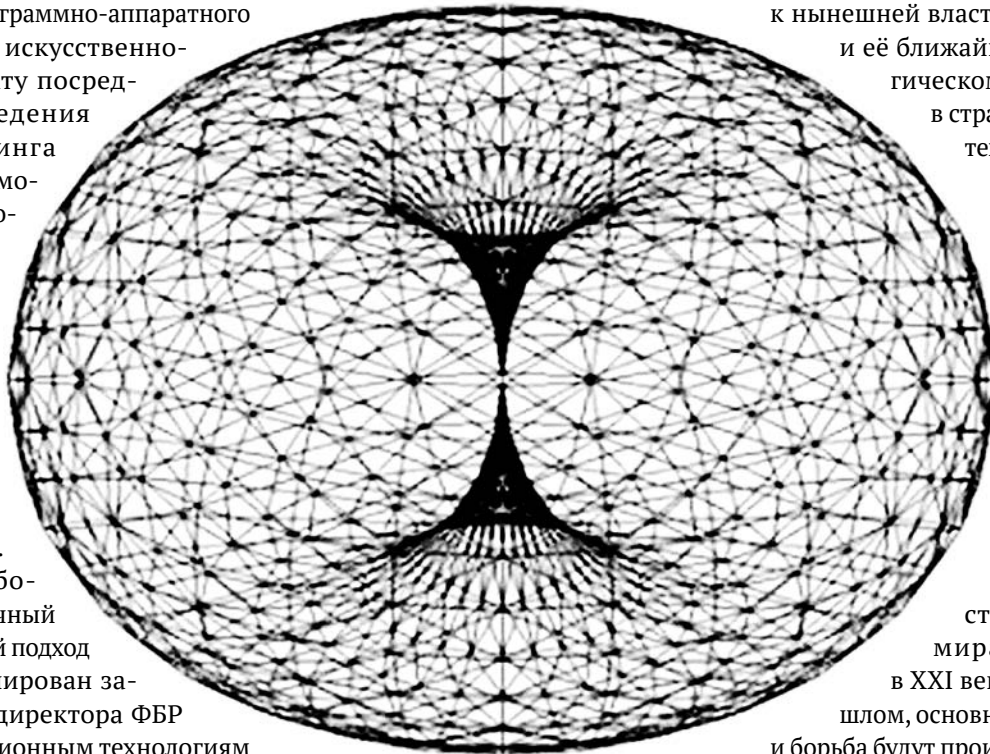
создание прямого многофункционального имплантируемого интерфейса мозг–компьютер.

Для адекватного понимания базовой технологии важно отрешиться от господствующего понимания искусственного интеллекта как подобию человеческого. Наиболее яркое представление этот подход получил в оценке принадлежности того или иного программно-аппаратного комплекса к искусственному интеллекту посредством проведения теста Тьюринга (выяснения, может ли пользователь, взаимодействуя с вычислительным интеллектом, определить, кто перед ним: человек или машина).

Гораздо более прагматичный операционный подход был сформулирован заместителем директора ФБР по информационным технологиям Стивеном Л. Моррисом в начале 2017 г.: «Искусственный интеллект — это программно-аппаратный комплекс, обеспечивающий поддержку и/или принятие результативных решений в динамичной, неустойчивой среде в установленное время, на основе заведомо неполной, нечёткой и не имеющей полной доказательной базы информации. Применительно к одним задачам искусственный интеллект самостоятельно принимает решения, но в большинстве случаев является элементом гибридного интеллекта, взаимодействуя с человеком». Именно гибридный, а не искусственный, интеллект является магистральной дорогой к суперинтеллекту.

Три ведущих корпорации уже приступили к созданию многофункциональных прямых интерфейсов

между человеческим мозгом и вычислительным интеллектом. Это проекты Brain Machine Interface F (BMIF), Neuralink, Directconnection. Их ведут соответственно Facebook, Элон Маск и Алфавет (Google). Ориентировочное время выпуска полноценного многофункционального интерфейса всё то же — 2022–2025 гг.

По мнению Стивена Л. Морриса, комплексная реализация технопакета суперинтеллекта потребует, наряду с программными средствами, изменений и в аппаратной базе. Здесь ключевая роль принадлежит не столько квантовым компьютерам, сколько харду не на базе традиционных чипов, а использующему мемристоры, а также графические процессоры нового поколения и графен как материал для чипов. По оценке офиса директора Национальной разведки США, сделанной в 2017 г., новый вид человека с суперинтеллектом станет реальностью в районе 2025 г. Сходные оценки: в интервале 2023–2027 гг., — дают компании Gartner и McKinsey. Конкретные сроки могут быть ошибочными, но появление носителей суперинтеллек-

та безальтернативно. Все основные компоненты харда и софта для него уже созданы. Речь идёт лишь об их совершенствовании и компоновке.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД И ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЕ МИРА

Появление нового вида людей, которые, несомненно, будут относиться к нынешней властвующей элите и её ближайшему технологическому окружению в странах — лидерах технологической гонки, способно до неузнаваемости изменить человеческую цивилизацию.

В российской аналитике и прогностике господствует картина мира, в которой в XXI веке, как и в прошлом, основные конфликты и борьба будут происходить между странами и блоками. У геополитиков будущее — это продолженное прошлое. Для прежнего медленного мира такой подход был приемлем. Но современный быстрый, турбулентный мир его отвергает. Будущее от прошлого отделено качественным скачком, фазовым переходом.

Роковым образом ошибается в прогнозах значительная часть отечественной правящей страты — бенефициары российской экономики. Они полагают себя неотъемлемой частью глобальной правящей элиты и демонстрируют соответствующее стратегическое, тактическое и бытовое поведение. Они же ежедневно показывают обществу безудержную склонность к накоплению недвижимости, наличных, роскоши и низкорисковых финансовых активов, которые считают гарантией

благополучия в будущем. В геополитическом мире такой подход имеет свои резоны. Но там, где властвует хронополитика, а прошлое и будущее разделяет фазовый переход, основные активы российской квазиэлиты в мире будущего — обуза, а не потенциал.

Уже в среднесрочной перспективе, в ближайшие 10–15 лет, а возможно — и раньше, произойдёт резкое деление мира не по географическому, а по хронологическому (временному) или технологическому признаку. Из властвующей элиты стран — безусловных технологических лидеров современного мира выделится крайне малая, не более 0,3–0,5% населения, часть — так называемые holders (холдеры). Это — хозяева и разработчики алгоритмов, программ, технологий. Именно они станут обладателями гибридного интеллекта и улучшенных физиологических носителей (тел) на основе достижения синтетической биологии. Также, согласно оценкам Gartner, порядка 5–10% населения стран-лидеров составят staff — персонал, или «служебные люди», по терминологии М. Ковальчука. Он будет занят в обеспечении функционирования и развития алгоритмической экономики и общества в целом.

Остальное население развитых стран, вне зависимости от имеющихся у них активов, превратятся в lamers (ламеров). Ламеры не нужны для воспроизводства в «прекрасном новом мире». При одном раскладе им будет позволено заниматься самопрокормом на территориях, контролируемых холдерами, а при другом — они смогут получить гарантированное содержание, например, в виде «безусловного базового дохода», и жить в своего рода лимитированном коммунизме.

На порядок печальней перспективы граждан стран, не вошедших в узкую группу лидеров гонки за будущее, которую сейчас возглавляют США, Великобритания, Китай и Япония. Пока еще держатся за лидерами Южная Корея, Канада, Австралия,

Германия, а также некоторые страны Северной Европы. Российские аналитики любят оперировать терминами «управляемый хаос», «цветные революции» и т. п. Им невдомек, что в алгоритмических обществах управляемый хаос и «цветные революции» гораздо страшнее для метрополий, чем для деструктурируемых стран и территорий. Любой хаос предполагает наличие большого числа сил и групп, располагающих и применяющих разнообразное вооружение: от огнестрельного до кибернетического. «Цветные революции» предполагают утрату государством монополии на насилие и ослабление контроля над оборотом оружия. Нынешняя Украина — лучшее тому свидетельство.

В эпоху оружия массового поражения, огневых и взрывных систем развитые государства были способны осуществлять удалённый контроль над производством и транспортировкой вооружений. Кроме того, хаотизированные территории были отделены от субъектов хаотизации тысячами километров, непреодолимыми для оружия массового поражения, задействованного в таких конфликтах. Но кибер-, био- и генетическое оружие по своей поражающей силе уже сегодня не только не уступает, но зачастую превосходит оружие массового поражения, вплоть до тактического ядерного. В то же время контроль над подобного рода вооружением сегодня невозможен, а в будущем затруднён. Производство подобного типа вооружений возможно не только в рамках небольших структур, но и с использованием распределённых аутсорсинговых сетей. Наконец, для кибер- или биооружия удалённость локации применения не играет никакой роли. По оценке офиса директора Национальной разведки США за 2017 год, среди всех стран мира именно США, Япония, Великобритания и западноевропейские страны являются наиболее уязвимыми целями для нанесения кибер- и биоударов

с неприемлемыми последствиями. В этой связи сегодняшняя ситуация вокруг КНДР может рассматриваться как модельная отработка уничтожения субъектов, претендующих на самостоятельность в алгоритмическом мире.

Администрация Трампа, по крайней мере её военно-политическое крыло, видит свою задачу в превентивной зачистке потенциальных очагов деструкции и выработке эффективных технологий для этого. Именно в этом для правящей элиты США заключается смысл борьбы с ИГИЛ. В будущем этот подход будет только усиливаться. Соответственно, населению стран, которые проиграют гонку за будущее, останется либо выполнять сервисные услуги в рамках рекреационного использования их свободных от технологий территорий, либо исчезнуть, подобно древним египтянам, кельтам и другим когда-то великим народам. Для алгоритмических обществ эти народы — aliens (чужие). Причина — не в конспирологическом коварном заговоре «закулисы Гуглберга», якобы ставшей преемницей Бильдербергской группы, а в императивах безопасности алгоритмических обществ.

В гонке за будущее выделились неоспоримые лидеры. Gartner, McKinsey, а также исследовательские группы Всемирного экономического форума в Давосе ведут тщательный анализ субъектов собственности на наиболее перспективные компании и патенты на технопакеты, связанные с производственной революцией, гибридным интеллектом и social software. Если обобщить их данные за 2016 — начало 2017 гг., получается следующая картина. Неоспоримый лидер — США: на собственников из этой страны приходится примерно 75% акций наиболее перспективных компаний, патентов. На них работают наиболее цитируемые в мире исследователи, занимающиеся технологиями алгоритмизации и гибридного интеллекта.

Затем уверенно идут Китай с 8% и Япония с 5%. Остальная доля более-менее равномерно распределена между Великобританией, Израилем, Германией, странами Северной Европы и Южной Кореей. Россия, несмотря на отдельные достижения и десятки тысяч исследователей, учёных, программистов, работающих в США, Великобритании, странах ЕС и Южной Корее, пока «выпала» из технологической гонки.

ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКАЯ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ

Третьим ключевым процессом, определяющим будущее человечества в ближней перспективе — на горизонте до середины нынешнего столетия, — является растущая неустойчивость природно-климатических условий. Как известно, тема климата, а точнее — «глобального потепления», стала одной из центральных в глобальной политике. Одно из главных противоречий между США и другими ведущими странами мира связано как раз с отношением к Парижскому соглашению, предусматривающему добровольное ограничение производственно-экономического развития с целью удержать повышение температуры в пределах 2 °С к 2025 г.

В 2018 г. опубликованы две фундаментальные работы, связанные с климатическими прогнозами и обеспечением человечества пресной водой. Учёные Шведского центра устойчивости при Стокгольмском университете и специалисты из Австралийского национального университета при поддержке математиков — специалистов по имитационному моделированию из Соединённых Штатов и России выяснили, что меры, предусмотренные Парижским соглашением по климату, не позволят к 2050 г. удержать повышение температуры в пределах 1,5–2 °С — температура поднимется, как минимум, на 3–5 °С, а уровень мирового океана — на 10–25 метров. Земля частично уйдёт

под воду, а частично превратится в большую теплицу. Согласно этим расчётам, точка невозврата ещё не пройдена. В настоящее время глобальная средняя температура увеличилась только на один градус. При этом выбросы парниковых газов, вокруг которых идёт весь сыр-бор, — не единственный и даже не главный фактор повышения температуры. Исследование показывает, что если повышение температуры в среднем на 0,17 °С в год из-за деятельности человека продолжится и далее, то в 2025 г. температура в совокупности повысится на два градуса выше нормы, что спровоцирует необратимые процессы в атмосфере и биосфере, которые вызовут самоорганизованное повышение температуры. На повышение температуры влияние оказывают не только выбросы парниковых газов, но и различного рода эмульсий, промышленных химических веществ, хищническая вырубка лесов, особенно в районе Амазонии и российской тайги, а также загрязнение поверхности моря плёнками химического и особенно нефтяного происхождения, таяние вечной мерзлоты и т. д. Международное обсуждение глобального моделирования климата, в котором участвовали не только политики, но и отставные военные, руководители крупных корпораций, известные исследователи, показало следующее. У человечества есть максимум семь-восемь лет для того, чтобы начать осуществлять решительные согласованные меры по уменьшению негативного воздействия на среду обитания и предотвращения происхождения точки невозврата, после которой любые усилия будут уже бессмысленны.

Не меньшее внимание привлек опубликованный летом 2018 года доклад ООН о пресной воде, представленный Генеральным секретарем ООН А. Гуттеришем. Согласно этому докладу, уже в настоящее время не менее 2 млрд человек испытывают нехватку пресной

воды. 80% сточных вод попадает в окружающую среду без обработки. Не менее 1,5 млрд человек пользуются пресной водой, загрязненной различного рода промышленными отходами. В целом 4,5 млрд человек живут в условиях антисанитарии. Согласно выводам экспертов ООН, к 2050 г. около 6 млрд человек будут страдать из-за нехватки водных ресурсов, а засухи в 20–30-е годы будут случаться в 1,5–1,8 раза чаще, чем во второй половине XX века. Специалисты ООН полагают, что особо опасная ситуация в ближайшие пять–семь лет сложится вокруг бассейнов крупнейших рек мира, уровень воды в которых из года в год колеблется, имея общую тенденцию к снижению. Речь идёт о Ниле, Тигре, Иордане и Инде.

Следует отметить, что параллельно климатологи фиксируют увеличение числа и мощности различного рода аномальных явлений, включая жару, холод, изменения привычных течений, ураганы, штормы и т. п.

Ведущие фабрики мысли в последние годы сделали вывод об усилении негативного воздействия климатических сдвигов на политическую ситуацию в целом ряде регионов, особенно в Центральной Азии, на Ближнем Востоке, в Северной и тропической Африке. В 2015–2018 гг. опубликован ряд докладов. В них красной нитью проходит мысль о неизбежности крупных гражданских войн и, соответственно, массовых потоков нелегальной миграции из районов Северной и тропической Африки в Европу, из Центральной Азии — в Казахстан и Россию, и из Среднего и Ближнего Востока — в Европу, включая страны постсоветского пространства. Эти прогнозы базируются на мощном историческом фундаменте. Для неангажированных наблюдателей не секрет, что триггером, переведшим копившееся социальное недовольство в странах Северной Африки в «арабскую весну», стало значительное повышение цен на продукты, особенно

рис, хлеб и бобовые. Повышение цен в значительной степени было связано с засухой. Также хорошо известно, что начало гражданской войны в Сирии было во многом вызвано длительной сильной засухой, охватившей восточные и северные районы Сирии, где традиционно проживало суннитское население и производилась основная часть сельскохозяйственной продукции страны. Климатические изменения неизбежно отражаются на сельском хозяйстве, а трудности снабжения продовольствием и рост цен на него неизбежно обостряют социальные конфликты. По оценкам автора международного бестселлера «Сыновья и мировое господство» Г. Хайнсона, описанная выше «петля разрушений» на рубеже 2010–2020-х годов может вызвать миграционные потоки в ЕС, исчисляемые не сотнями тысяч, как это было в 2014–2016 гг., а миллионами, а то и десятками миллионов.

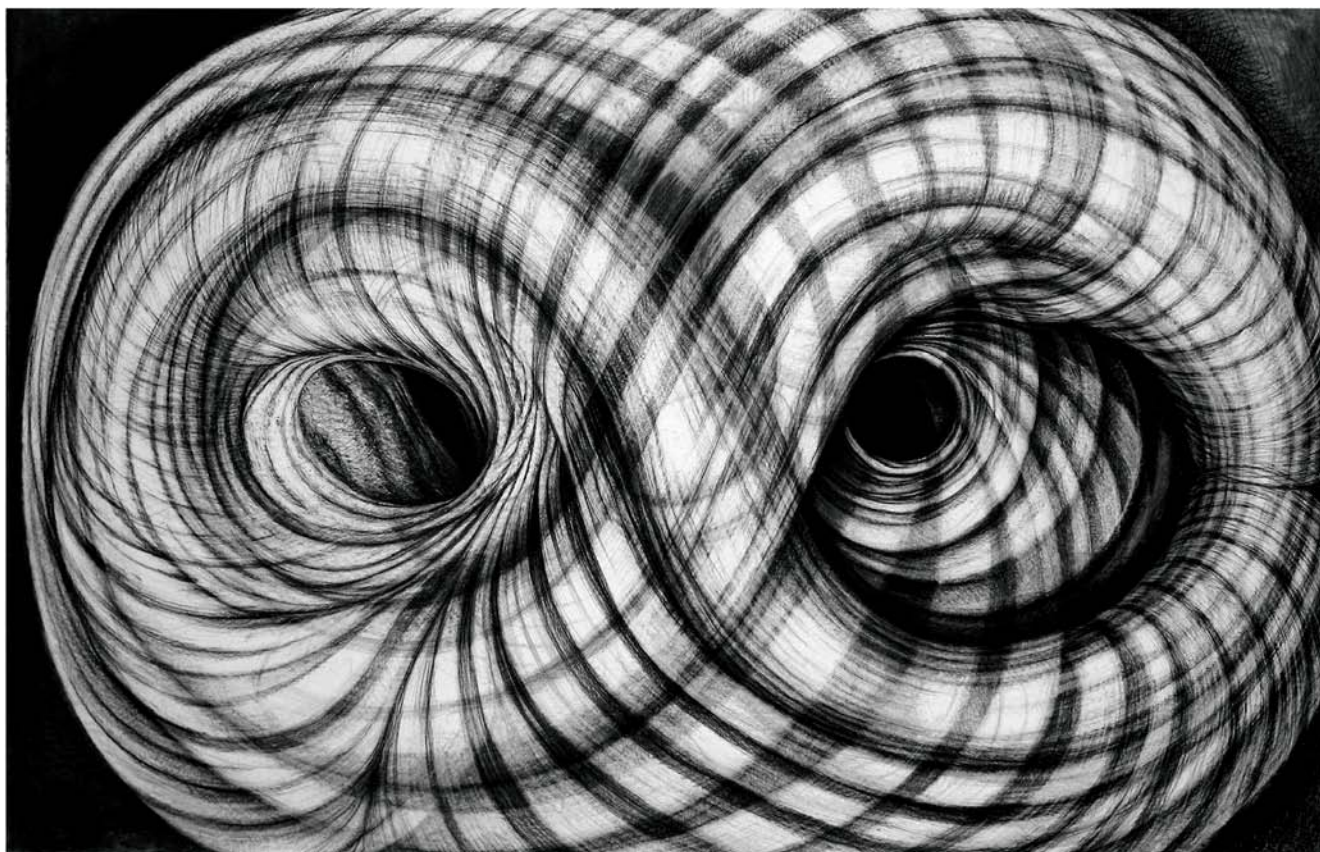
Негативное влияние климатических сдвигов будет происходить в ус-

ловиях торможения глобализации. Процессы, запущенные президентом США Д. Трампом, независимо от последующего развития событий, уже привели к необратимым сдвигам и будут иметь инерционное влияние в дальнейшем. Помимо прочего на глобальном уровне это означает следующее. Странам Средней и Центральной Азии, африканским государствам в ближайшие 10–20 лет не удастся повторить прорыв Китая, Турции, Индии, Бразилии, отчасти Вьетнама, запрыгнувшего в уже уходящий поезд глобализации. Сотням миллионов людей не удастся вырваться из нищеты, голода, отсутствия медицинской помощи и образовательных перспектив. В то же время эти люди в беднейших странах, особенно молодёжь, будут иметь доступ к смартфонам, а соответственно — и к элементарным достижениям производственной революции. Поскольку любая технология имеет тройное назначение: военное, гражданское и криминальное, — мировая нищая

деревня неизбежно постарается нанести ответный удар глобальному богатейшему городу.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. И ПОСЛЕДНИЕ СТАНУТ ПЕРВЫМИ

Масштабное развёртывание новой производственной революции, стремительный старт антропологического перехода будут проходить в условиях нарастающей турбулентности глобальной среды обитания, а также нарастания противоречий и конфликтов между мировой деревней и процветающими мегаполисами. В этих условиях можно предположить, что ближайшие 25 лет будут едва ли не самым опасным периодом в человеческой истории — периодом, когда у человечества будет большой шанс присоединиться к числу молчащих планет, иллюстрирующих парадокс Ферми. Масштабы рисков и величина угроз позволяют всерьёз поставить задачу выживания как имеющую абсолютный приоритет. К сожалению,

эта задача должным образом не от-рефлектирована ведущими российскими фабриками мысли и экспертным сообществом. Для её решения предлагаются либо архаические рецепты, базирующиеся исключительно на прошлом, либо предложения, как под копирку перенять мировой опыт, например — цифровизацию экономики, использование оправдавших себя в течение последнего 50-летия институтов развития и т. п. Между тем решение задачи выживания предполагает не копирование чужого, а использование собственных оригинальных наработок, отвечающих помимо прочего культуре народов, населяющих Россию, и менталитета, порождённого русским языком. Вместо того чтобы для отчётной галочки пытаться насадить всеобщую цифровизацию, необходимо вернуться к задаче, поставленной Президентом РФ В. В. Путиным в выступлении на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 28 сентября 2015 г.: «Нам нужны качественно иные подходы. Речь должна идти о внедрении принципиально новых природоподобных технологий, которые не наносят урон окружающему миру, а существуют с ним в гармонии, и позволят восстановить нарушенный человеком баланс между биосферой и техносферой. Это действительно вызов планетарного масштаба...»

Важнейшими составляющими природоподобных технологий являются хай-хьюм и конкретно принципиально новые технологии раскрытия спящих способностей и возможностей человека и т. п. На основе широкого использования природоподобных технологий, включая организационные, экономические и социальные технологии, можно успешно решить задачи выживания и элиминировать ключевые риски, с которыми в ближайшие 20–25 лет столкнётся человечество.

Риск первый — риск турбулентности. Эффективная алгоритмизация, программирование и управление возможны лишь в средах, для которых внешние и внутренние

возмущения меньше некоторых объективных параметров. Операционные технологии, а значит — алгоритмизация, программирование и управление, — возможны лишь в относительно стабильных средах. Если среда нестабильна, итоги использования новых технологий непредсказуемы.

Риск второй — риск «эффекта домино». Риски внутрисистемных отказов и веерных выходов из строя растут быстрее, чем увеличивается взаимная увязанность и избыточность элементов системы. Грубо говоря, чем более всё со всем связано, тем выше риск отказов и катастроф не только из-за целенаправленных действий, но и по случайным причинам.

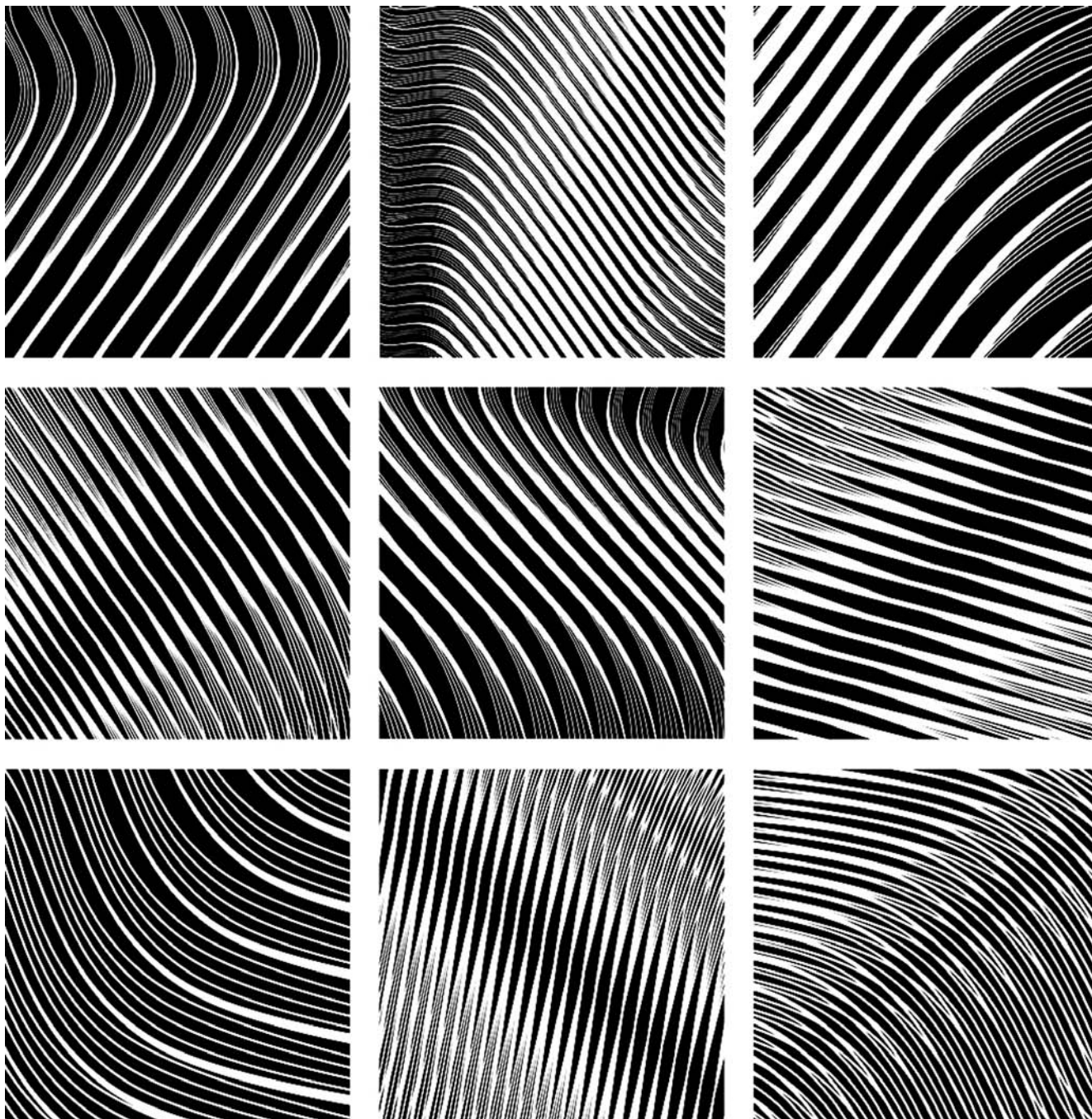
Риск третий — риск агрессии, или «кошмар Лема». Ещё в 1980-е гг. Станислав Лем предположил, что в рамках технологического прогресса способность всё меньших, вплоть до двух-трёх человек, групп нанести неприемлемый ущерб городам, странам и блокам стран растёт экспоненциально. В 2017 г. Национальный разведывательный совет США опубликовал доклад «Глобальные тренды: парадоксы прогресса», в котором отмечалось: «В последние годы проявилась тенденция, которая будет оказывать влияние в течение ближайших 20 лет. Негосударственные группы, в том числе террористы, боевики, преступные группировки и активисты будут иметь все более широкий доступ ко всё более разнообразному спектру летальных и нелетальных средств огневого, инфраструктурного и поведенческого поражения. В условиях когда небольшие террористические, повстанческие и преступные группы могут иметь на вооружении технологии массового поражения, может возникнуть уникальная ситуация, отбрасывающая нас в Средневековье, когда государства воевали с бандами преступников и отрядами наёмников. Эта тенденция уже проявляет себя».

Риск четвёртый — риск оптимизации. Главным направлением раз-

вития вычислительного интеллекта является глубокое машинное обучение с использованием всё более глубоких нейронных сетей. В итоге уже сегодня, при использовании нейронных сетей с глубиной более 30 слоёв, исследователи не представляют себе, каким образом вычислительный интеллект пришёл к решению той или иной задачи. При решении задач на оптимизацию это означает, что пользователи не знают всей совокупности параметров, при которых задача по заданному критерию оптимизации решена наилучшим образом. Грубо говоря, может оказаться, что оптимальное решение по заданному критерию предполагает значения сопутствующих параметров, которые несовместимы с существованием оптимизируемого объекта.

Наконец, риск пятый — риск слепоты или скрытых параметров. Поскольку господство и подчинение в алгоритмических обществах построены на операционном, алгоритмическом контуре психики и управления, представляя собой реализацию машин третьего типа, то эти машины и симбиотически связанные с ними суперинтеллекты не способны работать с процессным, поисково-прогностическим (творческим) контуром психики, мышления и активности. Для них все решения этого контура находятся в зоне скрытых параметров. Для суперинтеллекта они находятся в так называемой «слепой зоне».

В этих условиях безальтернативно на место геополитики, борьбы за пространство и ресурсы придёт хронополитика — борьба за время и информацию. По сути, хронополитика — это борьба за выбор будущего. С одной стороны, как справедливо отметил мыслитель и писатель-фантаст Уильям Гиббсон: «Будущее уже наступило. Просто оно пока ещё неравномерно распределено». С другой стороны, перефразируя Маяковского, не только поэзия, но и политика становится «ездой в незнаемое».

На наших глазах безвозвратно уходит в прошлое мир, скроенный по британской модели. С начала первой производственной революции в конце XVIII века и вплоть до нынешнего дня вся планета живёт в экономическом, политическом, технологическом, ментальном и ценностном пространствах, основанных на англосаксонской модели мира: индивидуализме, рационализме, конкуренции и т. п.

Новое время требует новой модели. Борьба за эту модель и составляет суть хронополитики. В новом быстром и опасном мире нельзя оказаться позади в научной, образовательной, технологической и других гонках. Проигравший опоздает не на десятилетия, а на столетия и даже навсегда. В турбулентном мире важно не только находиться среди лидеров гонки за будущее, но и гарантировать жизнеспособность, выживаемость. Гонка за будущее —

это не стометровка. Соответственно, нельзя сломя голову, не заботясь об устойчивости, традициях и стабильности, бездумно копировать чужие инновации. В стремительном мире безоглядная увлечённость будущим столь же опасна, как и сосредоточенность исключительно на прошлом, стремление к архаизации. Необходим баланс. Только баланс может обеспечить поворот от потребляющего к производящему обществу, экономике и культуре.

Россия и глобальная нестабильность

Александр НАГОРНЫЙ,
*заместитель председателя
Изборского клуба:*

— Уважаемые коллеги! Темой очередной нашей дискуссии является крах однополярного мира Рах Амерісана, его причины, его текущая динамика и его вероятные последствия, в том числе — те «окна возможностей» и те «окна угроз», которые в ходе данного процесса возникают для нашей страны. Мы видим, что Россия снова является «врагом номер один» для «коллективного Запада», снова находится на «линии атаки», с которой она ушла

с гигантскими потерями для себя в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века. За прошедшую треть века конфигурация мировой политики претерпела кардинальные изменения. Если раньше противостояние касалось, прежде всего, линии СССР — США и носило, хотя бы внешне, идеологический характер конфликта двух общественно-политических систем, социалистической и капиталистической, то сейчас мы видим совсем иную картину. США, с 1990 года ставшие безусловным глобальным лидером, сегодня это лидерство теряют, что вы-

зывает и серьёзные внутренние трения, и растущие конфликты с их традиционными внешнеполитическими союзниками, и жёсткую конфронтационную политику в отношениях с Китаем и Россией. Всё это, на мой взгляд, у нас ещё недостаточно осмыслено и на государственном, и на общественном уровне, что создаёт дополнительные риски и внутри России, и за её пределами. Надеюсь, что этот круглый стол позволит всем нам хотя бы ненадолго лучше увидеть и понять суть происходящих процессов.

Шамиль СУЛТАНОВ,
*президент Центра
стратегических
исследований «Россия –
Исламский мир»:*

– На мой взгляд, мы сейчас вступаем в уникальный исторический период, когда в течение сравнительно короткого времени происходят очень глубокие, фундаментальные изменения. Политические процессы, наподобие краха однополярного мира во главе с США, – это всего лишь «рябь на воде». Опубликованный в конце прошлого года итоговый доклад Римского клуба, который некоторые считают одним из величайших интеллектуальных достижений XXI века, при всех его интересных частностях, повторяет тезисы Маркса и Энгельса 170-летней давности – о необходимости перехода к принципиально новым способам организации человеческих сообществ и человечества в целом.

Ровно сто лет назад закончилась Первая мировая война, которая была воспринята как итог и квинтэссенция развития индустриальной цивилизации. Шпенглер в 1921 году написал «Закат Европы» – своего рода «Капитал» XX века. По большому счёту, в период 1914–1945 гг. шла выработка и реализация различных путей преодоления кризиса системы классического капитализма и их столкновение между собой. Одним из путей был большевизм, вторым – различные вариации фашизма и национал-социализма, третьим – «новый курс» Рузвельта, с переходом, уже в 60-е годы, к неолиберальной глобализации.

Одной из главных причин, приведших к краху советского проекта, был как раз отказ – после смерти Сталина – от жёсткого разделения своего общества и всего мира на «своих» и «чужих» по идеологическому

признаку. Вопрос уже не стоял – «или–или»; после принятия XXII съездом КПСС в 1961 году новой программы партии и Карибского кризиса 1962 года он уже трансформировался в «и–и». Была провозглашена цель «догнать и перегнать Америку», «мирного сосуществования двух разных общественно-политических систем» и так далее, что шло уже против самой логики исторического развития. То есть мы тогда признали одну важную вещь: что Советский Союз является частью мировой, то есть по факту – западной цивилизации. Что мы находимся с ней в одном измерении, в одной системе координат.

Отсюда – конвергенция, усиление экономических и прочих связей с Западом, создание своей «зоны влияния» во всём мире, на что расходовались громадные средства – в ущерб собственному развитию, отказ от самодостаточности нашей экономики. Процесс конвергенции завершился в 1991 году, когда и Советский Союз, и весь лагерь социализма привёл в соответствие социально-экономическую базу с общественно-политической и идеологической надстройкой. Это могло показаться неожиданным только для тех, кто был неспособен мыслить в категориях причинно-следственных отношений. На самом деле советско-партийные «элиты» успешно конвертировали свою власть в собственность, но не утратили и саму власть. Нам не повезло только с тем, что сама западная система давно вошла в нисходящую фазу развития, средний реальный доход в её рамках достиг своего максимума в далёком 1959 году и не растёт вот уже почти 60 лет. Даже если учесть появление качественно нового спектра товаров и услуг: персональных компьютеров,

мобильной связи, транспорта, объёма доступной информации и т.п., – в других сферах нашей повседневной жизни потеряно не меньше – в качестве продовольствия и воды, образования, здравоохранения, в экологии, уровне социальных связей; этот список можно продолжать ещё долго.

После кризиса 2008–2009 годов вся эта система вступила в свою финальную стадию, мы наблюдаем её агонию. И трагедия, на мой взгляд, заключается в том, что никто не понимает, как эту агонию прекратить и что может быть дальше: нет ни идеологии, ни теории, ни даже сколько-нибудь приемлемого образа будущего, которое реализуется в условиях кризисного перехода к новому технологическому укладу. Мы на общечивилизационном уровне столкнулись с проявлением известной и основополагающей для математики теоремы Геделя, согласно которой ни одна система не может быть достаточно полно и точно описана, а её проблемы – решены в рамках самой этой системы, без выхода за её рамки. Но пределы экстенсивного расширения системы «глобального рынка» были достигнуты в 1992 году, потенциал их интенсивного использования был исчерпан уже через пятнадцать лет. Что дальше?

А дальше мы видим только безуспешные попытки удержаться на краю пропасти. На мой взгляд, что-то подобное можно было наблюдать в Римской империи полторы тысячи лет назад, когда там происходил переход от Древнего мира к Средним векам. Но тогда переходный период продолжался 250–300 лет, теперь же он, скорее всего, будет исчисляться считаными годами. Тем более налицо кризис целеполагания.

Заработать как можно больше — зачем? Больше узнать о себе и окружающем мире — зачем? Жить как можно дольше — зачем? Религии давно отодвинуты на второй план, а роль глобальной религии всех времён и народов призвана исполнять наука, которая одновременно исполняет и магическую, и мифологическую функции.

При этом наука создаёт столько угроз такого характера, которые она неспособна не только устранить, но даже определить. Например, каждый год создаётся около тысячи новых химических веществ, которые попадают в пищу. Каждый год миллиарды людей съедают миллионы тонн генно-модифицированных организмов, хотя «горизонтальный перенос» генов ещё никто не отменял. К чему приведёт вал мутаций на протяжении хотя бы двух-трёх поколений, то есть 50–75 лет? А системы искусственного интеллекта? А создание систем оружия на новых физических принципах? Я хочу сказать, что наша «научная» цивилизация сегодня создаёт такую гигантскую неопределённость для самой себя, которую в принципе не может разрешить. И чем больше у нас дискретных знаний, тем меньше понимания того, как их увязать между собой. Это касается и теоретической физики, и биологии, и информатики, и политики, и чего угодно ещё.

Владимир ОВЧИНСКИЙ,

доктор юридических наук:

— А произойдёт ли технологическая революция в масштабах всего человечества? Или всё это — миф? У меня такое впечатление, что наша цивилизация завязла в очередном витке непрерывных конфликтов. Похоже всё-таки, что большой войны не будет, а договорённости

между государствами будут достигаться и без войны. При этом ни в Америке, ни в России никаких предпосылок для перехода к новому технологическому укладу нет. Такой переход возможен и уже виден в Китае, в Японии, в Сингапуре, в Южной Корее, возможно — на Тайване, то есть там, где вся экономика переведена на стратегическую плановую основу. Социалистическое планирование — это и есть нормальное планирование XXI века, без которого никакая технологическая революция нигде невозможна. У нас в стране такого уровня стратегического планирования не существует, о нём никто не думает, социально-экономическая сфера — это вообще зона либерального хаоса, в мутной воде которого идёт почти промышленный по своим масштабам и абсолютно бесконтрольный вылов «золотых рыбок».

Стратегическое планирование невозможно без понимания законов общественного развития и без использования новых технологий, таких как анализ больших данных, нейросети, квантовые эффекты. Но для них нужно место, нужно время, а самое главное — информационное «топливо» нужного качества. С тем, что сегодня даёт наше правительство в виде статистической и прочей информации, никуда доехать невозможно. Один из героев кинокомедии «Джентльмены удачи», если помните, был осуждён за то, что бензин разбавлял. Так вот, теперь то же самое на всех уровнях нашей «властной вертикали» происходит с информацией — везде фальшивые данные. Отсюда и пенсионная реформа, и рост цен, и невозможность нормальной работы. Какая у нас в стране на самом деле численность населения, какая на самом деле продолжительность жизни,

какой на самом деле уровень преступности? Чего ни коснись — достоверных данных нет, опираться не на что.

В результате, если всё продолжать в таком же духе и без стратегического планирования, Россия очень быстро может стать маргинальным государством — даже независимо от того, какие у нас ракеты, какая идеология, какой величины госаппарат и кто является президентом.

Юрий ТАВРОВСКИЙ,

*востоковед,
профессор РУДН:*

— Сегодня единственная большая страна, которая имеет стратегическое планирование, — это Китайская Народная Республика, чьи действия определены до 2049 года и детализированы до 2035 года. В данной сфере у Пекина конкурентов на современной политической карте мира нет. И то, что происходит в его отношениях с Вашингтоном, — это не торговая война как таковая, а попытка США сдержать «красного дракона», пока у них, как им представляется, ещё есть такая возможность.

На мой взгляд, американцы рассматривают Китай не как экономического или политического конкурента, а как экзистенциального противника — почти такого же, как Россия. Что и было зафиксировано в их новой стратегии национальной безопасности. Потому что речь идёт не только о сотнях миллиардов долларов ежегодного торгового дефицита и более чем триллионном долге США перед КНР — речь идёт об альтернативной модели развития, о том самом «социализме с китайской спецификой», который является настолько эффективным инструментом в руках КПК и председателя КНР Си Цзиньпина, что темпы роста ки-

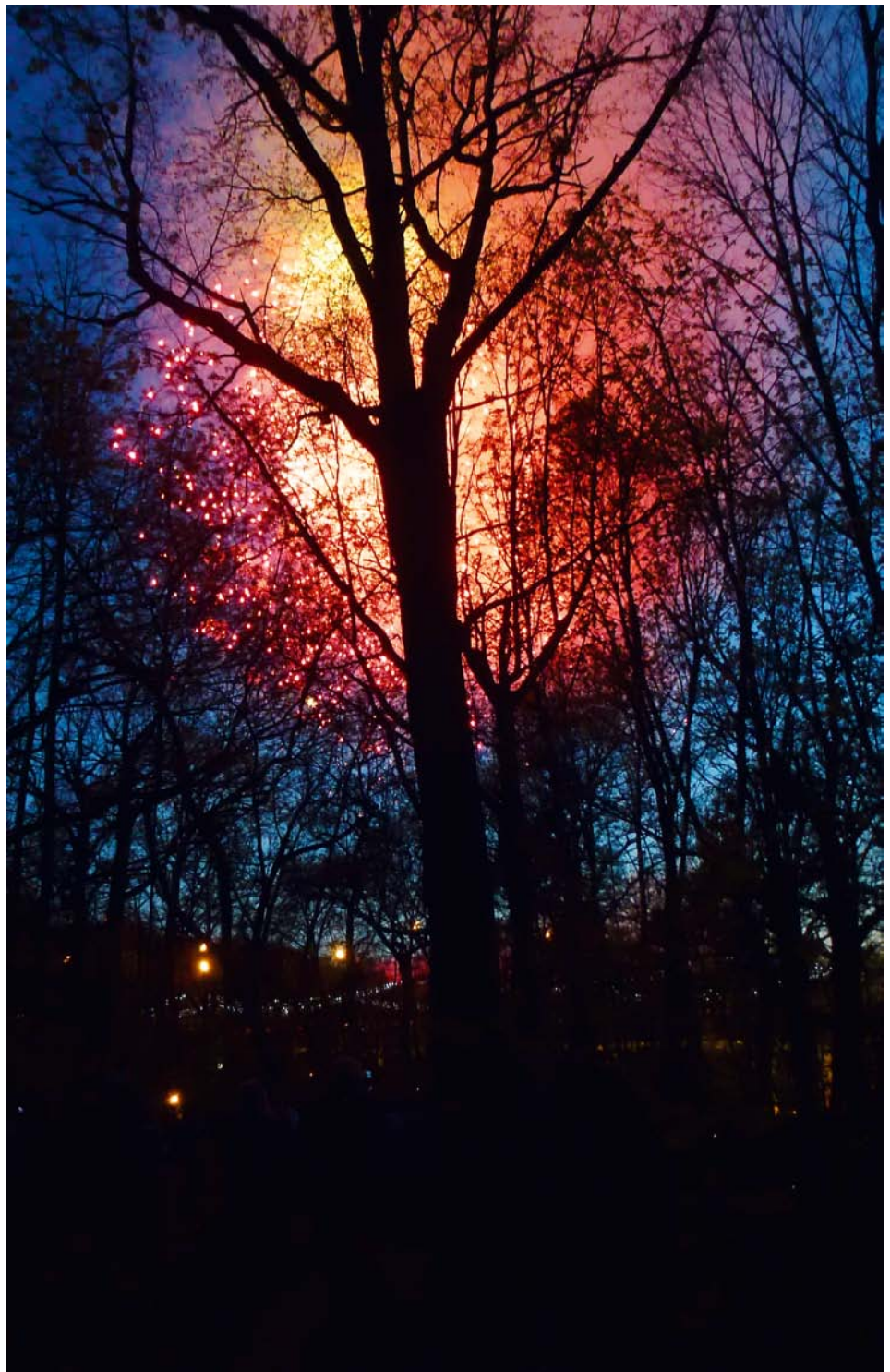

тайской экономики каждый год оказываются минимум в 2–3 раза выше среднемировых.

Америка начала политику сдерживания Китая с 2009 года – после того, как тогдашний лидер КНР Ху Цзиньтао отверг предложение Барака Обамы создать Chimerica, или «G-2», то есть совместно доминировать в мире, но со старшинством США. Потом был провозглашённый Хиллари Клинтон «поворот к Азии» с попыткой создать Транстихоокеанское инвестиционное партнёрство без участия Пекина. Теперь вот, с приходом к власти Дональда Трампа, началась торговая война Америки против Китая. И введение ограничительных пошлин на китайский импорт – только начало. Возможны и удары в сфере финансов, и военные угрозы, и что угодно ещё.

В Пекине, видимо, поняли, что идти на уступки Вашингтону с целью сохранения доступа на американский рынок больше не стоит, и приняли соответствующее решение. Потому что Си Цзиньпин прилетал к Трампу во Флориду, все договорённости, достигнутые там, были разорваны; Трамп был с визитом в КНР, его встречали как мессию, подписали контрактов на 200 млрд долл. – ничего не помогло: пошлины, торговая война в полном масштабе. Ясно, что конфронтация между Пекином и Вашингтоном будет нарастать, поэтому Китай в ответ на враждебные действия США – сосредоточивается.

Одним из важнейших элементов такого сосредоточения является развитие социализма в Китае. Речь идёт не об идеологии, а прежде всего – об экономике. Поскольку американцы хотят отсечь китайские товары и услуги не только от своего, но и, по максимуму, – от мирового рынка, то китайцы активно расширяют внутренний рынок.

Согласно расчётам американских экономистов, численность населения КНР, которое по своему уровню жизни будет относиться к среднему классу уже к 2030 году, достигнет 800 миллионов человек, то есть больше половины населения страны. Параллельно происходит

«отстройка» от зоны доллара и формирование зоны юаня, в том числе через проект «Зоны Шёлкового пути», откуда Китай намерен черпать ресурсы и куда продавать продукцию.

Впрочем, про идеологию тоже не забывают. Сейчас в КНР активно внедряют формулу, со-

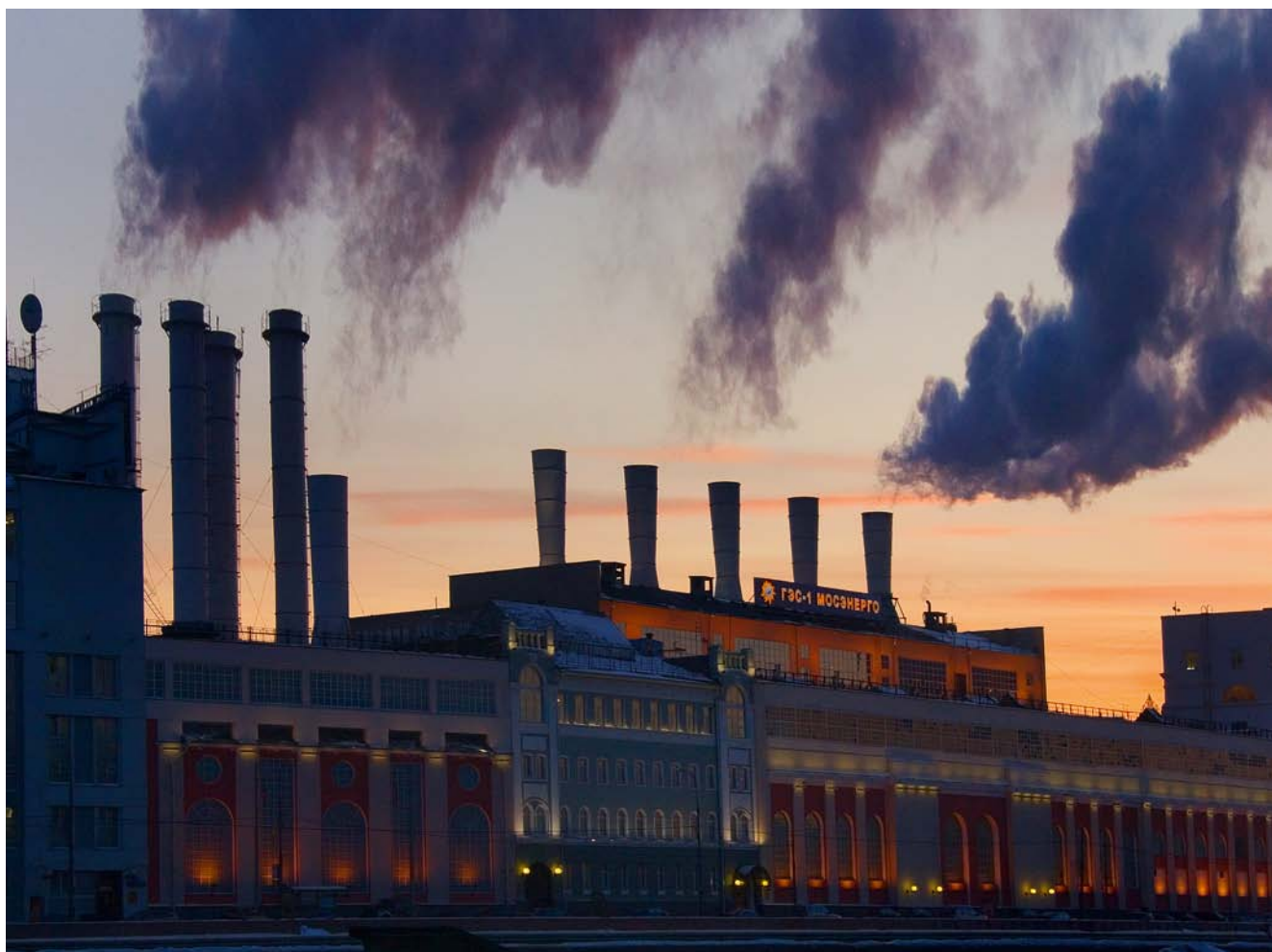
гласно которой любовь к КПК является неотъемлемой частью китайского патриотизма. Недавно даже монахи Шаолиня провели публичное шествие с государственным красным флагом, чего никогда раньше не было. А главное, повторюсь, это — стратегическое планирование, от которого китайские власти никогда не отказывались. Они имеют в этом деле уже 65-летний успешный опыт.

Россия для Китая важна с точки зрения стратегического взаимодействия — как союзник против США, а также как транзитная территория в Европу и на Ближний Восток, как источник сырья и некоторых технологий — отчасти (но только отчасти, потому что покупательная способность у нас низкая — как рынок сбыта).

Андрей ОСТРОВСКИЙ,
доктор экономических наук,
заместитель директора
Института Дальнего
Востока РАН:

— В 2017 году ВВП Китая достиг отметки 82,7 трлн юаней, что по обменному курсу соответствует 13–14 трлн долл., а по паритету покупательной способности — больше 23 трлн долл. Не знаю, что будет в этом году, но, наверное, свои традиционные 7% роста КНР возьмёт, ещё сильнее укрепившись в статусе «экономики номер один» и «мастерской мира». А как это сказывается на вооружённых силах? Наши данные показывают, что новые образцы китайской военной техники вполне сопоставимы с действующими американскими. То есть если США не удастся сделать рывок

в ближайшие 5–7 лет, то Китай достигнет паритета с американской армией. Тем более что по темпам роста роботизации национальной экономики КНР сейчас занимает первое место в мире, учёные со всего мира, включая Америку и Европу, толпами уезжают работать и жить в Поднебесную, и если там финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) поднимут с нынешних 1,1% ВВП хотя бы до 1,5%, как планируется, Народно-Освободительная армия Китая (НОАК) в перспективе ближайших 10–15 лет может стать доминирующей глобальной силой. И это будет не «конец однополярного мира», о котором мы говорим, а новый однополярный мир — только не Pax Americana, а Pax

China. И данную перспективу ни в коем случае нельзя упускать из виду. Тем более что китайцы постоянно работают с опережением: например, 80 млрд юаней ВВП были индикативным показателем для 2020 года. И он уже преодолен в 2017 году. Могут возразить, что всё это «приписки», только вся проблема в том, что КНР — не Советский Союз, там предприятия не получают премий за «вал», а, наоборот, заинтересованы снижать официальные показатели своих оборотов и прибыли, чтобы платить меньше налогов. При этом создаётся такое впечатление, что в российской «властной вертикали» Китай серьёзно недооценивают — не на словах, а на деле. И одной из наших задач я считаю преодоление такой недооценки.

Валентин ИГНАТЬЕВ,
доктор экономических наук, председатель подкомитета по экономической безопасности Торгово-промышленной палаты РФ:

— Китай в научно-техническом отношении продолжает критически зависеть от США и Запада в целом. В энергетике, например, всё, что делается в КНР, принадлежит американским корпорациям. США в рамках информационных технологий далеко впереди не только Китая, но и планеты всей. Китайский «управляющий класс» в целом не учится и не отдыхает на родине. Он действительно американизирован, англоязычен. КПК для него — это параллельная вселенная, с которой он пересекается разве что по коррупционным делам.

Что касается санкций... Реально никаких санкций до августа нынешнего года против России введено не было. И сейчас санкции касаются только

продукции двойного назначения, если их поставляют в РФ из третьих стран. Всё импортозамещение — следствие российских контрсанкций, которые были введены под предлогом санкционного режима Запада. Если этот принцип будет распространён на нефтегазовую отрасль — мы очень сильно пострадаем, поскольку себестоимость добычи углеводородных энергоносителей в России резко вырастет, а для всех других производителей «чёрного» и «голубого золота» останется без изменений.

Алексей ПОДБЕРЁЗКИН,
доктор исторических наук, профессор МГИМО:

— С какой бы стороны мы сегодня ни смотрели на ситуацию: военно-политической, финансово-экономической, информационно-идеологической обстановки, — главная беда и проблема заключается в том, что не видно, «куда нам плыть». С момента высшего пика нашей страны, который пришёлся на 1989 год, идёт резкий обвал, а потом, после 1998 года, — очень медленный, неравномерный и непоследовательный рост. Только сейчас, спустя 29 лет, мы вернулись — и то лишь «в целом», совершенно при иной структуре распределения национального дохода, при вопиющем социальном неравенстве, — на уровень 1989 года, а всё это время другие страны мира: не только Китай (рост, по-моему, в 12 раз) или Америка (рост в 3,4 раза), с которыми Россия всё ещё пытается быть «на равных», но и многие другие, — не стояли на месте и ушли далеко вперёд. При этом у нас оказались угрожены целые отрасли производства, включая машиностроение (особенно станкостроение), производство электроники, автомобилей, шарикоподшипников, фармакологию, — тут список

на несколько десятков страниц. Поэтому, я считаю, нам сделали сумасшедший подарок в виде санкций и связанной с ними необходимости импортозамещения, что привело к оживлению очень многих отраслей и технологических цепочек, до того пребывавших в состоянии анабиоза.

Кстати, когда в 1985 году к власти пришёл Горбачёв, то изменилась вся система приоритетов. Готовился большой Пленум ЦК КПСС, на котором должны были обсудить и принять программу опережающего научно-технического развития Советского Союза. Мне довелось ознакомиться с некоторыми материалами, подготовленными для этого пленума, которые были датированы апрелем 1985 года. И по этим материалам очень хорошо видны наши потери. Причём всё это продолжается и сейчас. Про Китай уже сказали, что у него темпы роста по 7% ВВП ежегодно. Думаю, в этом году получится меньше, но всё равно не ниже 6%. Индийцы, про которых у нас предпочитают молчать, Россию уже давно обогнали, прогнозируя у себя на 2018 год 7–7,5% роста (при 9,5 трлн долл. ВВП в прошлом году). Трамп, сколько бы над ним ни смеялись, свои 4% тоже даст. А что у нас? Ожидают не больше 2% роста, и то — если никаких форс-мажоров, включая новые санкции, не случится. Это — при мировых ценах на нефть почти вдвое выше цифры, заложенной в бюджет!..

Неудивительно, что одним из характерных качеств российских властных «верхов» является полная неспособность к адекватным оценкам и прогнозам развития ситуации. Всякий раз зима приходит неожиданно, а спиленным оказывается тот сук, на котором эта самая власть сидит. При каком-то необъяснимом фанфаронстве и шапкоза-

кидательстве с её стороны. Хотя мы, со своими 2% от мирового ВВП, сейчас противостоям коалиции США и их союзников с 50%, а то и 60%, то есть в 25–30 раз более мощному противнику. Трамп эту коалицию вовсе не уничтожает — он её переформатирует так, как удобно Америке. «Коллективный Запад» — это полтора миллиарда человек, Китай — это полтора миллиарда человек, исламский мир — больше миллиарда человек, Индия — это больше миллиарда человек. Вот кому мы противостоям, каким «центрам силы». Технологии у нас не развиваются, наши оборонные расходы — это расходы Саудовской Аравии или Индии, примерно на таком уровне. Новейшие образцы военной техники, о которых говорится «из каждого утюга», существуют в единичных экземплярах и в случае конфликта на его исход, по большому счёту, повлиять не в состоянии.

Даже по экспертному обещанию государственной и корпоративной деятельности Россия находится примерно на уровне Мексики, мы в 3 раза уступаем той же Индии, и в 30 раз — США. Rand Corporation в 2000 сотрудников каждый год делают прогноз относительно последствий полномасштабного ядерного конфликта с Россией. Последняя оценка американских потерь — 30% ВВП и 10% населения. Пока эти потери оцениваются как неприемлемые. Но они считают это постоянно, и как только — так сразу. То же самое — по любому экономическому, финансовому, политическому вопросу. Коалиция по Ближнему Востоку из 60 с лишним государств мира во главе с США не просто так сформировалась, правда? Надо ли удивляться, что деньги из отечественной экономики —

ежегодно это сотни миллиардов долларов — выводятся в офшоры? И мы их здесь, в России, не видим и никогда не увидим, судя по всему. Так что перспектива «отстать навсегда» для нас почти стопроцентна, потому что разговоры о необходимости «технологического рывка» начинаются перед каждыми выборами, то есть каждые два-три года, я их слышу уже лет тридцать, но воз и ныне там. Как говорил один известный сатирик, может, что-то пора менять в самой «консерватории»?

Леонид ИВАШОВ,
*генерал-полковник,
президент Академии
геополитических проблем:*

— Давайте скажем прямо, что сейчас вопрос стоит о самом существовании России. Не первый раз в отечественной истории, но, будем надеяться, и не последний. Прежде всего, надо понять, что происходит на глобальном уровне. Геополитики фиксируют, что структура мироустройства, основанная на примате национальных государств как субъектов глобальной политики, завершилась. Государства сегодня таковыми не являются. А кто же сегодня главные субъекты мировой политики? При существовании СССР и мировой системы социализма государства необходимо доминировали над транснациональными корпорациями (ТНК), а те как политические субъекты ещё не сформировались, делегируя государствам защиту своих интересов и решение возникающих в связи с этим проблем.

Но после разрушения СССР и мира социализма произошли фундаментальные изменения ролей ТНК и традиционных государств. И сегодня государства, включая США, являются подчинёнными, подконтрольными ТНК военно-политическими

структурами. И приход к власти в Америке Дональда Трампа — это как раз попытка пересмотреть данный формат отношений снова в пользу государства. То же самое происходит сейчас во всём мире. И Россия — особенно после прихода к власти Путина — трансформировалась из традиционного государства, подчинённого интересам ТНК, в государство-корпорацию. Именно эта трансформация вызывает такое недовольство и противодействие со стороны глобальных негосударственных корпораций. С мая этого года мы наблюдаем попытки обратно трансформировать Россию из государства-корпорации в корпорацию-государство: наступление на все государственные институты и подчинение всех государственных и общественных интересов интересам крупного капитала.

Сегодня наша армия и другие силовые структуры защищают — в той же Сирии, например, но готовятся делать это и внутри страны, — не интересы России, а интересы российских корпораций, которые, по гамбургскому счёту, более чем наполовину принадлежат уже частному и иностранному капиталу.

Сегодня конфликты идут по нескольким главным осям противостояния. Первая из них — ось «Запад — не-Запад». Внутри «Запада» при этом разгорается борьба финансового капитала с производственным капиталом, что наиболее хорошо видно на примере США. Вторая ось «капитализм — социализм». Её существование обычно отрицают или не считают важным: мол, капитализм уже давно победил, но на самом деле этот конфликт продолжается, и капитализм не выглядит в нём ни победителем, ни даже фаворитом. Об этом свидетельствует не только смена фронта тем же Римским клубом,

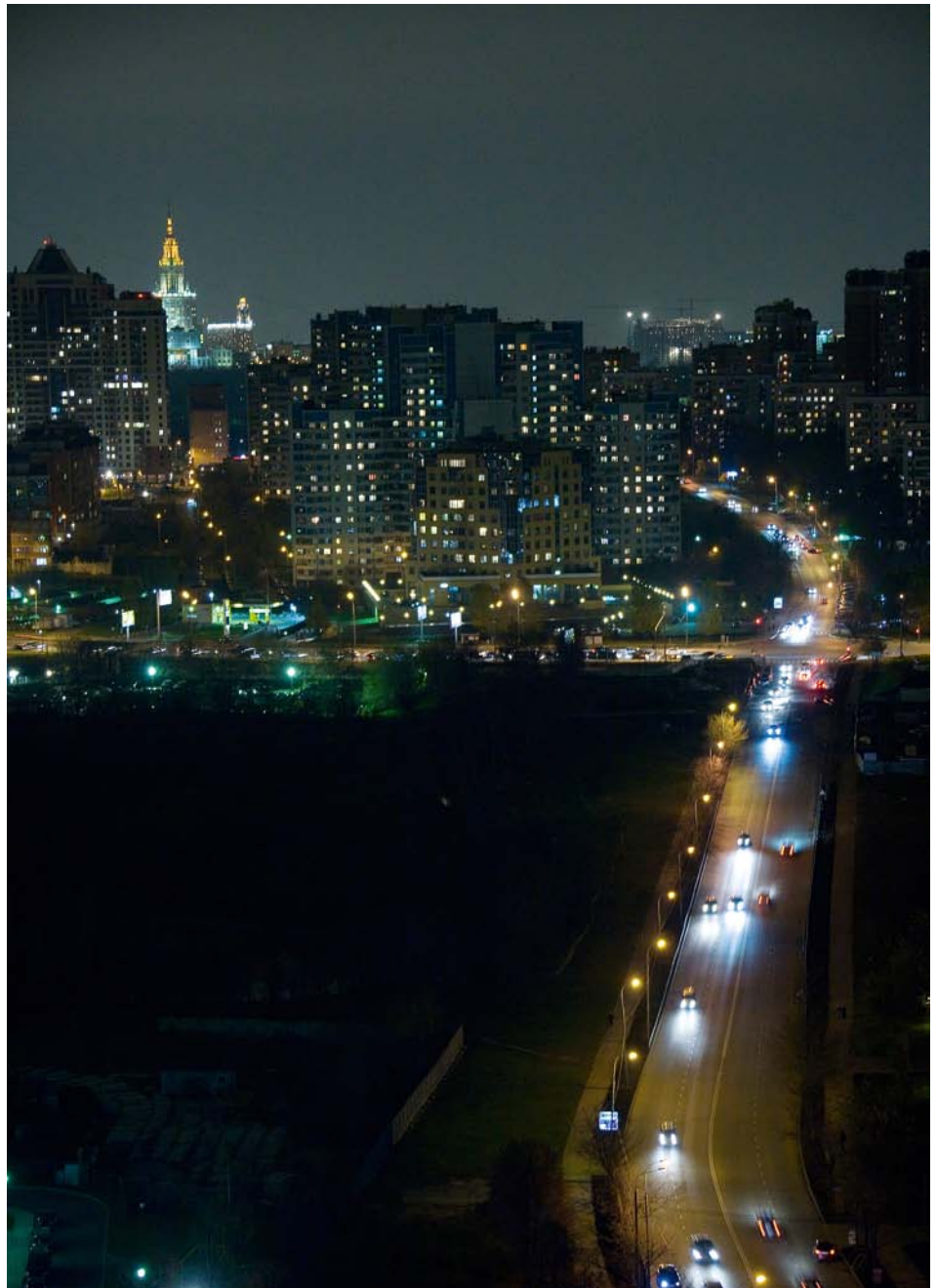

но и уже идущий системный кризис нынешней глобальной экономики, из которого, по большому счёту, есть только два пути: или к социализму, или к новому рабовладельческому строю, с гибелью миллиардов людей и деградацией всей общественной структуры.

Как позиционируется наша страна в этой системе координат? Россия с конца 80-х годов прошлого века хотела стать частью Запада, но туда её не пустили, а сегодня хотят выбросить окончательно. Россия продолжает оставаться в основном сырьевой экономикой, а её рубль — зависимой от доллара счётной единицей. То есть мы находимся в самом низу глобальной системы производственного капитала. И вдобавок мы официально живём без идеологии. Между тем и пенсионная реформа, и уровень оплаты труда, и разрыв между уровнем жизни «верхов» и «низов», и отказ от предоставления гражданам РФ доступа к природной ренте показывают, что у нас ультракапиталистическое, олигархическое государство.

Да, у нас не до конца демонтированы высокотехнологичные производства, особенно в «оборонке» и энергетике, есть какие-то остатки систем образования и здравоохранения, но Россия — единственное из крупных современных государств, которое за последние полвека почти полностью изменило главный вектор своего цивилизационного развития. Это — самоубийство. Сегодня у нас нет союзников и быть по определению не может. Откуда появятся союзники у того, кто решил на самоубийство?

Даже с Китаем всё не так просто. Насколько мне известно, на XIX съезде КПК: и в речах лидеров, и в принятых документах, — постоянно проводится

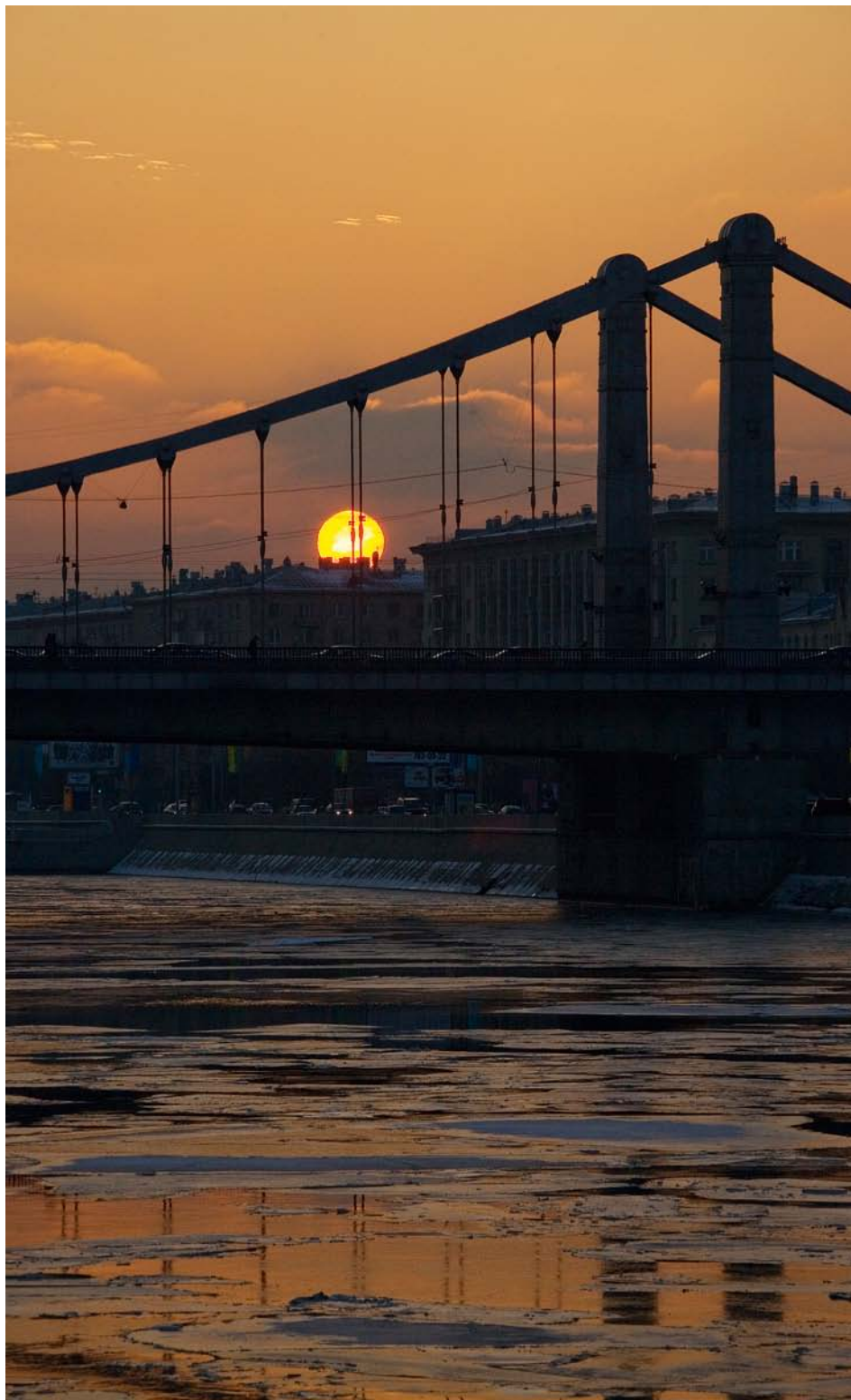

мысль о том, что капиталистические страны являются противниками китайских коммунистов. И если Россия не сменит вектор движения на социалистический, наша страна окажется врагом КНР. Алексей Иванович правильно сказал про текущее состояние российской армии. Оно, мягко говоря, не идеальное. К тому же её кадровый состав — это и всё, что у нас есть. Мобилизационные возможности практически отсутствуют, а современные войны

кадровой армией не выигрываются. Тем более за привилегии олигархов и чиновников армия всерьёз сражаться не будет.

Александр АЙВАЗОВ,
директор Центра международных исследований экономических циклов

Дж. Арриги и Н. Кондратьева:
— С легкой руки ряда присутствующих здесь коллег стало весьма распространённым мне-

ние о том, что сегодня всего три страны (Россия, Китай и США) выступают в качестве великих держав, образующих «глобальный треугольник», и только вокруг них будет строиться мир XXI века. В таком случае спра-

шивается, о каком многополярном мире мы можем вести речь? И второй вопрос: насколько верна сама эта концепция?

Мир сегодня переживает кризисный переход с V на VI технологический уклад и за-

стал в состоянии неустойчивого равновесия. Технологии VI ТУ в основном уже разработаны и используются – нет только массового притока инвестиций в новые отрасли и производства, поскольку глобальный финансовый капитал «занят» спекуляциями на финансовых рынках. И только когда «пузыри» на этих рынках лопнут, другого выхода, кроме развития нового ТУ, не останется. То же самое происходило и в период Великой депрессии, и в 1970–1980-е годы.

Кто здесь будет лидером? Сегодня на первом месте по развитию технологий VI ТУ находятся США, второе место занимает Япония, третье – Южная Корея, и только за ними идет КНР. Правда, китайцы очень быстро догоняют передовые страны, чего не скажешь про нашу страну. Мы находимся далеко в конце этого списка, так как технологии VI ТУ не востребованы российской экономикой. Поэтому лучшие учёные, математики, программисты и инженеры уезжают в другие страны, где их достижения оказываются востребованы той самой новой цифровой экономикой.

Мы всегда повторяем старые ошибки – вспомните лесковского Левшу. Так, Российская империя «проспала» формирование первых трёх ТУ, что стоило ей сначала Венского мира, потом – поражений 1856 и 1905 годов, а в конце концов – и краха в ходе Первой мировой войны. Только сталинская индустриализация помогла нам своевременно освоить IV ТУ, сделав Советский Союз одним из лидеров научно-технического развития в середине XX века. Но V ТУ СССР снова «проспал», что стало одной из причин его краха.

И я не вижу никаких перспектив при переходе к VI ТУ.

Согласно расчётам А. Мэддисона, к 2030 году мировую экономику будут возглавлять четыре «центра силы»: это Китай, Северная Америка (США–Канада–Мексика), Европа и Индия, к которым могут присоединиться и страны Латинской Америки, если им удастся объединиться в экономический союз по типу ЕС или ЕАЭС.

Что же касается России, то её доля в 2,8% мирового валового продукта – слишком мизерная величина, чтобы составить конкуренцию Китаю или другим лидерам экономического развития, даже в рамках ЕАЭС. Более того, сейчас в РФ уровень неравенства выше, чем он был перед революциями 1917 года. То есть наша страна объективно стоит перед лицом новой революции, а её шансы стать одним из полюсов нового многополярного мира всё быстрее стремятся к нулю. Отсюда – попытка решить внутренние проблемы за счёт активной внешней политики.

Если применять цивилизационный подход С. Хантингтона, то русская цивилизация (примерно 200 млн человек) ничтожно мала по сравнению с обозначенными выше доминантами. В таком же положении находятся тюркская (примерно 160 млн человек) и японская (125 млн человек) цивилизации. Вот их объединение могло бы дать нам совместный шанс на выживание и развитие.

Именно в этом направлении проводит свою политику в последнее время президент В.В. Путин, налаживая тесные дружеские контакты с Турцией и Японией, в том числе – и личностные с руководителями этих стран. Такой цивилизационный союз объединил бы население в полмиллиарда человек и стал бы равновеликим другим цивилизациям.

Ростислав ИЩЕНКО,
президент Центра системного анализа и прогнозирования:

– Мне кажется, что единственная позиция, которая объединяет участников этой дискуссии, – недовольство российской властью. От премьер-министра и главы Центробанка до МИДа и Минобороны. При этом говорить, что Россия маргинализована, что она не имеет веса на мировой арене и ссылаться на номинальный ВВП, который составляет примерно 7,8% от американского, – мне кажется, не совсем верно. Российское государство сегодня эклектично, но за этой видимой эклектикой, которая обращается одновременно и к России 90-х годов, и к Советскому Союзу, и к Российской империи, и к Древней Руси, стоит та самая идеология объединения отечественной истории, вне которой общество и государство являются деревом без корней. Достаточно посмотреть на систему российских государственных наград, чтобы увидеть в ней именно эту идеологию. Кроме того, подобная эклектичность делает современную Россию достаточно пластичной и позволяет выдерживать такие удары, которые для более жёсткой структуры, возможно, оказались бы разрушительными.

Насчёт отсутствия идеологии. Это очень распространённый и, на мой взгляд, абсолютно не соответствующий действительности тезис. Вот *Rex Americana* – это идеология или нет? Конечно, это не идеология. Это идея, идеал американского господства, для достижения и обеспечения которого в США использовались в разное время разные идеологии. Корни *Rex Americana* – в идее *Rex Romana*. А что такое *Rex Romana*, «Римский мир»? «Римский мир» – это терри-

ским языком, римским правом и римскими дорогами. Последнее – самое важное, поскольку имевшейся у Рима скорости передачи информации на его бывших территориях, ставших Европой, снова удалось достичь только в XVIII веке, после чего этот процесс пошёл взрывным порядком. И все наши так называемые кризисы, все смены общественно-экономических формаций в первую очередь связаны с ускорением передачи информации.

В течение всей истории задачи подгонки тех или иных человеческих сообществ под новые параметры передачи информации в конце концов при всех издержках успешно решались. Почему же сейчас мы говорим о глобальном системном кризисе, из которого не видно выхода? Потому что скорость передачи информации достигла таких пределов, за которыми ею не могут адекватно оперировать даже самые подготовленные представители вида *homo sapiens*, не говоря уже об их сообществах (государственных, корпоративных и т.д.), поскольку скорость эскадры определяется скоростью самого тихоходного её корабля. А перекладывать всё это: анализ информации, оценку ситуации (синтез) и выработку решений (прогноз), – на нейросети, искусственный интеллект и прочий компьютерный «софт» и «хард» – это сфера непредсказуемых по сути рисков, связанных с реальной системой ценностей и целей. Кто ставит большие потоки информации под контроль и лучше приспособливает их к своим потребностям – тот, по сути, выигрывает будущее у конкурентов. А не тот, у кого сейчас ВВП больше. В XVI–XVII веках у Китая была экономика, составлявшая, по разным оценкам, 60–70% общемировой. Помогло ли это ему противо-

стоять экспансии европейских государств? Не прошло и ста лет, как всё изменилось с точностью до наоборот.

Я не знаю и не могу утверждать, почему так происходит, но по всем показателям нынешняя система управления в России оказывается более чем конкурентоспособна на общемировом уровне. В противном случае – пример той же Украины у всех на глазах... Это не значит, что так будет всегда, но пока это так, и есть «золотое правило» управления: если что-то работает – не трогай. Тем более если не понимаешь, как и почему это работает. Значит, надо, во-первых, разбираться с тем, как всё работает, чтобы понимать, где, когда и как нужно будет вносить изменения, а во-вторых – не гадать о том, кто кого «задушит»: Китай Америку или Америка Китай, – нужно развиваться самой России. И развиваться, прежде всего, в направлении работы с недостаточной, неполной или, наоборот, избыточной информацией.

Владимир ВИННИКОВ, *культуролог:*

– Как говорят наши уважаемые английские «партнёры», «бокс – это обмен знаниями при помощи жестов». Очень хорошее определение, которое полностью соответствует их пониманию сути и смысла не только бокса, но и любых коммуникативных актов, любого их комплекса. Поэтому я весьма признателен Ростиславу Владимировичу за то, что он коснулся этой темы, уделив такое внимание проблеме не только скорости передачи информации, но также ценностей и целей, которые структурируют и направляют процесс такой передачи. Согласно известному афоризму Сенеки, для корабля, не знающего, куда ему плыть, ни один ветер не будет попут-

ным. И Пушкин в гениальной «Осени» обрывает это своё стихотворение такой фразой:

*Громада двинулась и рассекает волны.
Плывёт. Куда ж нам плыть?..*

Нынешний системный цивилизационный кризис, на мой взгляд, сопоставимый даже не с закатом Древнего Рима и последующими «тёмными веками» будущей Европы, а с «неолитической революцией», которая произошла примерно 12 тысяч лет назад, вызван сменой всей системы координат человеческого бытия и взаимодействия с миром. Эту смену координат можно, по аналогии с «неолитической революцией», назвать революцией ноолитической. В том, что она уже началась и набирает ход, нет никаких сомнений. Точно так же нет никаких сомнений в том, что прежние цивилизационные формы не выдержат новых нагрузок и будут разрушены. Прежде всего это касается власти и собственности.

А раз так, нам придётся выходить за пределы той «матрицы», в которой все мы так или иначе существуем на протяжении минимум пятисот поколений. Казалось бы, пятьсот – не бог весть какая большая цифра, но мысленно проделайте небольшую математическую операцию: возведите самих себя в такую степень, – и вы поймёте, с чем имеете дело.

Отсюда возникает необходимость детального изучения структуры, пространства и времени коммуникативных актов: от элементарного до комплексных, в том числе – по поводу пресловутых власти и собственности. Чем лучше мы будем знать и уметь использовать эти закономерности, тем выше окажется вероятность нашего дальнейшего бытия как единой и целостной коммуникативной системы:

общества, государства, народа, человечества и так далее. Скорость и объём передаваемой посредством коммуникативных актов информации сами по себе не настолько важны, как её правильное и точное использование. Согласно другой максиме того же Сенеки, даже ковьялющий по верной дороге всегда опередит бегущего, который сбился с пути. В 20-х годах прошлого века писатель Алексей Николаевич Толстой, находясь в эмиграции, сделал литературную обработку русской народной сказки «Теремок». Надеюсь, все её хорошо знают и помнят: мышка-норушка увидела на лесной поляне невесту откуда взявшийся там теремок и стала в нём жить. Потом уже к ней (вот они, отношения власти и собственности!) в теремок просятся: лягушка-квакушка, зайчик-побегайчик, лисичка-сестричка, волчок-серый бочок и, наконец, медведь, который в теремке не помещается и его разрушает. В обработке Алексея Николаевича на том и сказке конец, а кто слушал – молодец. В исходном же фольклорном варианте всё иначе – медведь и другие герои сказки строят теремок «больше и лучше прежнего». Как показал исторический опыт, такое народное понимание революции оказалось ближе к истине, чем понимание графа Толстого, который, кстати, вернувшись в Советскую Россию, не словом, а делом признал свою неправоту.

Что же касается отмеченной в ходе нашей дискуссии «слабости» России перед лицом «коллективного Запада» и других «центров силы» современного мира, то должен ещё раз отметить, что взаимодействие подобных сложных систем носит не только информационный, но также деформационный и трансформационный характер,

и в каждом из этих «пространств взаимодействия» решающую роль играет возможность, условно говоря, перевода «связанной» потенциальной энергии системы в «свободную» кинетическую, а по этому параметру наша коммуникативная общность вовсе не настолько безнадежна, как это может показаться при сравнении по сугубо экономическим параметрам. Наконец, мы не находимся в ситуации «один против всех» — наоборот, текущее развитие событий создаёт для России вполне приемлемую «экологическую нишу», которая, судя по всему, в обозримой перспективе вряд ли будет ухудшаться.

Александр НАГОРНЫЙ:

— Уважаемые коллеги! Благодарю всех за глубокие, содержательные и взаимоуважительные

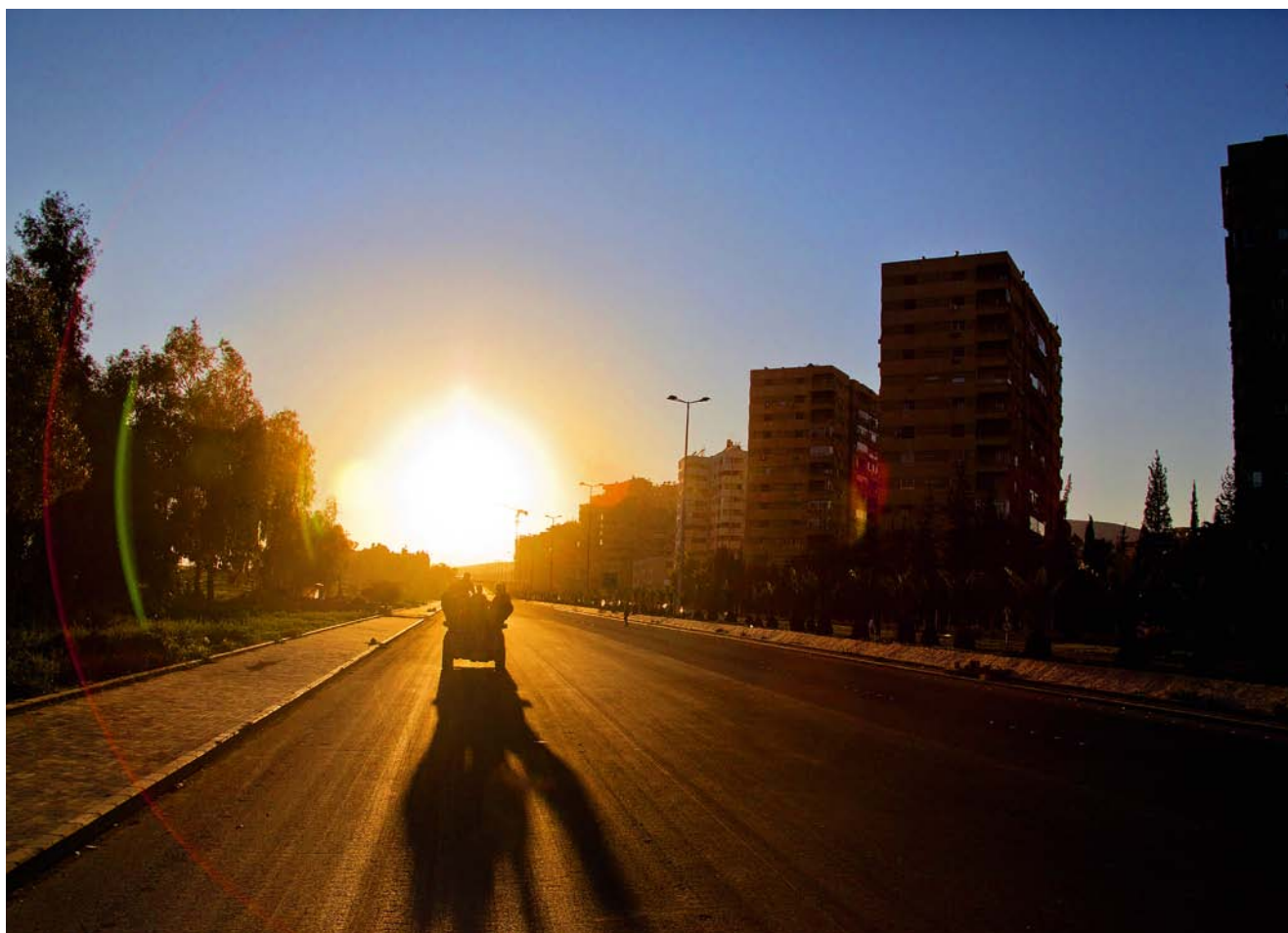
выступления. Подводя итог состоявшейся дискуссии, отмечу следующие ключевые — во всяком случае, для меня — моменты.

Во-первых, США как доминирующая глобальная сила по-прежнему превосходят КНР минимум на порядок. Не говоря уже про нашу страну.

Во-вторых, сегодня единственный шанс Китая и России выдержать растущее давление США — стоять, как выразился однажды Си Цзиньпин, плечом к плечу. Следовательно, Китай — тот рычаг, при помощи которого мы можем варьировать ситуацию и обеспечивать собственную безопасность, одновременно обеспечивая безопасность Китая и мировую стабильность, что лишнее раз подчеркивают крупнейшие, с участием китайской и монгольской армий, военные уче-

ния «Восток-2018», проведение которых совпало со временем работы Дальневосточного экономического форума.

В-третьих, и об этом мы говорим всё время, необходима целевая, системная трансформация всей модели социального, экономического и политического — не скажу «развития», потому что в её рамках «развитие» как таковое невозможно, но скажу «существования» — Российской Федерации, с учётом советского и китайского опыта. При этом главное внимание должно уделяться не добыче нефти и газа, а развитию человеческого потенциала российского общества, потому что иных ресурсов, позволяющих пережить уже идущий глобальный системный кризис, со всеми его рисками, включая военные, у нас нет.

/ Владимир ИВАНОВ, Георгий МАЛИНЕЦКИЙ /

От НТР – к ГТР

Что такое гуманитарно-техническая революция?

В настоящее время появилось очень много научных исследований, научно-популярных статей и книг, посвящённых будущему. Это не случайно.

Во-первых, это отвечает нашим чаяниям — хочется понять, что ожидает наших детей и внуков, к чему их стоит подготовить, от чего уберечь, где «подстелить соломки». О том же в незапамятные времена говорил Блаженный Августин, полагавший, что прошлое миновало, настоящее эфемерно и беспокоиться следует только о будущем.

Во-вторых, наша цивилизация находится в точке бифуркации. В математике так называют параметры, в которых развитие изучаемой системы теряет инерцию и возникают новые возможности. Это время выбора. До последних десятилетий в течение сотен тысяч лет численность людей на Земле росла по гиперболическому закону. Эта зависимость имеет особенность (сингулярность). Если бы наша численность росла в том же темпе, то к 2025 г. нас стало бы бесконечно много. Другими словами, возможности экстенсивного развития исчерпаны. По данным английских учёных, созданная нами техносфера уже весит в 30 раз больше всей биосферы.

Нужно искать новые пути в будущее, новые алгоритмы развития. Исторический прогноз, стратегическое планирование, проектирование будущего, «управление из будущего» на наших глазах сходят со страниц научно-фантастических романов и входят в научное и технологическое пространство. Дело в том, что для принятия эффективных дальновидных решений на государственном уровне во многих сферах жизнедеятельности (освоение территории, национальная оборона, система образования, инновационная политика, не говоря уже об экономике) нужны ясные, научно обоснованные представления о наиболее вероятных сценариях нашего развития на ближайшие 30 лет. Если мы всерьёз не будем задумываться о будущем, то оно может не состояться или оказаться совсем не таким, как нам хочется.

В-третьих, рассуждения о будущем, его отражение посредством искусства, науки, религий является очень эффективной социальной технологией, инструментом воздействия на общество. Происходило это с незапамятных времён. Достаточно вспомнить одну из самых загадочных книг христианства, «Апокалипсис, или Откровение Иоанна Богослова», пророчества других мировых религий, а позже — и учёных. Однако ситуация кардинально изменилась. Мир стал гораздо более рефлексивным, чем раньше. Имеет место

«эффект Эдипа» — феномен «самосбывающегося прогноза». Мы странным образом оказываемся там, куда попасть вроде бы не хотели. Прогноз, ставший известным тем, к кому он относится, играет программирующую роль.

Технологии информационного и рефлексивного управления, которые вначале вошли в практику межгосударственной борьбы и только потом — в академическую науку, очень эффективно используют «эффект Эдипа».

Можно напомнить сборник «Иного не дано», вышедший в горбачёвские времена под редакцией Ю. Афанасьева и собравший под одной обложкой «прорабов перестройки», доказывавших, что выбора нет. Конечно, выбор был — развитие Китая, траектории постсоветских государств это убедительно показали. В этих заметках не стоит разбираться, была ли в трудах «прорабов» заведомая ложь (впрочем, в своих мемуарах многие настаивали именно на этом и позиционировали себя как убеждённых противников советского строя) или глубокая некомпетентность, но свою роль в развале СССР и организации «крупнейшей геополитической катастрофы XX века» этот труд сыграл. Прогноз сегодня является весьма эффективным оружием.

Здесь трудно обсудить даже небольшую часть проблем, связанных с будущим, и в наши измерения это не входит. Однако нам кажется, что сегодня в большинстве работ о будущем ответы ищутся совсем не там, где они могут находиться. Ситуация отчасти похожа на притчу о человеке, который искал монету под фонарем, хотя потерял её совсем в другом месте — ведь в темноте всё равно ничего не найдешь. Судя по всему, «искать придётся в темноте» — мы имеем дело с новой ситуацией, в которой многие старые инструменты неприменимы. И в этой ситуации размышления фантастов и футурологов, заглядывающих в будущее, могут оказаться не менее полезными и конструктивными, чем установленные и апробированные результаты учёных, опирающихся на прошлый опыт и не желающих выходить за пределы своих конкретных научных дисциплин.

Финансовый аналитик, публицист и философ Нассим Талеб ввёл очень удачную метафору — «чёрный лебедь». До открытия Австралии европейцами считалось, что лебеди бывают только белыми. Когда путешественники увидели чёрных лебедей, которые водятся в Австралии, их представления о пространстве возможного расширились. Чёрный лебедь — это «неожиданная неожиданность», которая до того, как она произошла, казалась невероятной. В искусстве,

в науке, в инновационной сфере человечество не раз сталкивалось с «чёрными лебедями», которые меняли очень многое.

Учёные, рассуждая о будущем, обычно выделяют существующие или наметившиеся тенденции и экстраполируют (продолжают) их в будущее. Математики знают, что такая процедура неустойчива. Небольшая вначале ошибка может привести к совсем другой траектории, нежели «расчётная». Поэтому планы и проекты будущего развития приходится часто «пересчитывать» и пересматривать, опираясь на математические модели и знания экспертов. Кроме того, в пограничье между индустриальной и постиндустриальной фазами развития, преодолевая постиндустриальный барьер, мы в этом столетии не раз столкнёмся с большими неожиданностями, с «чёрными лебедями».

Нашу задачу по-иному взглянуть на будущее облегчает доклад академика С. Ю. Глазьева (см. «Изборский клуб», 2018, № 6), в котором представлено видение грядущего глазами экономиста, а также прекрасный обзор современной западной футурологии Е. С. Лариной и В. С. Овчинского (см. «Изборский клуб», 2018, № 7). В этих работах много глубоких, интересных идей, с которыми трудно не согласиться. Но некоторые детали стоит уточнить, и, кроме того, нам кажется важным сделать небольшой шаг от того «круга света», где большинство наших коллег ищет ответы на вопросы о будущем.

ПАРАДОКС ФЕРМИ. ВОЗМОЖНЫ ВАРИАНТЫ

Наш мир окажется жалким недоразумением, если каждому веку в нём не найдётся что исследовать.

Луций Анней СЕНЕКА

В названии статьи Е. С. Лариной и В. С. Овчинского фигурирует парадокс Ферми. Вслед за выдающимся физиком они удивляются, почему мы не слышим в радиодиапазоне сигналы, следы деятельности, какие-то признаки существования других цивилизаций. Наше присутствие во вселенной другие её обитатели, если таковые существуют, могут заметить начиная с 1900 г., когда мы начали пользоваться радиосвязью.

То, что именно Ферми отметил это странное на первый взгляд обстоятельство, — неудивительно. На его глазах преобразалась физика. Когда он поступал в университет и беседовал с деканом, он, по словам биографов, уже перечитал всё, что было опубликовано по физике на итальянском, — видимо, это было не слишком

много. Ферми был одним из создателей ядерной физики, которая за десяток лет прошла путь от первых экспериментов по делению урана до создания атомной бомбы, которая изменила мир. В такие эпохи «бури и натиска», стремительного развития и огромных надежд, когда горизонты кажутся безграничными, исследователи интуитивно ощущают, что они узнали и знают удивительно много. Но это замечательное время больших свершений, «научного праздника» проходит — и начинаются будни.

В Институте астрономии РАН тоже проводили ряд оценок, связанных с парадоксом Ферми. Судя по ним, для того чтобы мы не видели иных цивилизаций, время их существования... не должно превышать 1000 лет. Подходящее сравнение — редкий дождь. Падает капля, возникает пузырь (цивилизация), затем лопается. И когда падает следующая капля, то уже не видно никаких следов предыдущей. Ряд недавних работ показал, что если все люди на Земле вмиг исчезнут, то всего через 2 млн лет не удастся обнаружить следов нашей цивилизации.

В трактовке Лариной и Овчинского парадокса Ферми есть большая тревога — цивилизации почему-то гибнут. Но ведь тут можно рассуждать и другим образом. То, что кажется неудачей, может оказаться, напротив, свидетельством успеха.

Например, физик-теоретик Ф. Дайсон предположил, что высокоразвитые цивилизации могут окружать свои звезды оболочкой (её сейчас называют «сферой Дайсона»), чтобы использовать всю энергию своей звезды. Действительно, зачем «обогревать космическое пространство»?

Другой вариант. Почему свет сошёлся клином на электромагнитном излучении, которое мы сами научились описывать и использовать не более двух веков назад. Вполне возможно, что цивилизации, которые старше нас на миллионы лет, не сидели сложа руки и смогли найти другие средства связи.

В эпоху Ферми возникла удивительно красивая и волнующая физическая картина мира. Но сейчас-то её нет и в помине. Студентам-физикам уже на первых лекциях объясняют, что наши теории относятся к 2% вещества и полей вселенной, а почти всё остальное приходится на долю тёмной материи и тёмной энергии (если бы их не было, то вселенная расширялась бы иначе). Об этих сущностях мы сейчас не знаем почти ничего, и есть большие сомнения, что сможем узнать в обозримом будущем.

Наконец, есть ещё одна возможность, на которую обратил внимание выдающийся польский

фантаст и футуролог Станислав Лем. Возможно, цивилизации, которые намного старше нас и осуществляют мониторинг той части вселенной, в которой находится Земля, просто берегут нас. Развитие должно быть естественным, иначе мы можем что-то важное пропустить. И «игрушки цивилизаций старшего возраста», скорее всего, не ускорят, а затормозят наше развитие. Даже учителя начальной школы знают, что гораздо ценнее для ученика та задача, которую он решил сам, а не та, решение которой он подсмотрел у соседа.

Так что парадокс Ферми можно трактовать не только с тревогой и знаком минус, но и с надеждой и знаком плюс.

ЧТО ТАКОЕ ГУМАНИТАРНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ?

Предсказывать очень трудно, особенно трудно предсказывать будущее.

Нильс БОР

Среди студентов Физтеха была популярна такая поговорка: «Когда все пошли в гусары, Эйнштейн пошёл в физики, когда все пошли в физики, иди в управление». Нам очень трудно представить, что привычный уклад, приоритеты, способы решения проблем изменяются в течение нескольких десятилетий.

В статье академика С.Ю. Глазьева перечислены сразу семь вариантов будущего. На какой из них ориентироваться? Богатырь стоял на перепутье и перед ним открывались три пути, и то возникли большие проблемы — та «дорожная карта», высеченная на камне, оказалась неверной. А тут один из ведущих российских политологов и экономистов называет их 7. Опять вспоминается поговорка: «Не может же быть так, что ничего не было, что-нибудь, да будет». Вывод один — карта будущего сегодня формируется не только в экономическом и политическом пространстве. Очевидно, есть другие: не менее, а может быть, и намного более важные, — факторы...

Предвидеть будущие революции, кризисы, войны помогал анализ «длинных волн» технологического развития (кондратьевских циклов), смены технологических укладов. Например, сотрудники Института мировой экономики и международных отношений РАН (ИМЭМО) В.И. Пантин и В.В. Лапкин предсказали мировой экономический кризис 2008–2009 гг. с точностью в несколько месяцев за 5 лет до его наступления. Но если мы стоим на пороге больших перемен, то логика кондратьевских циклов может перестать работать. Ведь не так давно этих циклов не было. Быть может, это просто наследие индустриальной эпохи, а в постиндустриальном мире всё будет обстоять иначе...

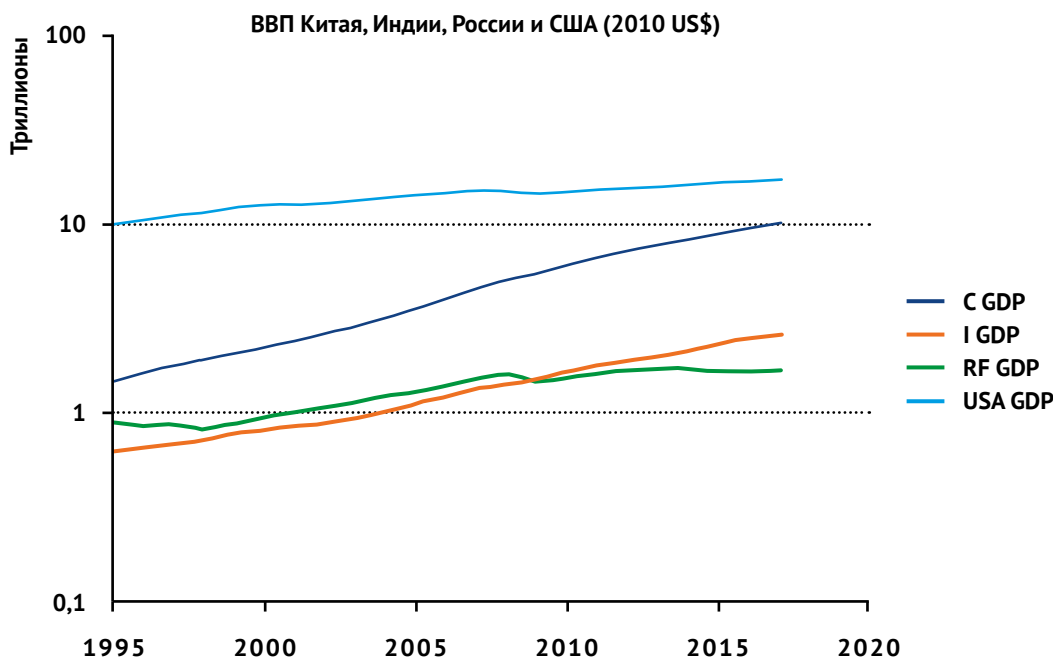

Рисунок 1.

Зависимость ВВП от времени для ряда стран.

Виден медленный рост ВВП России. Индия и Китай начинали с низкой базы и растут очень быстро. Примерно в таком же темпе следовало бы расти и нам. Рисунок любезно представлен С.А. Маховым.

На рисунке 1 показан рост валового внутреннего продукта (ВВП) стран БРИКС (статистика и прогноз). Видно, что для всех этих стран имеет место экспоненциальный рост, но с различными показателями. Иначе говоря, ВВП растёт по закону геометрической прогрессии — в одинаковое число раз за одинаковые промежутки времени. Но является ли сам ВВП хорошим показателем для новой реальности, формирующейся у нас на глазах? Впрочем, уже на этих графиках видно, что экономическое развитие России разительно отличается от того, что происходит в других странах БРИКС. Что-то не то делается в нашем хозяйстве. И, чтобы решить поставленную президентом страны задачу об увеличении темпов роста до уровня, превышающего среднемировые показатели, нужны кардинальные перемены в нашей экономической политике.

Хорошее впечатление на читателя производят числительные: «третья волна», «третья энергетическая революция», «четвёртая промышленная революция». На наш взгляд, глядя через подобные «технократические очки», мы не видим главных перемен, происходящих сейчас.

Сейчас кардинально меняется место человека в мире, в экономике, в культуре. Становится иным сам вектор технологического развития. В самом деле, индустриальное развитие, опираясь на невиданный ранее уровень разделения

труда (именно его, а не «невидимую руку рынка» ставил во главу угла Адам Смит в своей классической книге), на эффект масштаба и мировую торговлю. Технологии достигли такого уровня, что эти факторы стали ключевыми параметрами порядка в терминах *теории самоорганизации* или *синергетики*. Социальная структура и культура в целом подстроилась к этим технологическим реалиям. Разделение труда нашло блестящее воплощение в предложенном Генри Фордом конвейере, позволившем эффективно использовать большое количество неквалифицированной рабочей силы.

Эффект масштаба проявился в том, что гигантские заводы, корабли, электростанции производили товары и услуги гораздо дешевле, чем меньшие предприятия. Большие масштабы и мировая торговля потребовали стандартизации и взаимозаменяемости. Под этим флагом в XIX в. были приложены огромные усилия, чтобы ввести метрическую систему мер. Семейство Ротшильдов, которое во всём этом активно участвовало, продвигало идею введения единой для всего мира денежной единицы.

Мир представлялся в виде огромной машины или фабрики, в которой люди были её деталями, без каждой из которых весь механизм может остановиться. Необходимость и возможность взаимозаменяемости сделали массовость симво-

лом индустриальной эпохи. Это время массового образования, крупного машинного производства, массовых армий, массовой культуры, оружия массового поражения.

В науке на этой волне возникла первая междисциплинарная сфера знания — *кибернетика*, которая изучала общие принципы управления и связи: в технике, в обществе, в человеке. Ключевую роль в ней играла концепция «чёрного ящика» — системы, о содержании и структуре которой мы ничего не знаем, но которая в ответ на заданные входные воздействия даёт заданный набор выходных символов. В этой логике машина должна работать, и не так важно, как она устроена внутри. Такой «машинный подход» оказал большое влияние даже на теоретическую физику, а не только на социальные и гуманитарные науки, в частности — на экономику. Мы до сих пор оперируем такими «массовыми показателями», как валовой внутренний продукт (ВВП), индекс промышленного производства, индекс Доу–Джонса и т.д. Конечно, этими эконометрическими инструментами очень удобно пользоваться, но важно отдавать себе отчёт в том, что во многих случаях это примерно то же самое, что и «средняя температура по больнице».

В «киберэкономической» логике любой экономический актор, будь то физическое или юридическое лицо, стремится максимизировать свою прибыль и занять более высокое положение в той иерархической системе, к которой принадлежит (что даёт власть и возможность получать прибавок и статусную ренту, связанную с этим положением). В такой модели социально-экономическая система выглядит примерно так, как детская игра в «царя горы». В науке такой подход называют «теорией рациональных ожиданий» и связывают с ним решение сложных оптимизационных задач. Самое удивительное состоит в том, что этот подход работал, а в некоторых случаях — работает до сих пор. В этом случае мы имеем императив «человек для экономики», машина должна работать, целое оказывается гораздо важнее отдельных частей. Капитал, основные фонды, созданные за много лет, намного превышают то, что может быть достаточно быстро сделано «здесь и сейчас».

При таком подходе сила государств определяется размерами подконтрольных им территорий, запасами полезных ископаемых, созданными основными фондами и инфраструктурой, численностью населения и армии, которая должна всё это защищать. Однако эта простая и стройная картина, которую излагают студентам, в значительной мере уже достояние прошлого. Это

сделали очевидным работы Йозефа Шумпетера и Дэниэла Белла, которые (первый — в 1930-е, а второй — в 1970-е годы) изучали влияние научных открытий, изобретений и новых технологий на развитие социально-экономических систем.

Инновации являются очень сильным аргументом в конкурентной борьбе. И, казалось бы, все экономические акторы должны самым активным образом внедрять их с целью улучшить свое положение на рынке. Но всё оказалось совсем не так, как предполагалось. Лишь 10% экономических агентов ищут и внедряют изобретения и технологии — Шумпетер назвал их «инноваторами». В то время как 90% стремятся сохранить текущее положение вещей, круг поставщиков, «отбить инвестиции», уже вложенные в основные фонды, вместо того чтобы создавать новые. Они тоже ищут изобретения, но обычно с другой целью: чтобы, скупив патенты, притормозить инвесторов. Эта картина разительно отличается от представлений «теории рациональных ожиданий» — ведь основная часть экономических агентов действует на первый взгляд иррационально.

Идёт игра по другим правилам, когда экономика начинает оказываться в подчинённой роли. Наглядный пример — экономические санкции. Наше руководство объясняет, что Европе выгоднее покупать российский газ, чем американский, и, соответственно, создавать инфраструктуру под это — «Северный поток-2». Но американские санкции действуют, Европа их поддерживает, в результате экономические интересы европейских компаний и целых стран приносятся в жертву американской политике. С либеральными идеями свободы рынка, с правилами Всемирной торговой организации (ВТО), с представлениями теории рациональных ожиданий всё это несовместимо.

Наверное, многие помнят ленинское утверждение о том, что политика является концентрированным выражением экономики, но в кризисные периоды мы видим обратное — экономика становится инструментом (и жертвой) политики. Хотя за политику одних стран часто платят другие, зависящие от них страны.

Впрочем, Адам Смит, любимец наших либералов, ещё в XVIII в. писал: «Оборона страны гораздо важнее, чем богатство!» и «Никакую войну, связанную с большими расходами или отличающуюся своей продолжительностью, нельзя без неудобств вести за счёт вывода сырых продуктов». То есть страна, которая занимается исключительно экспортом сырья и не обладает эффективной обрабатывающей

промышленностью, рано или поздно потеряет не только свой экономический потенциал, но и политический суверенитет. Кажется, что это написано недавно и про современную Россию — не в бровь, а в глаз!

Происходящие сейчас перемены удивительно точно предсказал упомянутый выше Дэниэл Белл в 1970-х гг. Он ввёл «осевой принцип» — в соответствии с ним историческое развитие можно рассматривать в разных проекциях. Например, если в качестве «оси» мы возьмём формы собственности и соответствующие им формации: феодализм, капитализм, социализм, — то мы получим то, что даёт исторический материализм. Но оси могут быть и другими — скажем, статус и историческая роль знаний. Тогда социальная эволюция будет выглядеть иначе: как доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное общество. В последнем основным источником богатства и власти выступает знание, а решающим средством управления становятся не машинные, как в индустриальную эпоху, а интеллектуальные технологии.

Белл писал о «телекоммуникационной революции». О компьютерах как символе эпохи и о главных направлениях будущих перемен, предвидя:

- переход от индустриального к «сервисному» обществу;
- принципиальное значение для технологических нововведений кодифицированного теоретического знания;
- превращение новых интеллектуальных технологий в ключевой инструмент системного анализа и принятия решений.

Траектория, пройденная человечеством за последние полвека, отличается от той картины, которую описывал Белл, в двух отношениях. Быстрое повышение комфорта в развитых странах, расширение набора предлагаемых товаров, ликвидация значительной части физического труда, «шопинг» как любимое занятие сотен миллионов людей в развитых странах — всё это создало иллюзию «общества потребления». Казалось, что в этом обществе можно неограниченно долго жить в кредит, не особенно напрягаясь, со временем получая доступ ко всё большему количеству первоклассных товаров и постоянно улучшая качество жизни. Причём это «качество» понималось, прежде всего, в материальном смысле. Возникло представление об «экономике для человека», естественности «социального государства», «конце истории», «окончательной победе либерализма».

Именно эту траекторию и хотят продолжить в будущее «технооптимисты», о которых пишут Е. С. Ларина и В. С. Овчинский. Например, Юваль Ной Харрари, автор бестселлера с говорящим названием «Homo Deus. Краткая история будущего» (Homo Deus — Человек-Бог), пишет: «Главным продуктом экономики XXI века будут не вооружение, автомобиль или одежда — а тело, мозги и интеллект... Подобно тому, как результатом промышленной революции стало возникновение рабочего класса, так следующая масштабная революция создаст класс неработающий, бесполезный... Обращение с животными даёт достаточное представление о том, как в будущем усовершенствованные люди будут поступать со всеми остальными... Демократия и свободный рынок рухнут, когда Google и Facebook будут знать нас лучше, чем мы сами; власть, полномочия и компетенции перейдут от живых людей к сетевым алгоритмам... Люди не будут противостоять машинам, они сольются в единое целое... Таким будет наш новый мир. Это следующий этап эволюции».

Однако опыт истории свидетельствует, что «сверхчеловек» обычно оказывается недочеловеком. Но, видно, урок не впрок. Главная ошибка подобных рассуждений — линейная экстраполяция, уверенность в том, что наметившиеся сейчас тенденции будут действовать всегда.

На клавиши компьютеров нажимать приятно, и виртуальную реальность легко подстроить под себя. Но вспомним биологию — бесполезные органы со временем отмирают или деградируют. Или историю — как только боярство, а потом и дворянство получало послабление и освобождение от обязательной государственной службы, то вскоре и пропадало. А тут — «бесполезный класс»...

Ещё в 1970-х гг. Дж. Форрестер, Д. Медоуз, Н. Н. Моисеев, В. А. Егоров с помощью математических моделей показывали, что продолжение траектории, по которой мы двигались весь двадцатый век, ведёт в тупик. Мы не нашли дешёвой, чистой энергии. А «альтернативные источники» пока серьёзной альтернативой не являются. И с продовольствием всё не так благозвучно, как думают оптимисты. Да и прежние классовые проблемы далеки от решения. Лауреат Нобелевской премии Дж. Стиглиц в книге «Великое разделение» убедительно показывает, что с 1970-х гг. американская экономика развивалась в интересах «одного процента» (богатейших людей страны), в то время как остальные 99% не стали жить существенно лучше.

Тем не менее кардинальные изменения налицо. В.И. Ленин писал, что социалистический строй окончательно победит капиталистический, когда будет иметь более высокую производительность труда. Это взгляд индустриальной эпохи.

В постиндустриальном мире продолжительность активной, здоровой жизни, её качество, степень удовлетворённости ею становятся важнейшими аргументами в конкуренции на цивилизационном, государственном или региональном уровне. Всё более важной характеристикой для государства становится «индекс счастья», отражающий восприятие людьми своей реальности. На рисунке 2 представлен этот уровень для нескольких государств мира. Видно, что он не всегда совпадает с уровнем подушевого дохода в соответствующей стране. Кроме того, сейчас приходится думать не только о том, чтобы производить получше, побольше и побыстрее, но и о том, какие природные ресурсы мы оставим нашим детям и внукам.

В Советском Союзе был лозунг: «Всё во имя человека, всё для блага человека». Индустриальная экономика не позволяла во многих сферах воплотить этот императив в реальность. В постиндустриальном обществе пространство возможностей расширяется, хотя и здесь говорить о «всё более полном удовлетворении растущих потребностей людей» не приходится. «Общество потребления» — это, скорее, морковка перед носом, а не реальная перспектива.

Императив «экономика для человека» связан не только с потреблением, распределением, сферой услуг, но и с новой ролью инноваций, отдельных людей и организаций в экономическом развитии. Происходит переход от бытия к становлению. Инновационная активность, социальная солидарность, творческий потенциал общества и уровень культуры начинают играть не меньшую, а в ряде случаев — и большую роль, чем созданные основные фонды и финансовые ресурсы.

Экономика занимает своё важное, значимое, но подчинённое место. Она поддерживает усилия людей, ставящих задачи, далеко выходящие за узко понимаемую «бухгалтерскую целесообразность».

Когда президента США спрашивали, что же американцы нашли на Луне (имея в виду проект «Аполлон», стоивший более 16 млрд долл.), он отвечал — массу прекрасных микросхем. И действительно, этот проект позволил создать множество технологий, которые дали огромный толчок многим отраслям американской промышленности. Но они получили

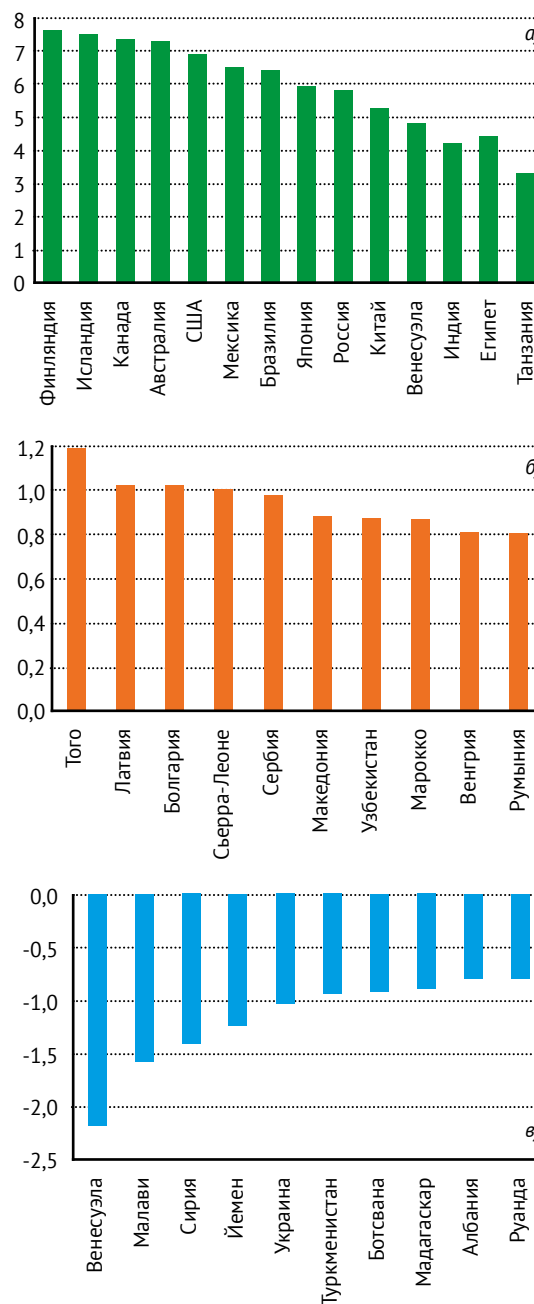

Рисунок 2.

Индекс счастья и его изменение для ряда стран.

а) 2017 г., б) наибольшее позитивное изменение, в) наибольшее негативное изменение. К сожалению, мы пока не знаем, как связаны другие макропеременные с этой величиной. Можно сказать, что у нас в уравнении нет правой части. Возможно, это дело будущего.

больше — наглядно продемонстрировали организационное и технологическое преимущество своей цивилизации, способность воплощать мечту выдающихся учёных и инженеров. И это очень сильно повлияло на видение будущего всем человечеством, на оценку роли и возможностей советской цивилизации и всей мировой системы социализма, что, в конечном счёте, имело большие геополитические по-

следствия. По-видимому, большой ошибкой руководства СССР стал фактический выход нашей страны из лунной программы из-за «нежелания быть вторыми». Мы не прошли свой «путь к Луне», когда для того были все возможности, пожертвовав научной, технологической, инженерной стороной проекта ради ложно понятой политической и экономической целесообразности.

Подводя итог, можно сказать, что тектонические сдвиги, далеко выходящие за рамки промышленности, цифровизации или энергетики, позволяют говорить о *гуманитарно-технологической революции*.

МИР ВЫБИРАЕТ БУДУЩЕЕ

Мечты, которые сбываются, — это не мечты, а планы.

Александр ВАМПИЛОВ

В настоящее время нет недостатка в различных проектах будущего, прогнозах и футурологических исследованиях. Одни из них опираются на серьёзную научную основу и ориентированы на экспертов и руководителей. Другие рассчитывают на массового потребителя и статус бестселлеров. Однако за всеми этими мечтами и проектами есть и следующий уровень. Это намерения, отражающие реальные цели, порой весьма далёкие от декларируемых. Реальные цели *отражают возможности, которыми обладают стратегические субъекты, усилия, вкладываемые в создание возможностей, а также то, как они используются или не используются.*

Приведём примеры использования возможностей науки в интересах технологического прорыва страны.

С 1970-х гг. в Японии, позаимствовавшей опыт Советского Союза в области планирования, раз в пять лет проводится национальный форсайт. Более 10000 учёных, экспертов, предпринимателей, рассматривая развитие своих областей и системы в целом, стремятся определить, какой должна быть Япония через 30 лет. Как известно, идеи становятся огромной силой, когда они овладевают массами. Облик будущего, предлагаемый экспертами и руководителями, широко обсуждается в обществе, дополняется, корректируется. Взрослые, ответственные люди намечают контуры той реальности, в которой предстоит жить их детям и внукам.

Затем делается второй важный шаг. После того как долговременный прогноз получен, стратегические цели намечены и отражены в конкретных показателях, рассматриваются ближайшие пять лет. Люди выясняют, что надо сделать за эти годы, чтобы в конце концов прийти к далёкой намеченной цели. Здесь формулируются конкретные проблемы и научно-технические задачи, которые следует решить, чтобы прийти в желаемое будущее, осуществляется индикативное планирование. Как правило, ставится около сотни проблем, для каждой из них описывается, что же должно быть сделано, что это даст обществу в целом, отдельному гражданину, как повлияет на национальную безопасность. Более того, оцениваются ресурсы, наличие которых, скорее

всего, потребует решение каждой поставленной проблемы, уточняется постановка задачи, кадровое обеспечение, а также во многих случаях явно указываются и компании, которые обладают необходимым научно-техническим потенциалом. В подобном плане зачастую рассматриваются и *синергетические эффекты* — указывается, какие новые возможности общество получит от совместного решения нескольких из поставленных задач. Естественно, акцент делается на «локомотивных» отраслях экономики, в которых страна должна занимать ведущее место в мире.

Японский опыт показывает удачное сочетание организации и самоорганизации. Подобный пятилетний план является организующим, задающим ориентиры началом. Его исполнение во многом определяется инициативой, активностью, кооперацией отдельных компаний, организаций, исследователей, инженеров, предпринимателей. Компании, берущиеся за решение поставленных проблем, могут претендовать на налоговые льготы; университеты ясно представляют, какие специалисты понадобятся в обозримом будущем; предприниматели понимают, на какие научные разработки они смогут опираться.

Некоторые задачи формулируются в яркой, наглядной форме. У Японии очень сильные позиции в области робототехники. И в качестве одной из таких задач рассматривалось в своё время создание «танцующих роботов». Это очень сложно, так как сочетание быстрых и медленных движений, отслеживание действий партнёров в режиме реального времени потребовало целого комплекса «пионерских» решений. Однако фирме Honda удалось решить эту проблему и получить огромные преференции за выдающийся вклад в развитие научно-технической сферы Японии.

В настоящее время в этой области перед японскими инженерами и исследователями поставлена амбициозная задача — к 2050 г. создать команду роботов, которые, играя в футбол по «человеческим правилам», могут побеждать сборную мира, составленную из ведущих футболистов планеты.

На первый взгляд такая задача выглядит странно. Ещё более необычно она выглядела тогда, когда ставилась. Но если вспомнить, что в Японии на 10 тыс. работающих приходится более 300 промышленных роботов (в России — всего 2), а в войнах недалёкого будущего солдат на поле боя заменят роботы, то всё становится на свои места.

По прошествии пяти лет работы подводятся итоги. Разбирается, какие задачи решены и получены ли ожидаемые от их решения результаты (как правило, решается около 80% задач), особое внимание уделяется тому, что не сделано, и выясняется, по каким причинам это произошло и что следует сделать в этой связи.

Далее проводится следующий форсайт. Будущее «перевычисляется», и страна вновь заглядывает на 30 лет вперёд, затем цикл повторяется. Мировое лидерство Японии в ряде отраслей промышленности и фундаментальных исследований показывает высокую эффективность подобной техники «работы с будущим».

Не разбирая особенностей технологических прорывов, которые осуществили в новейшей истории Япония, Южная Корея, Сингапур, обратим внимание на две общие черты этих проектов. Первая — огромная роль гуманитарных технологий в их организации. Цель «прорваться в будущее» становилась национальной идеей и оправдывала сверхусилия в настоящем. Кроме того, каждый из этих проектов не был «калькой» с западных образцов, а опирался на собственные, устоявшиеся и проверенные веками смыслы, ценности и традиции этих обществ.

Вторая особенность связана с теорией выдающегося русского экономиста Н. Д. Кондратьева и теорией «длинных волн» технологического перевооружения (кондратьевских волн). На протяжении каждой волны происходит переход от одного технологического уклада (и, соответственно, «локомотивных» отраслей — флагманов технологического развития) к другому. Прорывы на этом пути везде и всегда были связаны с огромными систематическими усилиями элит и народов, направленными на **создание не текущего, а следующего уклада**, что, естественно, подразумевало высокую норму накопления и строительство новых заводов. В 70–80-е годы это был V уклад, локомотивными отраслями которого были электроника, телекоммуникации, малотоннажная химия, новые технологии работы с массовым сознанием (позволяющим «заточить» покупателя под новый товар).

Сейчас страны-лидеры переходят к VI технологическому укладу (можно было бы обсудить и перспективный технологический уклад — более сложную концепцию развития, но это увело бы далеко от основной линии). Здесь локомотивные отрасли иные: *биотехнологии, новая медицина, новое природопользование, когнитивные технологии, робототехника, высокие гуманитарные технологии, полномасштабные технологии вир-*

туальной реальности, нанотехнологии. Именно сейчас выясняется, что является главным, а что — отойдёт на второй план.

Обсуждая технологические уклады, обычно не обращают должного внимания на их научное основание. При этом фундаментальные научные достижения, которые лежат в основе технологий будущего уклада, были созданы в ходе развития предыдущего.

Связь между фундаментальной и прикладной наукой, образованием и инновациями отлично отражает схема, которую любил приводить выдающийся просветитель России С.П. Капица (см. рис.3).

Двадцатый век, его технологии, экономику и историю в большей степени определили три фундаментальных научных достижения — говоря словами известного философа и историка науки Томаса Куна, они породили научно-техническую революцию и создали новую парадигму, в рамках которой происходило (а отчасти — и сейчас происходит) социально-экономическое развитие. Это — *создание теории относительности, разработка квантовой механики и развитие теории алгоритмов*, что привело к появлению компьютеров.

Судя по всему, следующий уклад определится другим фундаментальным достижением XX в. — *установлением сущности генетического кода*. Оно позволило создать эффективные технологии секвенирования геномов. За десятилетие стоимость секвенирования генома как текста, состоящего из трёх млрд «букв» и определяющего наследственность человека, уменьшилась в 20 тысяч раз. То, что полвека назад находилось на переднем крае науки, стало стандартным медицинским анализом. Это открыло путь к индивидуальной медицине, генетически модифицированным организмам (ГМО), к новым типам оружия. Каждая третья научная работа сейчас выполняется в области медицины. Именно биотехнологии определяют вектор технологического развития и контуры будущего в середине текущего века.

Как и век назад, ведущие игроки на мировой шахматной доске (сейчас это США и Китай) вкладывают огромные усилия в прикладную науку (НИР) и опытно-конструкторские разработки (ОКР), чтобы благодаря новым технологиям (промышленным, гуманитарным, военным) сместить стратегическое равновесие в свою пользу. Более трети всех научных публикаций в мире приходится на долю этих двух стран. Продолжается гонка высокотехнологичных вооружений.

Одновременно мы имеем дело с явным «кризисом будущего» в массовом сознании. Место научной фантастики, очень популярной полвека назад, заняла фэнтези — будущее в прошлом. В массовом сознании происходит переход от науки и техники к религии и магии, от Жюль Верна к Кастанеде.

Имеет место застой в фундаментальной физике — несмотря на обилие «нобелевок», результатов, сравнимых с квантовой теорией и теорией относительности, не было и нет. Другие науки — такие как химия или география — можно сказать, решили свои фундаментальные проблемы. Основные «континенты» в научном пространстве, играющие для нас принципиальную роль, уже открыты — пришло время их осваивать. Если в XX в. центральными фигурами были учёные, то сейчас *наступает век инженеров*. В результате — чем отличается наш современный быт от быта 1960-х годов прошлого века? Кроме мобильных и ноутбуков, мы почти ничего не приобрели и, видимо, многое в социальной сфере потеряли...

Однако в «быстром времени» всё выглядит иначе. В США надувается пузырь высокотехнологичных компаний, прежде всего, информационно-коммуникационных (ИКТ). Последние вкладывают гигантские средства в искусственный интеллект и беспилотный транспорт. Инвестиции Amazon, AlphaBet (Google) или Microsoft в исследования и разработки ежегодно превышают 10 млрд долл. «Венчурные» инвестиции в США уже превышают 60 млрд долл. в год. Увеличивается число «единорогов» — частных стартапов, стоимость которых превышает 1 млрд долл.: в 2015 г. их насчитывалось 141, а в 2018 г. — уже 263, причём из них 123 — в США. Их общая капитализация в 850 млрд долл. никак не связана с их текущими прибылями. Так, самый большой «единорог» — Uber, оцененный в 68 млрд долл., — так и не смог «выйти в плюс». Эксперты и представители высокотехнологичных компаний уверяют, что уроки «кризиса доткомов», краха «новой экономики» США 2000-х гг. учтены, и теперь всё будет иначе. Поверить в это трудно — перед тем как «пузырь» лопнет, всегда говорится то же самое.

Можно напомнить большие надежды на освоение космоса и развитие авиации, сверхзвуковые Tu-144 и Concorrd. Однако мы по-прежнему летаем на Boeing 737 (появился в 1960-х гг.) и Airbus 320 (1980-е гг.).

Тем не менее активная работа идёт, её результаты могут быть неожиданными, и в целом у работающих есть шанс обогнать тех, кто лишь наблюдает за этим процессом.

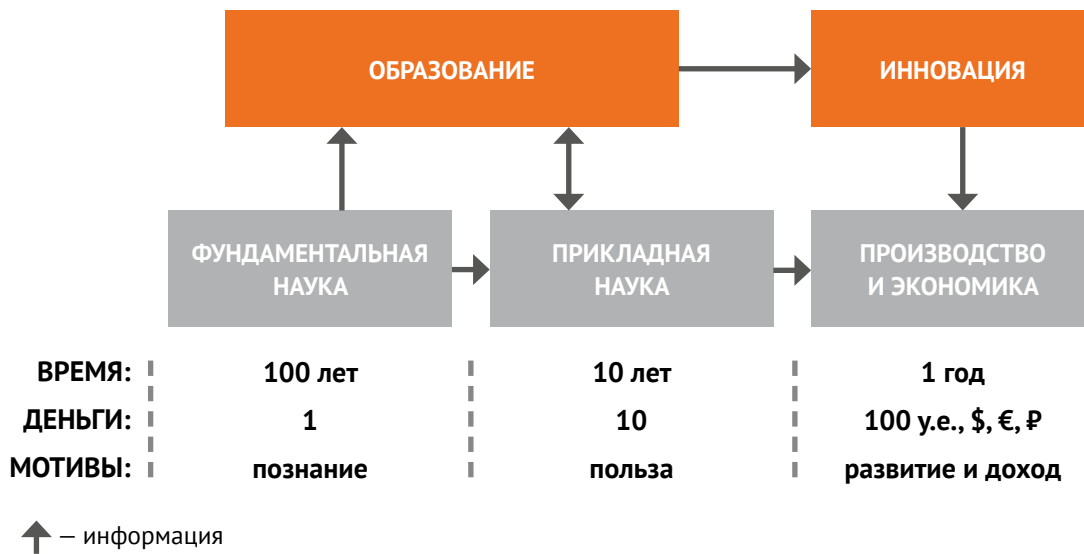

Рисунок 3.

Взаимосвязь образования, инноваций и науки в соответствии с теорией С.П. Капицы.

При такой связи видно, что бессмысленно требовать от академии, занимающейся фундаментальными исследованиями, прикладных результатов. С другой стороны, для развивающихся стран создание сильной образовательной системы может служить фактором, стабилизирующим социальную систему.

МОЦАРТОВСКОЕ НАЧАЛО

Ты, Моцарт, Бог — и сам того не знаешь!

Александр ПУШКИН

И здесь следует вернуться к гуманитарно-технологической революции, к влиянию общества на технологии и технологий на общество. Главный урок постмарксистской социологии сводится к тому, что одному и тому же базису могут соответствовать разные надстройки.

Реализация императива «экономика для человека» позволяет разбудить его высшие способности в занятиях наукой, искусством, инженерным и социальным творчеством. Освободившиеся от утомительной ежедневной рутины люди могут пойти вверх. Эта возможность лежит в основе коммунистического мировоззрения «Империализм убивает моцартовское (*творческое*. — **Авт.**) начало даже в тех, кто в высшей степени расположен к его раскрытию. Коммунизм же пробудит это начало даже в тех, кто отчуждён от этого спящего в нём начала» — так формулирует эту надежду известный российский политолог Сергей Кургинян.

И развитие технологий даёт для этого все возможности. Можно повышать квалификацию, сокращать рабочее время и делать его более дорогим. Идеологи постиндустриализма Э. Тоффлер и Д. Белл, вероятно, имели в виду именно эту траекторию. Белл писал, что, если индустриальное общество создало конвейер, постиндустриальное общество приведет к поточному созданию информации, к появлению «когнитариата» — ин-

теллектуального класса, представители которого на политическом уровне выступают в качестве консультантов, экспертов или технократов». Возникла иллюзия, что этот «креативный класс», «креаклы», «серые кардиналы» при правящих элитах получают и часть политической власти. А в будущем, по мере развития технологий, станут ещё более влиятельной силой. При этом классики постиндустриализма подчёркивали, что доля сектора услуг в ВВП развитых стран неуклонно растёт. И действительно, за 1960–2007-е гг. доля промышленности в глобальном продукте сократилась с 40% до 28%, а доля занятых — до 21%. В США в сфере услуг создаётся более 80% ВВП.

С 1960-х гг. по настоящее время огромное количество экспертов и политиков толкуют, что экономика будущего — это экономика услуг.

К сожалению, радужные надежды «когнитариата» не оправдываются. «Надстройка», создаваемая мировыми элитами, оказывается совсем другой. Происходит девальвация труда, его стоимости и сложности, рост неравенства и формирование сословного общества. Семь из десяти самых быстрорастущих профессий США в рейтинге Bureau of Statistics связаны с низкооплачиваемым рутинным трудом: это сиделки, официанты, повара, продавцы, курьеры.

Вместо «экономики услуг» создаётся «экономика слуг». Социальное диктует экономическому, происходит ренессанс самых непроизводительных, рутинных и архаичных профессий. Масштабная деиндустриализация привела к тому, что начал «таять» сам «когнитариат». Упрощается

и социальная структура, оформляются классы «слуг» и «господ», сокращается прослойка среднего класса, всё больше функций которого препоручается машинам. История поворачивается вспять.

В статье А. Сахнина, ряд аргументов которой мы привели выше, эта тенденция определяется следующим образом: «Старый афоризм Розы Люксембург «Социализм или варварство» сегодня приобрёл новый смысл. Мы на всех парах движемся в новое варварство: в экономику, где человек может потребляться только как тело, как расходный материал; в общество, где власть человека над силами природы заменена господством человека над человеком».

Мир — в точке бифуркации. Наше будущее — под вопросом. Одно лишь отношение к знанию не является параметром порядка в современном мире. Дэниел Белл, Макс Вебер и множество других социологов, отодвигающих классовое на второй план, были неправы.

Мир сложнее. Надо учитывать и технологическое, и социальное, и гуманитарное развитие в их взаимосвязи. В век синтеза и эпоху самоорганизации это естественно.

Будущее определится тем, насколько быстро и эффективно пройдёт гуманитарно-технологическая революция, будем ли мы подчиняться созданным нами самими инструментам или управлять ими; позволим ли мы истории двигаться вперёд, или согласимся с теми, кто поворачивает её назад...

Гуманитарно-технологическая революция является главной надеждой на то, что удастся обойтись без разрушительных социальных революций и пойти в будущее эволюционным путём. Повестка дня на XXI в. должна определиться в ближайшее десятилетие.

Россия всегда в большей степени была страной будущего. Вспомним известное: «Москва — Третий Рим, а четвёртому не бывать», чеховское «небо в алмазах» или курс научного коммунизма, на котором во всех вузах страны подробно, в течение целого семестра, студентам рассказывали, в какое будущее мы должны прийти. Одной из самых тяжёлых утрат, произошедших в «лихие девяностые», стала утрата образа будущего, перспектив и вдохновляющих целей. Уже более тридцати лет продолжается затянувшийся «кризис целеполагания». При этом правящие элиты настаивают на отказе от идеологии и велят действовать «как все».

Результаты такого курса налицо. Наша страна на экономической, научной, технологической, образовательной картах мира с 1991 г. становится всё меньше. Если в 1990 г. около 350 млн человек

считали русский язык родным, то к настоящему времени их число сократилось до 280 млн.

Неудовлетворительны и результаты социально-экономического развития. Государство более не может выполнять взятые на себя ранее социальные обязательства. Одно из проявлений этого — повышение пенсионного возраста на 5 лет. В результате этого на российском рынке труда со временем дополнительно появится около 17 млн пожилых людей. И пока не ясно, где же они будут работать, как будут сводить концы с концами. Блестящий тактический манёвр может обернуться большим стратегическим проигрышем.

В президентском Федеральном послании от 1 марта 2018 г. главным врагом России В.В. Путин назвал отсталость и призвал вложить все возможные усилия, чтобы преодолеть её. С этим трудно не согласиться. Однако не стоит забывать, что эта отсталость в течение десятилетий создавалась искусственно.

В самом деле, Пенсионному фонду не хватает триллионов рублей, потому что население мало отчисляет в него. Мало отчисляет оно, потому что зарплаты у большинства невелики и практически не растут. Не увеличиваются они потому, что экономика, как говорят наши руководители, «чувствует себя уверенно», но не растёт. Не растёт она потому, что не строятся новые высокотехнологические предприятия. Анализ российского инжиниринга показывает, что российские компании способны создавать большие предприятия «под ключ» только в сферах железнодорожного транспорта и атомной энергетики. Для всего остального приходится звать иностранцев...

Одна из главных причин такого состояния дел — у нас не разрабатываются современные технологии, которые позволили бы отвоевать значимую долю внутреннего рынка и конкурировать на внешнем. Технологий же нет, потому что прикладная наука, дающая 75% изобретений, была разгромлена ещё в 1990-е гг., и в многочисленных «стратегиях», «доктринах», «дорожных картах» вопрос о её возрождении не ставится... Важнейший ресурс развития «выключен». Учёных — вместо того чтобы они делали дело и решали насущные для общества задачи — понуждают как можно больше публиковаться. Желательно — в зарубежных журналах. Казаться, а не быть.

И всё же в логике гуманитарно-технологической революции главным является, видимо, не это. У Фёдора Михайловича Достоевского есть мысль о том, что если мы сегодня начнём лучше относиться друг к другу, то завтра на Земле будет Царство Божье. Нам надо изменить отношение к себе, к своему делу и к будущему России.

В нынешний, переломный период именно интересы и задачи всего общества, нашего отечества являются главными. Им должны быть подчинены корпоративные интересы, они в большой степени должны определять и наши жизненные траектории. Пока эта пирамида перевернута с ног на голову.

Наглядный пример, с которым сталкивались очень многие. Приходит человек или группа людей к своему руководителю и доказывает, что задачи, которые решает его структура, могут быть решены в 10, а иногда — и в 100 раз дешевле, чем сейчас, просит одобрения и поддержки. Но получает отказ. Логика руководства понятна: если то, за что он отвечает, окажется дешевле в 100 раз, то многократно уменьшатся финансовые потоки, которые он контролирует, а вместе с ними — его аппаратные возможности и перспективы. Очевидно, он объяснит (если снизойдёт до объяснений), что несёт ответственность за десятки тысяч людей и за то, чтобы те не остались без работы. В результате наша экономика остаётся затратно-растратной, мы упускаем возможности и выгоды, а страна теряет историческое время.

Логика должна быть другой: все мы — в одной лодке. Олигархам и «эффективным менеджерам» не удастся отсидеться за четырёхметровыми заборами или убежать — у нас слишком маленькая планета. Попытки сформировать сословное общество в конце концов приведут к социальной революции, Вопрос лишь в том, к какой.

Проще говоря, будущее России в мире, завтрашний её день определяются уровнем *социальной солидарности* сегодня. Имея это понимание и пользуясь современными гуманитарными технологиями, можно очень многого добиться. И, конечно, нужна интеллектуальная честность со стороны правящей элиты, то есть конкретное и ясное представление

образа того будущего, куда она собирается привести Россию.

Академик Глазьев выдвинул стратегию, реализация которой может обеспечить рост отечественной экономики на 8% в год. В ней предлагается опережающее развитие нового технологического уклада, который растёт во всём мире с темпом до 30% в год (а мы пока только имитируем развитие). Мы можем навёрстывать упущенное в областях, где есть традиции, кадровый и научный потенциал: электроника (элементная база, электронное машиностроение и т.д.), авиационная, биотехнологическая промышленность, энергетическое и транспортное машиностроение, — всё то, что входит в понятие «новой индустриализации». Очевидно, что мы должны не гнать на Запад и на Восток сырьё, а продавать сделанную из него продукцию.

И, конечно, пора жить своим умом. Западным компаниям, которые пишут стратегии нашим государственным органам, зарубежным аудиторам и прочим «гуру консалтинга», пора отдохнуть от российских проблем и заняться другими делами. Нам пора выйти из когорты вечно развивающихся, но не способных развиваться стран, которых окормляют эти выдающиеся специалисты. Видимо, они слишком хороши для нас. Да и покойный Егор Гайдар говорил, что народ не тот попался...

Сейчас популярна такая притча. Человек ежедневно приходит в храм и молит Бога: «Я бедный, больной, несчастный, у меня много детей. Помоги мне, Боже, как-нибудь. Дай мне выиграть миллион по лотерейному билету». Месяц ходит, два. Надоело это священнику. И в конце концов он и говорит: «Господи! Помоги же этому несчастному. Ты можешь?» «Могу, — отвечает Бог, — но пусть он хоть билет лотерейный купит».

России пора купить лотерейный билет. Билет в Будущее.

/ Алексей АНПИЛОГОВ /

Гибель империй

Случайность, фатум или злой рок?

ВВЕДЕНИЕ

Феномен империи в истории человечества возникал неоднократно. При этом статус «империи» впоследствии присваивали столь разным государственным образованиям, что в настоящее время в русском языке присутствует сразу два определения империи.

Первое значение слова «империя» касается классических имперских государств, которые существовали в античности и Средневековье и, как правило, имели монархическую природу. В случае такой узкой трактовки термина «империей» называется монархическое государство во главе с монархом, имеющим неограниченную власть — императором. Такими

образованиями, например, были античные Римская империя, Византия, Китай, Македонская империя или средневековый Китай и Священная Римская империя.

Однако в новое и новейшее время миру был явлен совсем иной формат империй, которого касается второе значение русского слова «империя» и английского *empire*. Как оказалось, формальное наличие всесильного монарха-императора является лишь атрибутивной функцией, в то время как возникновение, существование и гибель империй диктуется совсем иными, внутренними законами. В рамках второго определения империи таковой считается любое сложное по форме собственное устройство государство, состоящее из метрополии (центральной части) и колоний или провинций (периферийных частей), при этом данное государство имеет чётко выраженную экспансионистскую природу. Под такое определение уже легко попадают Французская империя XIX–XX веков, имевшая большую часть времени своего существования республиканскую природу, современная и историческая Британская империя, представляющая собой конституционную монархию, и даже СССР, называвшийся в мире «Красной империей».

Столь же уместно определение «империи» применительно к глобальной системе американской гегемонии, основанной на контроле над мировой финансовой системой, и восприятие современного нам Евросоюза как «бюрократической империи»: и глобальная империя США, и имперский проект Евросоюза являются сложными по форме своего устройства межгосударственными объединениями, состоящими из метрополии и зависимых колоний или провинций, а также имеющими чётко выраженную экспансионистскую природу, часто именуемую «глобализмом».

Расширение определения империи на второй, более высокий уровень абстракции, уже не считающий монархическую форму правления обязательным фактором, позволяет нам рассмотреть феномен империй с использованием универсального математического подхода. Такой подход позволяет не просто накапливать и учитывать исторические факты, но и, что гораздо важнее, — делать значимые выводы и даже уверенные прогнозы. Такой системный подход позволяет сомкнуть историю с футурологией и дать объяснение массе наблюдаемых в истории и неизбежных в будущем феноменов. К числу которых, безусловно, относится и главный феномен — рождения, расцвета, упадка и гибели империй.

РОЖДЁННЫЕ, ЧТОБЫ ЖИТЬ. И ЧТОБЫ УМЕРЕТЬ

Цикл рождения, становления, расцвета, упадка и гибели империи стал настолько узнаваемым сюжетом, что укоренился не только в исторической науке, но и в культуре, искусстве и даже массовом бессознательном. Картины вселенского апокалипсиса и армагеддона стали одной из культурных доминант ещё во времена раннего христианства. Откровение Иоанна Богослова (греч. *Ἀποκάλυψις τοῦ Ἰωάννου*, часто в русском сокращаемое до «Апокалипсиса»), будучи последней книгой Нового Завета, повествует именно о «конце времён», сопровождающемся крахом существующего миропорядка, многочисленными катаклизмами и бедствиями, и имеет чётко выраженную визионерскую, предсказательную природу.

Как считается сегодня, «Апокалипсис» был написан Иоанном между 81 и 96 годами н.э., во времена спокойного правления императора Домициана, но после кровавого «первого междуцарствия», закончившего римскую династию Юлиев–Клавдиев и начавшего династию Флавиев. Ощущение «конца света» во времена наивысшего расцвета империи может представляться смысловым парадоксом — но именно в момент наивысшего подъёма империи в ней уже можно обнаружить смертельные язвы, впоследствии приводящие к неизбежному упадку. И Иоанн Богослов, сочиняя в пещере на острове Патмос свой религиозный текст, фактически предвидел — пусть и на своём религиозно-художественном уровне — события II–III веков, когда Римская империя угодила в длительный цивилизационный кризис, из которого так и не смогла выбраться.

Столь же интересно и другое художественное произведение — цикл из пяти картин известного американского художника Томаса Коула «Путь империи», который был написан им в 1833–1836 годах. На картинах изображены взлёт и падение воображаемого города, расположенного в нижнем конце речной долины, где река впадает в морскую бухту. Долину, несмотря на массу изменений, связанных с течением времени, легко узнать на всех полотнах. В частности, этому помогает большой камень, который неустойчиво покоится на вершине далёкого утёса, нависающего над долиной. Многие комментаторы серии «Путь империи» считают, что эта деталь картин была введена Коулом в серию намеренно,

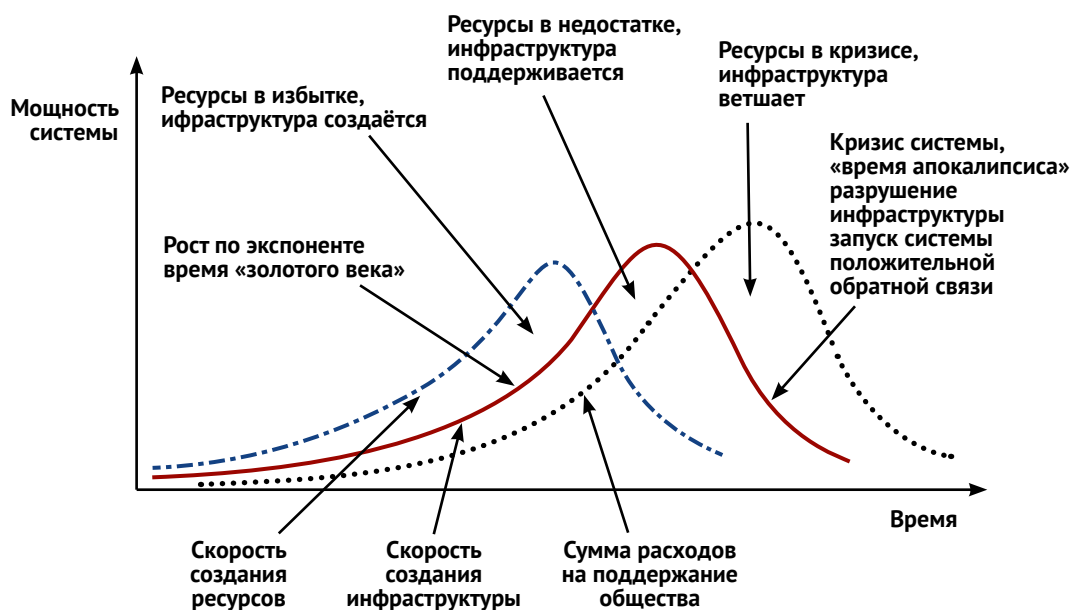

Рисунок 1.

График, иллюстрирующий подход к анализу «пути империи», который условно можно назвать «ресурсы/структура/расходы».

чтобы символически показать контраст между неизменностью земли и мимолётностью жизни человека и хрупкостью творений его рук.

Интересно то, что Коул создавал свою серию как художественный памфлет на классические античные и средневековые империи, а также на современную ему Британскую империю, но американский истеблишмент воспринял цикл картин Коула как предупреждение в свой адрес. В частности, министр финансов Леви Вудбери, ставший позднее судьёй Верховного суда США, ответил Коулу, что в Соединённых Штатах не будет разрушения — а будет лишь «восхождение вверх» по спирали. Символично, не правда ли: министр финансов отвечает художнику по поводу краха империи — за добрую сотню лет до расцвета «империи доллара» и за 150 лет до возможного «краха доллара», который является одним из сюжетов современного мира?

Переходя от художественных и культурных феноменов к реальной истории, мы видим, что империи следовали этому циклу практически всегда. Даже если формально империя существовала несколько столетий, она за это время успевала несколько раз «пересобраться» из руин и пепла, пройдя через разрушительные кризисы. Так, в истории Римской империи таких кризисов за неполные пять веков было восемь, Священная Римская империя получила те же восемь кризисов за девять веков своего существования, Китайская империя «пересо-

биралась» 13 раз за свою более чем двухтысячелетнюю историю, а рекордсменом по кризисам оказалась Византия — за тысячу лет своего существования Восточная Римская империя угодила в целых 14 кризисов, в том числе — связанных с временной утерей практически всей имперской структуры.

При этом имперский кризис часто был не просто «апокалипсисом», «концом света» — но и являлся точкой нового «рождения» империи, когда старые принципы государственного устройства, идеологии и общественного договора вынужденно менялись на новые, которые позволяли старой империи возродиться буквально «с чистого листа». Наиболее близким к нам примером будет связка Российская империя — Советский Союз — Российская Федерация, которую стоит воспринимать как двойную «пересборку» русского имперского проекта, а не как три отдельных государства. Тогда становится понятной историческая преемственность СССР от Российской империи и Российской Федерации от СССР и возможным — системный анализ тех изменений, которые произошли после кризисов 1917 и 1991 годов.

Учитывая кризисы, сопровождавшие, казалось бы, «тысячелетние» империи, можно увидеть, что реальный «имперский жизненный цикл» составляет всего лишь 150–200 лет, а иногда — и того меньше, около века. Тринадцать китайских кризисов за более чем две тысячи лет — это ещё достаточно стабильное,

«нормальное» развитие имперского проекта, которое соответствует классическому аграрно-демографическому циклу, составляющему от 200 до 300 лет. В том же случае, если имперская система выходит из равновесия в гораздо большей мере, нежели в случае стабильного и устойчивого Китая, имперские кризисы могут стать перманентными, пока не будет найдено новое решение для развития проекта. Например, в истории Римской империи восемь её кризисов разбиты на четыре чётко различимые группы, каждая из которых приводила к практически полному реформированию внутренней структуры и внешней политики. При последнем из этих кризисов Западный Рим просто не выжил — хотя Восточная империя, реформировав себя в том же кризисе V века нашей эры, смогла просуществовать ещё тысячу лет, опять же получив свои пять кризисных периодов, последний из которых она также не пережила.

Что же является основой роста, расцвета, упадка, кризиса и возможной гибели империй?

ИМПЕРСКИЙ ИНТЕГРАЛ

Для исторического анализа феномена империи нам необходимо получить некий математический аппарат, абстрактно, но точно описывающий процесс имперского развития. Пока в какой-либо отрасли знания нет математики — она представляет собой только механический процесс накопления массы разрозненных фактов, которые часто интерпретируются весьма вольно и бездумно, а в случае с историей или геополитикой — ещё и в угоду существующей политической или общественной конъюнктуре.

С другой стороны, даже простейший график, на котором уложены в унифицированном виде те или иные параметры сложной системы, даёт картину некоего исторического процесса, в котором, например, уже нет «плохих» Тони Блэра с Маргарет Тэтчер, шаг за шагом загоняющих Англию в историческое безвременье, или же «хорошей» королевы Виктории, при которой над Британской империей буквально не заходило солнце. Сталин в рамках такого анализа должен быть лишён эмоциональной оценки, точно так же, как Николай II, Ленин, Горбачёв или Пётр I. Мы должны анализировать сухой график, а не погружаться в споры о «страстотерпцах», «тиранах», «деспотах» или «помазанниках божьих». Так как уже определили, что в силу каких-то сугубо внутренних причин

проблемы конституционной монархии, республики или государственного коммунизма оказываются разительно похожими.

Поэтому проиллюстрировать такой подход к анализу «пути империи» стоит простым и наглядным графиком, который условно можно назвать «ресурсы/структура/расходы». Потому что именно в нём обычно наглядно показан сюжет любого крупного цивилизационного кризиса, без разницы — происходит ли он во времена краха Римской империи, войны за «испанское наследство», или же нынешнего длительного процесса увядания английского, европейского и, частично, русского геополитического влияния.

Вот этот график (см. рис. 1). Сначала его стоит рассмотреть в полном виде, а затем —

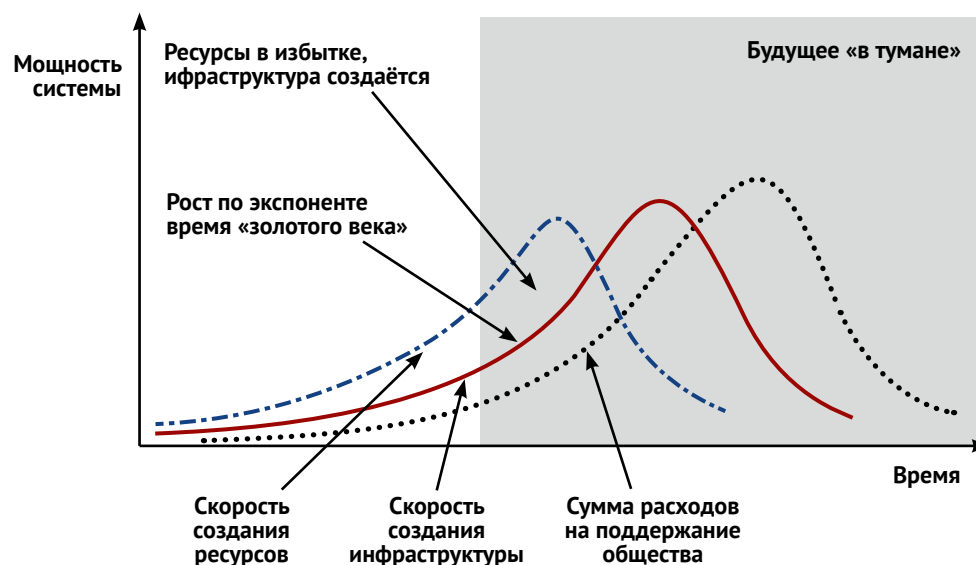

Рисунок 2.

График, иллюстрирующий, что суммарные значения наличных ресурсов или абсолютные объёмы создаваемой имперской инфраструктуры не играют никакой роли.

возвращаться к нему по мере развития того или иного исторического сюжета.

Поскольку история и общественные науки ещё только учатся пользоваться математикой, то вид этого графика весьма условен. Понятная координата этого графика пока что одна — это время. Любое человеческое общество развивается во времени — и рецепты, которые подходили для условий Российской империи образца 1904 года, ещё не проигравшей войну с Японией, никак нельзя было применять для СССР 1941 года, ещё не выигравшего войну с фашистской Германией и Японией. Просто потому, что СССР находился в ином состоянии, нежели поздняя Российская империя. А вот крах Рима или же нынешнее увядание Великобритании, Евросоюза или США могут оказаться чрезвычайно схожими, так как эти системы попадали (или в ближайшее время попадут) в одни и те же условия и испытывали (испытуют в будущем) на себе влияние сходных факторов.

Поэтому, выбирая на временной оси некую условную точку «начала империи», можно строить параметрические графики. А вот с вертикальной осью ситуация посложнее. Тут отображены сразу три функции: создание первичных ресурсов, создание инфраструктуры того или иного общества и затраты на поддержание такой инфраструктуры.

Понятное дело, определение некоей абстрактной «мощности» этих трёх функций на одном графике весьма условно. Миллион кирпичей можно превратить в Колизей, а по-

том этот Колизей разобрать на тот же миллион кирпичей и сделать из них, например, 1000 домов на развалинах Рима. Но с точки зрения исторического процесса все эти сущности взаимосвязаны: сначала определённые ресурсы тратятся на создание некоей сложной сущности, важной для людей, а потом эта сущность постепенно ветшает и приходит в негодность, а люди в это время пытаются её спасти и сохранить. Как мы упоминали, часто этот процесс заканчивается весьма печально — сложная, построенная людьми система попадает в кризис и, не получая подпитки свежими ресурсами извне или за счёт внутренних резервов, неизбежно разрушается и распадается на более простые компоненты.

При этом, что интересно, часто сами по себе первичные ресурсы в такой создающейся, а потом — разрушающейся системе вроде бы никуда не деваются, каменные блоки сначала «собираются» в Колизей, а потом — распадаются, порождая на руинах старого мира новые организационные формы, обычно более простые и менее требовательные к ресурсам. По сути дела, в таком варианте человеческое общество и представляющая такую общность людей видимая империя ведут себя как биологический супер-организм, который тоже проходит в своём развитии естественные этапы рождения, роста, старения и смерти. Отсюда, кстати, и образы «дряхлой» Римской империи V века нашей эры, «больного человека Европы» — поздней Османской империи или же навязчивый образ старой английской

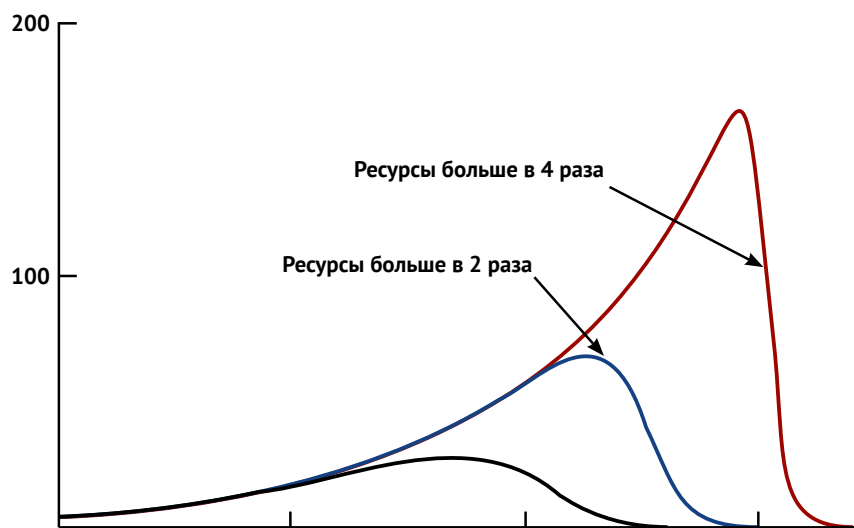

Рисунок 3.

График, иллюстрирующий, что начальное количество ресурсов оказывается не столь важно, как возможность последующего вовлечения в процесс роста новых, доступных для освоения свободных ресурсов.

девы в качестве образа современного Британского содружества. Мы интуитивно понимаем, что «золотой век» Рима — это первый, а не пятый век нашей эры, Стамбул проиграл не в XX веке, а ещё в XVII и так далее.

Конечно же, такой сверхорганизм, как мировая в прошлом держава, гораздо сложнее какой-нибудь амёбы — точно так же, как римский Колизей много сложнее любого каменного блока, но тут в любом случае приходится оперировать неточными аналогиями. Всё-таки история и социология пока только учатся пользоваться математикой, а приведённые в статье графики носят оценочный характер. Тем не менее при желании ресурсный график можно построить с большей точностью, а график расходов того или иного государства столь же просто почерпнуть из его бюджетов, цифр ВВП и отраслевого баланса.

«ВРЕМЯ БУРИ И НАТИСКА»: БЛАГОСТНАЯ ЭКСПОНЕНТА

Начальный этап развития любой империи, будь то государство Александра Македонского, классического Рима или же колониальной Британской империи, — более-менее одинаков. Обычно в это время все три кривые растут по экспоненте, хотя и с небольшим отставанием друг от друга. В этот удивительный момент времени всё кажется безоблачным, и ещё «ничто не предвещает скорого конца». Современники и потомки воспринимают это время как «время бури и натиска», в котором

безудержный рост и взрывное развитие являлись привычной и обыденной ситуацией, а все насущные проблемы решались буквально по мановению некоей «волшебной палочки».

Что интересно — суммарные значения наличных ресурсов или абсолютные объёмы создаваемой имперской инфраструктуры не играют на данном графике (см. рис. 2) никакой роли. Важен сам принцип империи, в котором всё доступное количество ресурсов тратится не на гомеостатическое, равновесное поддержание некоего «скромного» существования, а на пространственную, технологическую, культурную или экономическую экспансию имперского общества и государства.

Как следствие этого процесса количественного и качественного роста имперского сверхорганизма, который очень напоминает математическую функцию экспоненты, начальные количества ресурсов оказываются отнюдь не столь важны, как возможность последующего вовлечения в процесс роста новых, доступных для освоения свободных ресурсов. Для примера: на приведённом графике (см. рис. 3) в условных единицах показана «прожорливость» экспоненты к ресурсам: увеличение ресурсной базы в 2 раза продлевает период экспоненциального роста всего лишь в полтора раза (с условных 40 до 60 лет), а увеличение в целых 4 раза — и того меньше, с 60 до 75 лет.

Отсюда мы можем сделать интересный вывод: рост империи — не просто некая историческая прихоть или же нестигаемая воля того или иного абсолютного монарха, но это

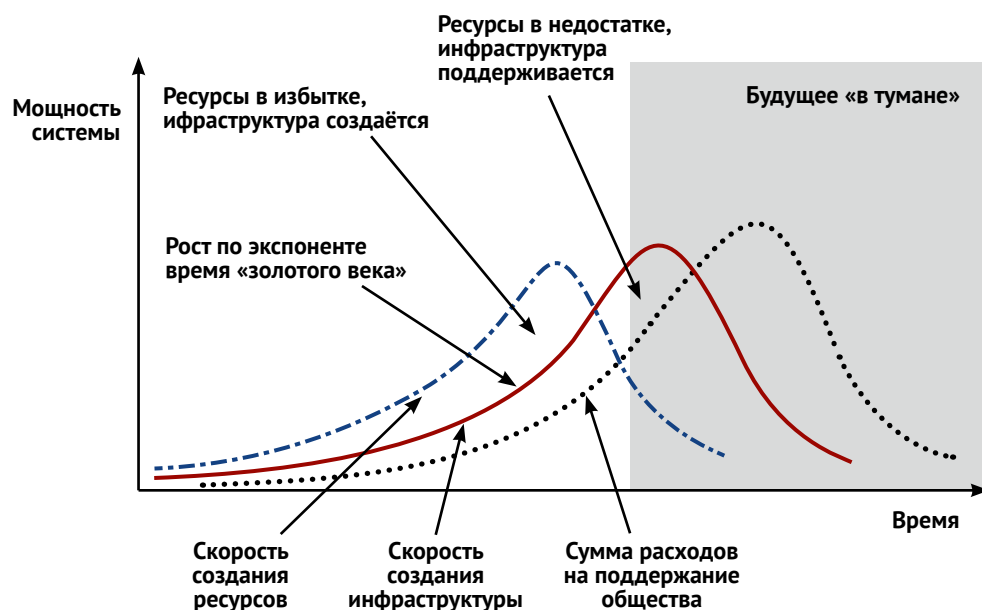

Рисунок 4.

График, иллюстрирующий, как выглядит второй этап исторического процесса.

«альфа и омега» любого имперского организма. Любая империя в чём-то похожа на хищную акулу — пока она находится в движении, подразумеваемом как развитие, — она живёт, а её условные «жабры» получают столь важный «кислород»: внешние или же внутренние ресурсы, которые она мобилизует на своё развитие, вырывая из гомеостазиса обыденности и повседневности.

В качестве исторического примера к данному графику очень показательно использовать Англию, Британскую империю и современную Великобританию. Просто потому, что для неё этот график уже полностью закончился — и дошёл до своего логического конца. Да и история всего британского могущества пришлась на XVIII–XX века, которые всем современным людям более известны, нежели античность I–V веков и связанная с ней история Римской империи или же две тысячи лет истории имперского Китая с династиями Цинь, Хан, Тан, Чжао (Сун), Юань, Мин и Цин, каждая из которых проходила свой собственный имперский цикл. История же имперской Англии — это лишь один цикл имперского могущества, практически модельная система взрывного роста, расцвета, упадка и весьма вероятной скорой гибели имперского организма.

Что говорит нам математика о прошлом Великобритании? Например, об эпохе королевы Виктории, которую сегодня справедливо почитают пиком английского могущества? У нас есть три функции: ресурсы, инфраструктура

и стоимость её поддержания. Все три функции в этот период времени уверенно растут. Ресурсов в избытке хватает на любые, самые смелые проекты, они реализуются и приносят зримую выгоду всем людям империи: начиная от королевской семьи и английской аристократии, через Ост-Индскую кампанию и английский бизнес — и вплоть до последних моряков английского флота и бедноты из лондонских трущоб. Любая имперская авантюра стоит неизмеримо дёшево: расходы на содержание всей культуры, торговли, промышленности и, в целом, цивилизации викторианской эпохи находятся на весьма низком уровне. Тогдашний герой Великобритании — отнюдь не скромный американский художник Томас Коул, но поэт Редьярд Киплинг, поющий о «бремени белого человека» и одновременно декламирующий:

*Осушим наши стаканы
За острова вдали,
За четыре новых народа,
Землю и край земли.
Ведь наша любовь — это пушки,
и пушки верны в боях!
Бросайте свои погремушки,
не то разнесут в пух и прах —
бабах!
Тащите вождя и сдавайтесь,
все вместе: и трус, и смельчак;
Не хватайся за меч, не пытайся утечь,
нет от пушек спасенья никак!*

Империя идёт вперёд, идёт железной поступью — и ничто, кажется, не предвещает её ближайшего упадка и краха.

ЧЕРЧИЛЛЬ В МОЛОДОСТИ, ЧЕРЧИЛЛЬ В СТАРОСТИ: ЧТО-ТО ПОШЛО НЕ ТАК...

Снова посмотрим на наш график (см. рис. 4). Вот как выглядит второй этап исторического процесса на нашем графике:

Во-первых, в системе уже начинается кризис ресурсов. Их добыча падает, либо же превращается, как в случае высококачественного английского кардиффского угля, в «хождение за три моря», когда за каждый килограмм тогдашнего «чёрного золота» приходилось платить всё дороже и дороже.

Кардиффский уголь — это высококачественный, малозольный антрацит, залегающий в Уэльсе, на западе Британских островов. Залежи кардиффского угля были хорошо известны, так как местами выходили на поверхность, в силу чего кустарным способом разрабатывались ещё со Средневековья.

Однако по-настоящему массово добыча кардиффского угля стартовала после начала расцвета цветной и чёрной металлургии в Уэльсе, так как рядом с этим качественным углём удачно обнаружилось и богатые медные, никелевые и железные руды. Уже в 1891 году добыча кардиффского угля составила 30 млн тонн. Но ещё более стремительно (практически по той же экспоненте) начала расти и числен-

ность уэльских шахтеров — дошло до того, что местные металлурги даже заключали с рабочими договора о том, что те не перейдут на работу в шахты, где разнорабочим стали платить больше, чем квалифицированным работникам на заводах. И это было плохим признаком, означавшим что «угольные сливки» в Уэльсе уже сняты, и добывать качественный уголь становится всё тяжелее и тяжелее. Если в 1883 году производительность труда в Уэльсе составляла 309 тонн на человека, то в 1900 году она упала до 266 тонн, а к 1912 году снизилась до 222 тонн на каждого рабочего.

Предвоенный 1913 год стал пиком добычи угля для Уэльса, когда на гора́ было поднято 56,8 млн тонн кардиффского «чёрного золота». Но это далось невероятно высокой ценой — число занятых в угольной отрасли достигло четверти миллиона человек!

Для сравнения: американская Западная Вирджиния в том же 1913 году добыла сравнимую цифру похожих качественных углей — 62,7 млн тонн, только вот число шахтеров там составило лишь около 70 тысяч человек. Как говорится — почувствуйте разницу в производительности труда.

Кроме того, высококлассные валлийские специалисты, знающие угледобычу, были к тому времени нарахват по всему миру. Например, ещё в 1869 году уроженец Уэльса Джон Хьюз (Юз) начинает строительство завода в российской Юзовке — будущем Донцке. И здесь мы видим второй момент, связанный

с кризисом ресурсов, — в этот период времени чётко выстроенная и централизованная структура имперского организма начинает распадаться и «дрожать»: большая часть насущных проектов, которые обеспечивают ресурсные потребности империи, переносится из метрополии и исторически связанных с нею провинций на далёкую периферию (в колонии), а то и далеко за пределы имперских границ.

В частности, именно за это ругали поздний СССР, который по столь же объективным причинам развивал ресурсно богатую Среднюю Азию — или даже «помогал» странам Африки и Азии, но при этом весьма скупно вкладывал в собственные, исторически российские регионы. Причина такого подхода при отстранённо-математическом взгляде на динамику империй становится очевидной: в колониях или отдалённых провинциях ресурсы обычно стоят дешевле и более доступны, нежели в хорошо освоенных внутренних провинциях, и тем более — в метрополии.

Третьим фактором, который сопровождает пиковое состояние империи, является то, что нарастающий недостаток ресурсов побуждает имперскую цивилизационную систему уменьшать расходы на создание инфраструктуры, в то время как сумма расходов на поддержание существующей инфраструктуры продолжает рост — вслед за числом храмов, дворцов, кораблей, авианосцев, армий или торговых караванов.

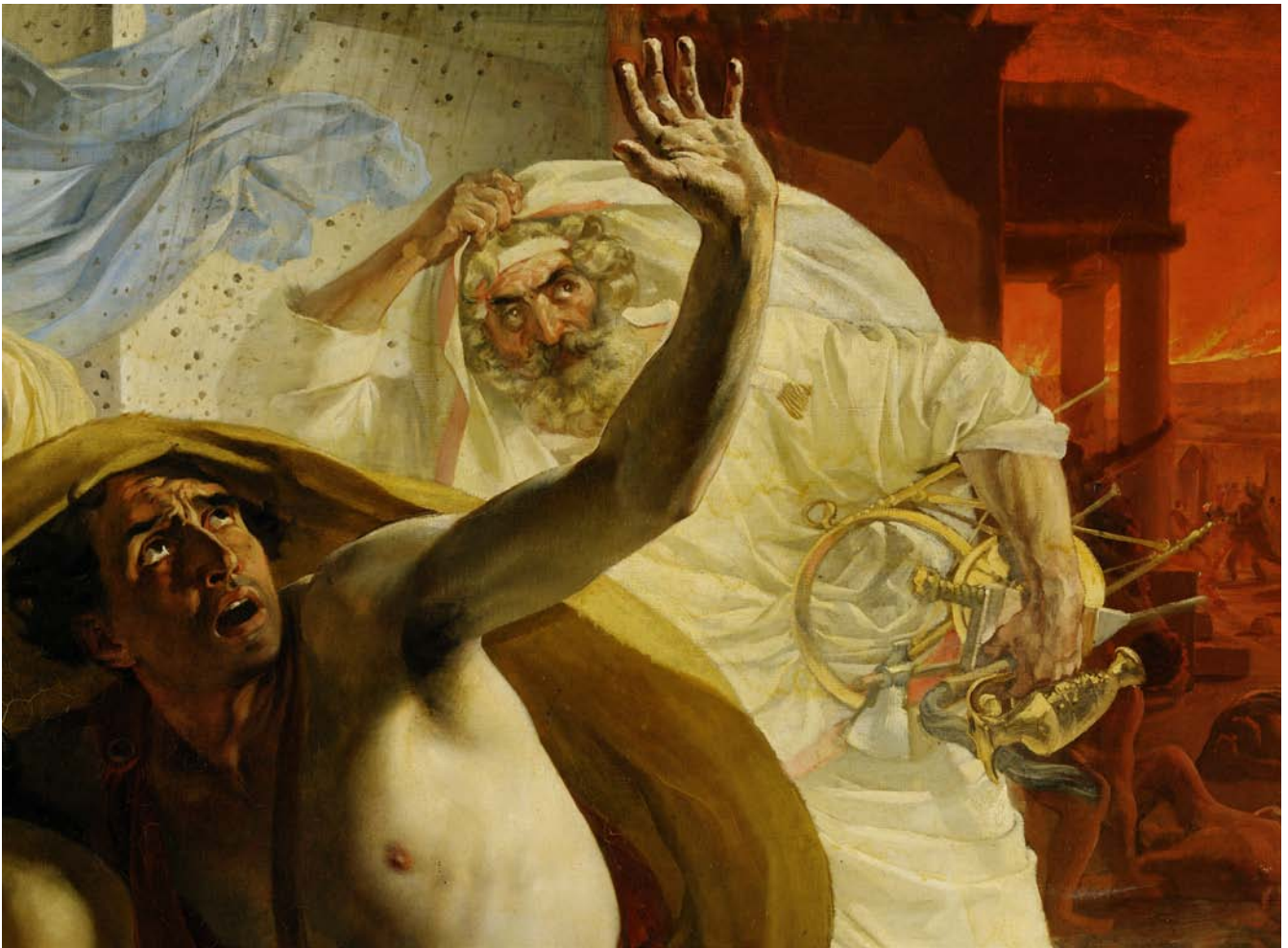
А что нам говорит история? Есть ли у неё подтверждение — или же опровержение нашей математической модели? Да, есть. Как пример стоит привести историю всё той же «Англии — владычицы морей» и грустный сюжет деградации её морского могущества.

Последняя «гонка вооружений», которую Англия смогла всё-таки с честью выиграть, была «дреднотная гонка», которая пришлась на период назначения будущего премьер-министра страны Уинстона Черчилля Первым лордом Адмиралтейства. Уже в тот момент было ясно, что на море Британии предстоит соперничать не только с Францией и Германией, но и с США. Расходы на военно-морские силы к началу XX века стали самой крупной затратной статьёй британского бюджета. Черчиллю было поручено проведение реформ при одновременном повышении эффективности затрат — всё в той же логике «роста любой ценой», но уже с оглядкой на то, что казна империи всё-таки не «резиновая».

Инициированные молодым лордом перемены находились где-то на грани чуда, совмещённого с авантюризмом: Черчилль разогнал все старые структуры Адмиралтейства, унаследованные ещё от парусного флота, организовав главный штаб военно-морских сил. Им была учреждена морская авиация, спроектированы и заложены военные корабли всех новых типов, включая линкоры-дредноуты, эскадренные миноносцы и подводные лодки. Несмотря на наличие кардиффского угля, Черчилль инициировал массовый перевод английских военных кораблей на жидкое топливо. Кроме того, в строительстве линкоров он и вовсе пошёл на авантюру — по первоначальному плану кораблестроительная программа 1912 года должна была составлять четыре улучшенных линкора типа «Айрон Дьюк» с проверенными 13,5-дюймовыми орудиями. Однако новый Первый лорд Адмиралтейства приказал переработать проект под главный калибр в 15 дюймов — при том что даже проектные работы (!), не говоря уж об испытаниях этих орудий, ещё даже не были завершены. В результате были созданы весьма удачные линкоры типа «Куин Элизабет», которые современники назвали «кораблями из будущего», прослужившие во флоте Великобритании вплоть до 1948 года.

Но даже гений и здоровый авантюризм молодого Черчилля не смог спасти «владычицу морей» от цивилизационного поражения. Хотя формально Великобритания закончила Первую мировую войну в ранге победителя, её экономика и морское могущество были окончательно подорваны. Уже в 1922 году Великобритания была вынуждена подписать невыгодное для неё Вашингтонское соглашение по ограничению морских вооружений, которым де-факто признавала право США и Японии создать военно-морские силы, сравнимые с британскими. Согласно условиям этого соглашения, линейные флоты этих трёх ведущих морских держав фиксировались в отношении 5:5:3, а Великобритания утрачивала сохранявшееся весь XIX век состояние, когда её флот превосходил по мощи военно-морские силы двух других ведущих мировых держав, вместе взятых.

Окончательную точку в уходе с мировой арены британского военного флота, как ни печально, пришлось ставить тому же Черчиллю. Именно он был вынужден подписать позорный для Великобритании договор «Эсминцы в обмен на базы», который подразумевал передачу

США 50 американских эсминцев британскому флоту в обмен на ряд заморских территорий империи. Договор был заключён 2 сентября 1940 года между США и Великобританией. Американские эсминцы времён Первой мировой войны, находившиеся на консервации уже четверть века, передавались британской стороне в обмен на долгосрочную аренду (на 99 лет) ряда английских колониальных земель. Британская империя «увяла» за какие-то 25 лет: столь стремительным был её взлёт и столь же молниеносным — её падение.

ОТ МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР ДО ТЕРЕЗЫ МЭЙ: УМИРАНИЕ ДЛИНОЙ В ПОЛВЕКА

Хорошо известна крылатая фраза экономической теории: «прилив поднимает все лодки». В самом деле, говоря о фазе роста в имперском цикле, мы часто употребляем слова «бум», «железная поступь», «лихорадка» или даже «взрыв».

Именно так люди, оказавшиеся современниками этой фазы, называют явления

экономического, военного, культурного и социального роста. Когда египетское зерно покупает всё восточное Средиземноморье, римские легионы маршируют вплоть до Парфии, а над вечной Британской империей никогда не заходит солнце. Ну или когда российские газ и нефть покупают и в Европе, и в Китае, а богатства Сибири и Арктики кажутся неисчерпаемыми.

Но метафора «взрыва» сама по себе задаёт и пределы роста. Невозможно расти по экспоненте вечно — рано или поздно параметр, вроде бы являющийся в начале процесса несущественным, вдруг оказывается определяющим и ограничивающим этот «вечный» рост.

Именно такой сюжет и играет определяющую роль в последней, острой фазе любого кризиса: недостаток ресурсов превращается в катастрофу, которая не просто останавливает рост инфраструктуры, но и ставит перед обществом простой вопрос: а как всё это великолепие можно содержать дальше? «Туман будущего» в этот момент времени уже полностью развеялся, абстрактная «армия

Венка» так и не пришла спасать осаждённый Берлин, а варвары со всех сторон, подобно падальщикам, окружают умирающую империю (см. рис. 5).

В математике ситуация совершенно ясна — функция условных ресурсов империи незримо определяет поведение двух других функций: создания инфраструктуры и процесса поддержания на плаву уже созданного. Легко создать, как пример, одну ветку столичного метро — все ресурсы будут брошены на строительство. А в тот момент, когда в городе действует уже больше сотни станций метрополитена, большую часть ресурсов вы будете тратить не на рытьё тоннелей, а на такие тривиальные вещи, как ремонт эскалаторов или же уборку мусора на уже построенных станциях. Это — правда жизни.

Поэтому-то любая система, попавшая в ресурсный кризис, действует совершенно однообразно: сначала она сокращает инвестиции во всё новое и рискованное, потом останавливает даже текущее развитие, а затем — начинает просто «поедать саму себя», когда под видом «экономии» или же «борьбы с издержками» происходит просто разрушение существующего общественного цивилизационного уклада.

Именно такой процесс мы наблюдали — и продолжаем наблюдать в современной нам Великобритании. При этом речь уже идёт не просто о судьбе её военно-морского флота — там-то всё уже практически понятно: британские военно-морские силы ещё со времён ракет «Поларис» являются «филиалом» U.S. Navy. Речь идёт о полной и окончательной

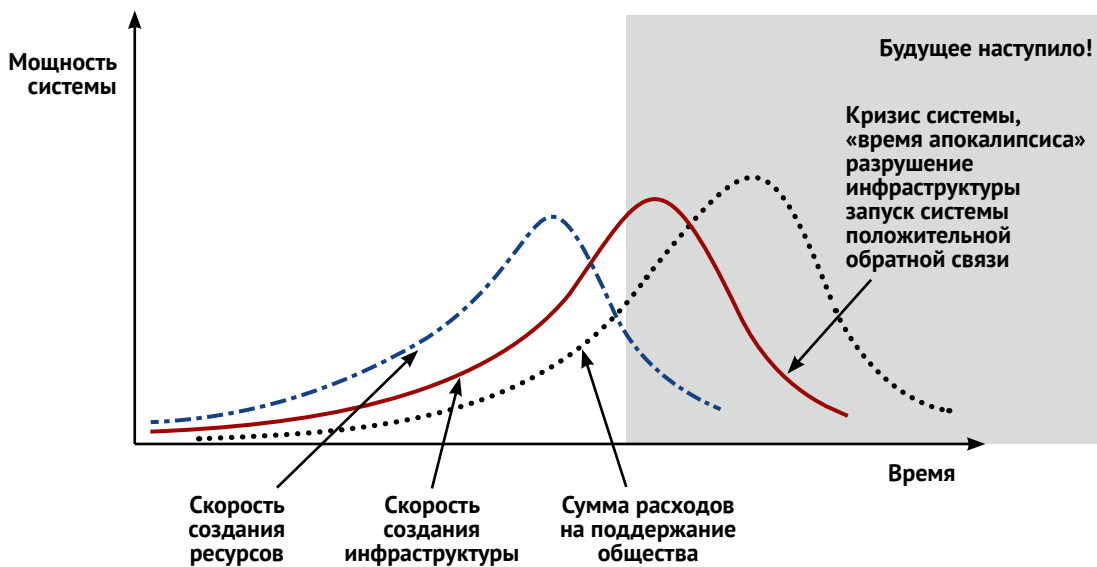

Рисунок 5.

График, иллюстрирующий последнюю острую фазу любого кризиса: недостаток ресурсов, превращающийся в катастрофу.

деградации всей британской инфраструктуры, которая происходит у нас на глазах.

Например, спецслужбистам, которые работали в английской MI6/SIS времён Черчилля, наверное, и в страшном сне не могло привидеться «дело Скрипалей». С непонятными нестыковками, ляпами, убиенным котом и морскими свинками, бомжами, находящими «духи «Новичок», с «изготовлением» готовой отравляющей смеси в общественном туалете, с якобы «загадочным» бегством «агентов ГРУ» в Россию... И это всё — в непосредственной близости от лаборатории химического оружия Портон-Даун, где накануне «что-то взорвалось», да ещё с человеческими жертвами...

Но столь поверхностный и ироничный взгляд на Великобританию — это лишь часть общей картины. В реальности же анализ её решений и поведения на международной арене даёт совсем иную картину: даже если действия Лондона иногда и выглядят комично и непоследовательно, в целом английская элита вполне уверенно борется за своё место под солнцем, хотя и вынуждена сегодня довольствоваться малым.

Образ «гадящей англичанки», который обычно сопутствует вульгарному прочтению английской тематики, достаточно адекватен — нынешние успехи английской дипломатии, бизнеса или военной машины достаточно скромны. Можно сказать, что «англичанка гадит», но всё чаще — «под саму себя», как иногда бывает с дамами почтенного возраста. При этом у старой леди остаётся ещё немало тайных связей и рычагов, которые используют-

ся для того, чтобы даже в такой прискорбной ситуации если не сами продукты её геополитической жизнедеятельности, то, по крайней мере, не прямые последствия (фигурально выражаясь, «вонь и брызги») достигали незадачливых адресатов и решали насущные проблемы самой Великобритании. И такое поведение в общем-то имеет под собой объективную основу, продиктованную нынешними возможностями туманного Альбиона.

При оценках текущей геополитической обстановки фактор Великобритании обычно воспринимается как некий «промежуточный кубик» между США и Евросоюзом. Наихудший член Евросоюза, да ещё и покидающий его в результате злополучного «Брекзита» — или же столь же смешной «51-й штат США», чьи претензии стать неотъемлемой и основополагающей частью евроатлантического сотрудничества уже стали притчей во языцех, но чьё реальное состояние уже гораздо ближе к злополучному Пуэрто-Рико, чем к преуспевающим Калифорнии или Техасу.

Это — участь старой, умирающей империи. Имперская структура, кроме своей внешней атрибутики, имеет ещё и глубинный, скрытый слой, который используется старыми империями для своей самозащиты, а также пусть и жалкого, но выживания.

Например, Византия смогла найти такое чудесное, пусть и оригинальное спасение в православном прозелитизме, с помощью которого смогла успешно распространить восточную ветвь христианского учения на «варварские» народы: болгар, сербов, румын, грузин и все

ветви русского народа. Такой «экспорт религии» отчасти спас Византию, так как умирающая империя смогла организовать на своих границах пояс дружественных государств. И только приход новой, мусульманской веры, которая противостояла византийскому православию, окончательно сгубил «вечный город» Константина.

Точно так же сегодня Великобритания продолжает использовать «пояс дружественных империи стран», под которым подразумеваются бывшие британские колонии и доминионы. Конечно, сегодня эта зависимость имеет, скорее, противоположный знак: пакистанские и индусские кварталы в Лондоне — вместо колониальной администрации в Карачи или Бомбее. Но для умирающей империи это тоже вопрос получения хоть какого-то ресурса, в данном случае — человеческого.

РОССИЯ: СТОИТ ЛИ НАМ СМОТРЕТЬ НА АНГЛИЙСКУЮ «СТАРУШКУ»?

Как уже отмечалось выше, имперский цикл абсолютно не связан с формой правления или с господствующей идеологией в имперском государстве. Суть империи — выход из состояния относительного гомеостаза, характерного для большинства национальных государств, которые могут существовать на «низком уровне энергии» столетиями.

В таком прочтении исторического материала судьбы Британской, Римской, Византийской или Российской империй можно рассматривать в рамках единого подхода — который в том числе позволяет достаточно уверенно предсказывать будущие события. Ведь блеск, очарование, фатум и злой рок имперского цикла определяется отнюдь не нашими идеологическими, политическими или историческими предпочтениями, но зависит от глубоких, фундаментальных факторов, пренебрежение которыми обычно и приводит империи к разрушительным кризисам и к бесславному краху.

Конечно, в истории империй есть и немало примеров «чудесного» спасения. Например, Византийская империя смогла буквально «возродиться из пепла» после разгрома её крестоносцами в 1204 году — и просуществовать ещё добрых два с половиной века. Упомянутая культурная экспансия тогда спасла Византию, которая пережила вторжение крестоносцев, «проживя в подполье» в виде Никейской империи. Никея во многом опиралась на народы и территории, ставшие дружественными

Византии после распространения «греческой» веры — и именно этот факт дал ей нужное количество ресурсов для борьбы за сердце утерянной Византии — блистательный Константинополь.

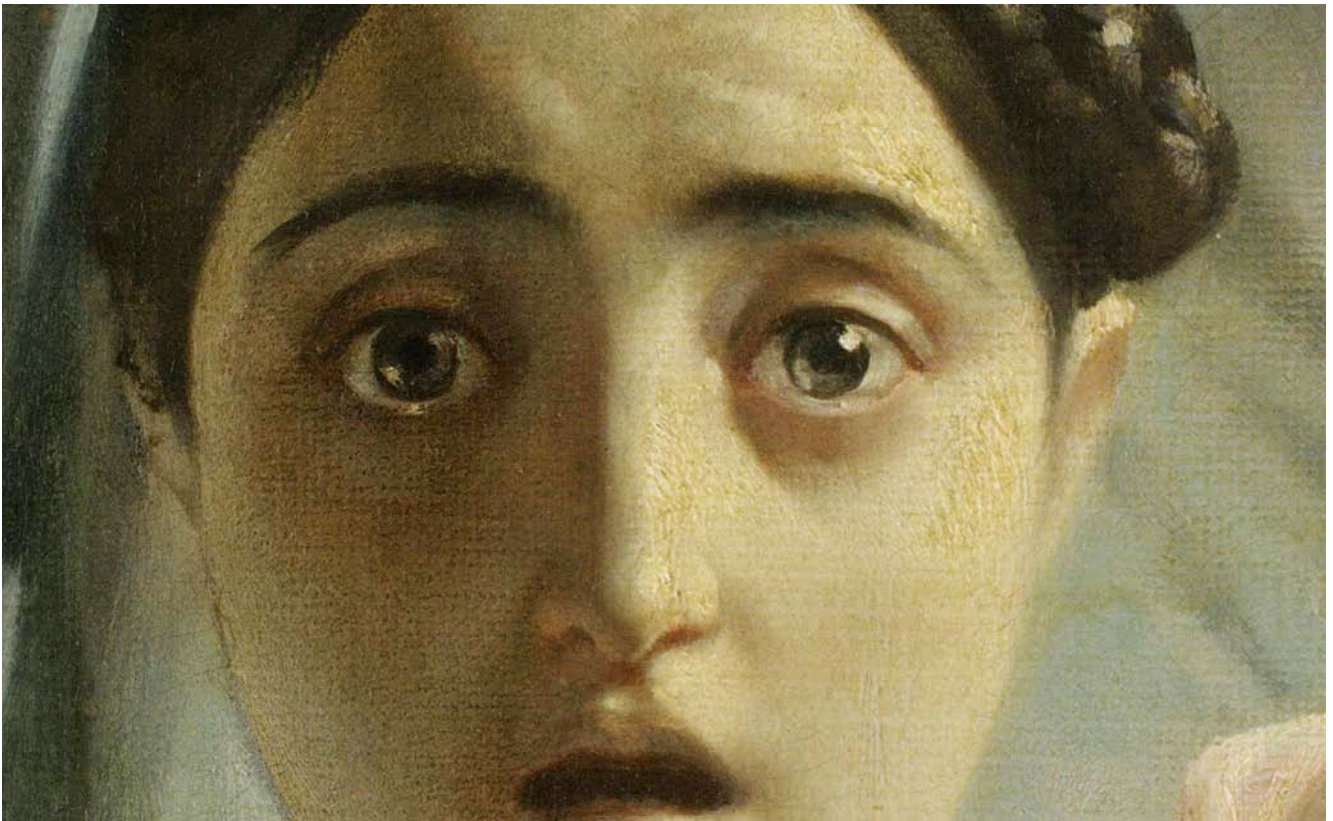
Неоднократно «пересобирался» заново исторический Китай, для которого проклятие имперского цикла стало буквально исторической «Санта-Барбарой» во множестве серий. Повторяющийся цикл прихода очередных варваров, завоевания ими Китая, укоренения в нём и запуска следующего имперского цикла стал возможен за счёт географической изоляции Китая при уникальном богатстве его собственной территории — прежде всего, климатическими и человеческими ресурсами. Рецепт «разумной автаркии», эффективной ассимиляции пришельцев и опоры на собственные силы применялся Китаем последовательно со времён создания Великой китайской стены — и позволил если не управлять имперским циклом, то хотя бы перезапускать его заново каждый раз в максимально подходящем для Китая направлении.

Наконец, есть и собственный исторический опыт России, которая пережила в историческое время минимум три радикальные пересборки: после татаро-монгольского нашествия, в Смутное время начала XVII века и во время двух революций и Гражданской войны 1917–1921 годов.

Превращение феодальной, раздробленной Руси в централизованное Московское государство, затем его превращение в Российскую империю и, наконец, трансформация этой империи в «красный проект» СССР — неочень исторический имперский опыт, который надо не охаивать как некую «историческую трагедию», но воспринимать как ценнейший исторический опыт, накопленный нашими предками.

К сожалению, трансформация СССР, которую затеяла советская элита в момент перестройки, явно была направлена против логики имперского цикла. Вместо поиска новых ресурсов для развития, вместо пересборки империи на новых принципах, во главу угла была изначально поставлена провальная концепция «маленькой, удобной России», которая якобы должна была стать лишь самым восточным европейским национальным государством (ну — или самым западным азиатским).

Однако такой подход по умолчанию был и остается ущербным. Имперский цикл можно лишь перезапустить — «спокойно» выйти

из него можно лишь с громадными территориальными, инфраструктурными и людскими потерями. Первый удар, который получил русский имперский проект в 1991 году, отнюдь не был последним — видно, что внешние силы стараются максимально усугубить нынешнее, весьма неустойчивое положение современной России, чтобы добиться фактического раздела «русского наследства». В отличие от современной Великобритании, которая за счёт утраты своих колоний и геополитического веса стала удобным партнёром как для США, так и для новой европейской империи, Евросоюза; у России такого исторического шанса нет.

«Партнёром» США или ЕС может стать только полностью зависимая от них территория, наглядным примером чего является современная Украина. Нынешняя Россия для этой роли слабо подходит — для такого «партнёрского» статуса надо отказаться от ядерного оружия, современной промышленности и собственной политической позиции. Кроме того, неизбежным вариантом такого сценария является и утрата единства России — в этом случае «партнёры» (а точнее — колонизаторы) постараются создать на территории страны всякие управляемые «Казаккии», «Сибирии» и «Ингерманландии», чтобы исключить любую возможность русского исторического реванша.

Однако у России есть и позитивный сценарий. Современной Российской Федерации в наследство от СССР и Российской империи, как ни парадоксально, достались лучшие земли. Не в плане климата или доступности тёплых морей — но с точки зрения сохранения имперского проекта. У России, в отличие от нынешнего Соединённого Королевства, на сохранившейся территории достаточно собственных ресурсов, по-прежнему проживает большая часть бывшего населения империи (при этом — максимально лояльного любому новому имперскому проекту), а протяжённость и негостеприимность территории создаёт неудобство не только для самих русских, но и для любой внешней силы, которая постарается расчленить или взять под контроль такую громадную страну. Если Китай защищали пустыни и горы, то современную Россию защищают расстояния внутри неё самой.

Кроме того, сфера русского влияния, как и сфера влияния Византии в период Никейской империи, никуда не делась, что наглядно показали (и показывают) события в Донбассе и Крыму.

Всё это значит, что у современной России есть шанс на перезапуск нового имперского проекта. И такой шанс ни в коем случае нельзя упускать.

/ Андрей ОСТРОВСКИЙ /

КНР: есть ли пределы роста?

Вот уже много лет, начиная с 80-х гг. прошлого века, многочисленные эксперты предсказывают экономике КНР стремительное снижение темпов роста и, в конечном счёте, крах всего «китайского проекта», вплоть до распада самой населённой страны мира. Для доказательства этого тезиса приводятся такие возможные факторы, как последствия от вступления КНР в ВТО, закрытие большого количества нерентабельных предприятий, большой разрыв в доходах между богатыми и бедными, приморскими и внутренними районами, сложности в получении банковских кредитов для большинства предприятий, а также проблемы народонаселения и экологии. Как основной аргумент, доказывающий правоту этих экспертов, выдвигался также тезис о том, что публикуемые ГСУ КНР с начала 1980-х гг. статистические данные являются завышенными, и мировое сообщество просто переоценивает результаты китайских экономических реформ.

В последнее время активно говорили о том, что Китай исчерпал все внутренние резервы роста, и для дальнейшего устойчивого развития ему необходимо активно развивать внешнеэкономическую экспансию, наращивать объём инвестиций за рубеж. Поэтому для сдерживания развития китайской экономики рекомендуют ограничивать потенциал внешнеэкономических связей Китая и с этой целью даже идти на нарушения основных принципов ВТО. Судя по всему, в США серьёз восприняли эти рекомендации и начали против КНР торговую войну, пытаясь ограничить китайский экспорт и инвестиции за рубеж.

Огромные диспропорции в развитии между приморскими и внутренними районами — это реальность, поскольку на протяжении многих лет Китай развивался неравномерно, в основном — за счёт своих приморских районов. С начала XXI века в Китае реализуются различные программы регионального

развития, которые предусматривают значительные инвестиции в экономику западных, центральных и старых промышленных северо-восточных районов Китая. Однако практически по всем основным экономическим показателям: объём ВВП, инвестиций, внешней торговли, размер местных бюджетов, жизненный уровень населения, — территории внутренних районов Китая значительно уступают приморским провинциям. Но такая ситуация показывает, что внутренние районы КНР являются гигантским резервом для развития её экономики в XXI веке. Реально ли это?

Если сопоставлять результаты социально-экономического развития Китая за 1980–2017 гг. с результатами таких стран, как Индия и Россия, то мы увидим, что в начале 80-х гг. Китай и Индия находились примерно на одном уровне, а в настоящее время Китай опережает Индию в 5 раз. 25 лет назад экономика России была больше китайской, а сегодня объём российской экономики составляет всего 12% от экономики КНР.

В то время как мировая экономика время от времени попадает в полосу различных финансовых и экономических кризисов, Китай уверенно движется вперёд. На фоне остальных стран мира его экономика растёт примерно в 2 раза быстрее и является главным «локомотивом» мирового развития. КНР сохраняет лидирующее положение в мире в сфере внешней торговли: 1-е место в мире по объёму экспорта и 2-е место по объёму импорта. Китай становится одним из основных игроков на международном финансовом рынке, китайская валюта вошла в корзину обязательного резервирования МВФ наряду с американским долларом, евро, британским фунтом и японской йеной.

Отсюда можно сделать вывод, что активно разрабатываемые на Западе «теории о распаде Китая» (*Чжунго бэнкуйлунь*) не соответствуют реальному положению дел. И, как отметил в интервью китайской газете

«Хуаньцю шибао» в ходе XIX съезда КПК (октябрь 2017 г.) профессор Фуданьского университета (Шанхай) Чжан Вэйвэй, «в настоящее время «теория о распаде Китая» сама потерпела полный распад».

Тем не менее в настоящее время для устойчивого социально-экономического развития Китая существует ряд проблем — таких как нехватка энергоресурсов, избыточное население за пределами трудоспособного возраста, чрезмерная загрязнённая окружающей среды. Безусловно, эти проблемы тормозят поступательное развитие Китая, затрудняют решение поставленных задач построения общества «малого благоденствия».

Составление научно обоснованного прогноза развития китайской экономики — дело сложное. Зачастую не только долгосрочные, но и кратко- и среднесрочные прогнозы по Китаю оказывались весьма далёкими от реальности: как в силу недостаточного знания прогнозируемыми китайской действительности, так и недооценки потенциала самого Китая. В настоящее время необходимо обратить внимание на ранее сделанные прогнозы развития китайской экономики: 1) американских учёных; 2) советских и российских учёных; 3) китайских учёных и государственных структур КНР.

АМЕРИКАНСКИЕ ПРОГНОЗЫ

В начале XXI века американские учёные, как правило, давали весьма скромные прогнозы развития китайской экономики. По этим прогнозам, до 2010 г. среднегодовые темпы прироста ВВП КНР должны были составлять: 6,5–8,5% (А. Кейдл), 5,5–7,5% (А. Мэдисон), 5,5–6,0% (А. Сигал), 6,6% (Всемирный банк), 9,0% (Лоуренс Лоу), 2,0–2,5% (Т. Равски). Тем не менее официальные среднегодовые темпы прироста ВВП КНР составили в 1979–2010 гг. — 9,9%, а в 2001–2010 гг. — 10,5%. Как можно видеть, наиболее точным оказался прогноз американского профессора Лоуренса Лау из Стэнфордского

университета. Однако другие американские учёные, в частности, Т. Равски и А. Волдрон, неоднократно выступали с заявлениями о фальсификации китайской статистики и возможности резкого падения ВВП после вступления КНР в ВТО в 2001 г. по причинам, связанным с неконкурентоспособностью китайских товаров как на мировом, так и на внутреннем рынке в условиях снижения таможенных тарифов, ликвидации нетарифных ограничений, отмены импортных квот и др.

По вопросу темпов прироста ВВП КНР ещё в 2003 г. состоялась полемика двух известных американских Китаеведов: экономистов Томаса Равски и Николаса Ларди о качестве китайской статистики и способах проверки китайских данных. В ходе этой полемики Н. Ларди убедительно доказал соответствие данных китайской статистики по ВВП реальному положению дел на основе таможенных данных по росту импорта в КНР (проверяемые показатели по данным внешнеторговой статистики как международных организаций, так и стран — торговых партнёров Китая). В дальнейшем американскими учёными был подготовлен доклад о ситуации в мировой экономике и политике в 2025 году, который обсуждался на встрече американских и российских учёных в Институте США и Канады РАН в 2008 году, когда между Россией и США были нормальные отношения. В своём докладе американские учёные сделали вывод, что уже к 2025 году КНР обгонит США по объёму ВВП по текущему курсу юаня к доллару.

СОВЕТСКИЕ И РОССИЙСКИЕ ПРОГНОЗЫ

В СССР также составлялись прогнозы развития китайской экономики до 2000 года и позднее — в частности, в Институте Дальнего Востока РАН. Первый прогноз такого рода был составлен ещё в 1983 году под руководством Е.А. Коновалова. В основу

данного прогноза легли заявления китайского руководства на XII съезде КПК (сентябрь 1982 г.) об учетверении (*фань лян фань*) показателя валовой продукции промышленности и сельского хозяйства (ВППиСХ) в 4 раза в 2000 году по сравнению с 1980 годом, а также о необходимости сдерживания численности населения КНР на уровне 1,2 млрд человек до 2000 года. Это означало, что в 2000 г. объём ВППиСХ должен составить 2,8 трлн юаней (примерно 1,7 трлн долл. по текущему курсу на 1981 год), то есть в 4 раза выше озвученного на XII съезде КПК показателя на 1980 год — 700 млрд юаней. В то время многие российские эксперты также сильно сомневались в возможности достижения таких показателей. Однако на практике прогнозные показатели были превышены уже в 1994 году, как по объёму ВППиСХ, так и по численности населения.

В конце XX — начале XXI веков в ходе возвышения Китая в российской научной печати также стали появляться различные прогнозные оценки. В частности, В. Гельбрас полагал, что реальные показатели китайской экономики ниже, чем данные в статистических сборниках, из-за расхождения данных по темпам прироста ВВП и объёмам грузоперевозок и потребления всех видов энергии. В то же время А. Анисимов, наоборот, считал, что Китай занижает экономические показатели, многие статистические данные занижены из-за суженной учётной базы, многие данные публикуются с различным уровнем репрезентативности, а немалая часть производства вообще не фиксируется.

В частности, говоря о китайской статистике, следует отметить, что в КНР показываются отдельно данные о добавленной стоимости в промышленности — 18 трлн юаней и валовая продукция промышленности сверхлимитных предприятий — 62 трлн юаней в 2010 г. В формировании валового внутреннего

продукта участвует только первый показатель, в то время как реальный потенциал экономики страны во многом определяет показатель валовой продукции промышленности, который уже лучше коррелируется с годовым объёмом инвестиций в основные производственные фонды на 2010 год — 27,8 трлн юаней (70% ВВП и 44,8% ВПП).

КИТАЙСКИЕ ПРОГНОЗЫ

В 1996 г. в Китае был подготовлен прогноз развития социально-экономического развития страны под руководством известных экономистов Юй Гуанюаня и Ли Чэнсюня. В нём рассматривались три этапа развития Китая: предполагалось, что в 1996–2010 гг. темпы прироста ВВП **составят 8–9% (в среднем 8,5% в год)**, ВВП в 2010 г. достигнет 20 трлн юаней, а душевой показатель — 14 000 юаней в год. Согласно статистическим данным за 2010 год, среднегодовые темпы прироста ВВП оказались выше предусмотренных данным прогнозом, что привело к двукратному превышению показателя ВВП — 40 трлн юаней вместо 20 трлн в 2010 г. и более чем двукратному превышению душевого показателя ВВП — примерно 30 000 юаней по сравнению с 14 000 юаней в год на человека в 2010 г.

На втором этапе, в 2011–2030 гг., предусматривались уже более низкие темпы прироста ВВП — **6–7% годовых (в среднем 6,5% в год)**, при выходе на показатель ВВП в 70 трлн юаней и душевой показатель в 45 000 юаней к 2030 году.

Таким образом, сделанный в начале XXI века коллективом Института современных проблем университета Цинхуа (Пекин) под руководством профессора Ху Аньгана прогноз социально-экономического развития Китая можно рассматривать на фоне ранее подготовленного долгосрочного прогноза АОН Китая и Центра стратегического развития Госсовета КНР. В прогнозе Ху Аньгана были намечены следу-

ющие основные цели социально-экономического и политического развития Китая к 2030 году:

1) стать «государством всеобщей зажиточности» (*гунтун фууй*), всеобщей мощи, всеобщих инноваций, всеобщего распределения» для более чем миллиардного народа;

2) стать самой мощной в мире экономикой, обогнав США по объёму ВВП более чем в 2,0–2,2 раза;

3) стать «страной счастья» для всего населения, обогнав США по показателю индекса развития человеческого потенциала в 3,2 раза;

4) стать «зелёной страной», то есть экологически чистым государством.

С 1979 года Дэн Сяопин в своих выступлениях неоднократно ставил цель достижения «большой китайской мечты» «малого благоденствия», для реализации которой

выдвигались лозунги «семья малого благоденствия» (*сяокан чжицзя*), «уровень малого благоденствия» (*сяокан шуйпин*), «общество малого благоденствия» (*сяокан шэжуй*), реализация которых была необходимым этапом для приближения Китая к осуществлению «всеобщего единства» (*датун*). Для построения общества «всеобщей зажиточности» Дэн Сяопин выделил два этапа развития: 1978–2001 гг. под лозунгом «пусть богатеют передовые» и с 2002 г. под лозунгом «всеобщей зажиточности». То есть на первом этапе, до 2002 года, предусматривался ускоренный рост благосостояния для той части населения, большая часть доходов которой являлась либо оплатой квалифицированного труда, либо различными видами предпринимательских доходов. На втором

этапе, с 2002 года, планировалось перейти к иным формам распределения национального дохода — таким, как различные фонды социального страхования, пенсии, пособия, бесплатное образование и здравоохранение и другие формы льгот и дотаций для социально незащищённой части общества.

Для достижения цели построения «общества всеобщей зажиточности» к 2030 году в КНР была намечена **программа «модернизации с китайской спецификой»**, состоящая из четырёх шагов:

1) 1978–1990 гг. — переход от бедности к уровню «обогреть и накормить» (*вэньбао шуйпин*);

2) 1990–2000 гг. — переход от уровня «обогреть и накормить» к уровню «малого благоденствия» (*сяокан шуйпин*);

3) 2000–2020 гг. — переход от уровня «малого благоденствия» к «обществу малого благоденствия» (*сяокан шэхуэй*);

4) 2020–2030 гг. — переход от общества «малого благоденствия» к обществу «всеобщей зажиточности» (*гунтун фуюй*).

За это время Китай уже совершил большой рывок в плане повышения государственной мощи (по объёму ВВП): с 10-го места в 1978 году до 5-го места в 2000 году, 2-го места в 2010 году и, согласно прогнозам коллектива университета Цинхуа, **должен выйти на 1-е место в мире по номинальному объёму ВВП к 2020 году.**

В рамках экономического цикла с 1978 по 2030 г., согласно расчётам Ху Аньгана, по паритету покупательной способности (ППС) Китай к 2030 году займёт лидирующие позиции в мировой экономике, подняв свою долю с 4,6% в 1973 г. до 11,8% в 2000 г., 20,7% в 2010 г., 28,9% в 2020 г. и до 33,4% в 2030 г., опередив США.

За последние годы значительно вырос объём внешней торговли Китая: с 20,6 млрд долл. в 1978 г. до 4,16 трлн долл. в 2017 г., т. е. более чем в 200 раз. Прогнозируется, что Китай заметно увеличит свою долю в мировом экспорте: с 10,4% его общего объёма в 2010 г. до 24,0% в 2030 г.; и в мировом импорте: с 9,1% в 2010 г. до 27,0% в 2030 г.

Следовательно, Китай уже в первой трети XXI века должен изменить свой нынешний статус «мировой фабрики» на статус «мирового рынка».

Такая ситуация связана и с изменениями мировых инвестиционных потоков. Если в 2000 году суммарная доля иностранных инвестиций в КНР и зарубежных инвестиций из КНР составляла всего 2,9% мирового объёма, то в 2009 году она составила уже 8,5%, в 2020 г. должна достигнуть 15%, а в 2030 г. — уже 20%, что будет равно всему объёму инвестиций в зоне НАФТА и ЕС. В 2017 г. общий объём прямых иностранных инвестиций в КНР составил 131 млрд долл., а из КНР — 120 млрд долл. К 2030 г.

общий объём прямых инвестиций в КНР и из КНР должен будет составить примерно 4,5–5,0 трлн долл. Таким образом, по мнению авторов китайского прогноза, **к 2030 г. Китай станет и крупнейшим рынком инвестиций в мире.**

Согласно китайским прогнозам, среднегодовые темпы роста мирового ВВП за 2006–2020 гг. составят примерно 4,2–4,4% по сравнению с 4,0% в 2001–2005 гг. и 3,1% в 1991–2000 гг. — прежде всего, за счёт роста экономик КНР и Индии. В КНР среднегодовые темпы роста ВВП в 2001–2016 гг. были на уровне 9,5%, а в 2017 г. показатель ВВП КНР составил 82,7 трлн юаней (12,5 трлн долл. по текущему валютному курсу и 23,2 трлн долл. по паритету покупательной способности (ППС)).

В последующие 10 лет темпы экономического роста должны составить примерно 6,5–7,0% в год, а объём ВВП — вырасти в 2 раза по сравнению с 2010 г. и превысить 80 трлн юаней (12 трлн долл.), или примерно 9500 долл. на душу населения в 2020 г. По этому показателю Китай войдёт в число стран со средним доходом на душу населения. По объёму ВВП на душу населения Китай в 2020 г. переместится с 76-го места на 52-е (19 000 долл. на человека по ППС в 2020 г.).

Быстрое развитие мировой экономики создаст спрос на инвестиционные ресурсы. Потребность в них обеспечивается выбытием и заменой мощностей, созданных в 1975–2000 гг. В настоящее время Китай занимает 1-е место в мире по объёму привлечённых инвестиций. Доля государственных вложений — минимальная во всех странах мира, в 2016 году она составила всего 5,2%, на внутренние банковские кредиты пришлось 10,8%, а на иностранные инвестиции — 227 млрд юаней, или менее 0,1% всех источников инвестиций (общий объём инвестиций за 2016 г. — 61,7 трлн юаней). Главным источником являются собственные средства предприятий — 65% всех инвестиций Китая в 2016 г.

До вступления в ВТО, которое произошло в 2001 году, Китай практически не направлял инвестиции за рубеж, оставляя их внутри страны. Однако после вступления в ВТО капитал из КНР за рубеж резко активизировался, и по этому показателю опередил не только страны БРИКС, но и многие другие страны мира.

Предполагается, что в рамках глобальной научно-технической революции Китай станет основным актором на мировом рынке инноваций. Для этого у него есть предпосылки в виде стремительного роста общей численности инженерно-технических и научных работников, а также большого объёма экспорта высокотехнологичной продукции по сравнению с ведущими странами мира. В частности, в 2000 г. в мире насчитывалось всего 6,88 млн инженерно-технических и научных работников, из которых на Китай приходилось 690 тыс человек (примерно 10% общего количества), в 2007 г. — 7,21 млн чел., из которых 1,42 млн чел. (примерно 20%) приходилось на Китай. Если в 2010 г. этот показатель составлял 2,554 млн чел., а в 2016 г. — 3,85 млн чел., то в 2030 г., по прогнозам китайских учёных, в мире будет насчитываться 15 млн инженерно-технических и научных работников, из которых 4,5 млн чел. (30%) будут составлять учёные, инженеры и техники из Китая. В настоящее время о росте затрат на НИОКР лучше всего свидетельствует резкое увеличение экспорта высокотехнологичной продукции *made in China*. В частности, уже в 2006 г. по показателю доли экспорта высокотехнологичной продукции КНР вышел на 1-е место — 16,9% объёма мирового экспорта хай-тека, опередив США (16,8%), ЕС (15,0%) и Японию (8,0%). Нетрудно предположить, что к 2030 г. Китай упрочит своё лидирующее положение в мире по этому показателю.

Академия наук Китая в своём прогнозе предсказывает, что к 2040 году доход в КНР на душу населения составит более 20 тыс. долларов, по основным экономи-

ческим показателям Китай войдёт в первые 40 стран мира, уровень охвата пенсионным и медицинским страхованием составит 100%, уровень распространения высшего образования — свыше 80%, средняя ожидаемая продолжительность жизни — более 80 лет, а по индексу развития человеческого потенциала КНР войдёт в «топ-20» стран мира.

ОТ ПРОГНОЗОВ — К ПЛАНУ, ОТ ПЛАНОВ — К ДЕЛАМ

За пятилетний период от XVIII съезда КПК (2012) до XIX съезда (2017) были сделаны заметные достижения в области науки и техники. В частности, был осуществлён запуск человека в космос, осуществляется созда-

ние космической станции «Тяньгун» («Небесный дворец») и спуск под воду в батискафе «Цзяолун» («Водяной дракон») на глубину 7200 метров в Марианской впадине в Тихом океане. Также за эти годы был создан самый быстродействующий суперкомпьютер в мире «Тяньхэ» («Млечный путь») и построена сеть высокоскоростных железных дорог общей протяжённостью свыше 15 тыс. км, введена в эксплуатацию спутниковая навигационная система «Бэйдоу» («Северная Медведица») и создан истребитель J-20 с изменяющейся стреловидностью крыла, сопоставимый по своим характеристикам с американским истребителем пятого поколения F-53, а также проведены испытания гиперзвукового оружия.

Согласно оценкам ряда экспертов, в дальнейшем доля экономически активного населения начнёт постепенно снижаться, и Китай будет вынужден ориентироваться не на привлечение большого количества занятой неквалифицированной физической трудом рабочей силы, а на повышение производительности труда на каждом рабочем месте, в том числе — и в сельском хозяйстве. Это означает, что **за годы 13-й и 14-й пятилеток (2016–2025 гг.) Китай должен будет совершить переход от экстенсивных форм развития производства к интенсивным, к развитию инновационной экономики.** Только в этом случае можно будет решить проблему избыточного населения КНР за пределами рабо-

чего возраста (свыше 60 лет) и относительной нехватки природных ресурсов, а также охраны окружающей среды за счёт внедрения новых энергосберегающих технологий. Не случайно во время общения в интернете с населением страны в 2012 г. премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао заявил о том, что «подъём Китая обеспечен за счёт подготовки специалистов и развития образования, и в КНР уделяют большое внимание двум цифрам: **удельный вес расходов на образование в ВВП и расходов на научно-исследовательскую деятельность в объёме производства**». Именно эти меры позволят Китаю решить основную задачу перехода к интенсивным формам развития производства в ближайшее десятилетие и обеспечить поступательное движение вперёд экономики страны.

По оценкам китайских учёных, к 2030 г. Китай по объёму затрат на научно-технические разработки выйдет на 1-е место в мире, и его доля в ВВП страны составит 3% (сейчас — 2,09%), а в общем объёме мировых затрат достигнет 25%. Однако при этом показатели КНР по выпуску научных статей и заявкам на патенты будут относительно ниже, чем в США и ЕС. К этому моменту Китай также будет держать 1-е место в мире по доле экспорта высокотехнологичной продукции.

На наш взгляд, такое развитие событий вполне возможно, так как Китай уже значительно опередил США в области информатизации и стал «мощным информатизированным государством в мире» (шицзе синьсихуа цянго). Согласно данным ГСУ КНР, в 2003 г. в КНР насчитывалось 260 млн телефонных абонентов, и по этому показателю Китай занял первое место в мире, а в 2004 г. Китай обошёл США по количеству абонентов мобильных телефонов. В 2016 г. общая численность абонентов мобильных телефонов составила 1418 млн чел. (или 102,5 мобильных телефона на 100 человек), в Китае насчитывалось 772 млн пользователей интернета (уровень охвата

всего населения — 55,8%), из которых 348,5 млн чел. составили абоненты широкополосной сети Интернет.

В марте 2018 г. на 3-й сессии ВСНП премьер Ли Кэцян заявил о курсе на формирование в стране концепции «Интернет плюс», которая построена на всеобъемлющем и всестороннем использовании информационных сетей для развития общества. К 2025 г. «Интернет плюс» должен стать новой экономической моделью, а также главным стимулом экономического и социального развития и инноваций.

К этому следует добавить, что в настоящее время в Китае реализуется программа «Сделано в Китае 2025». В рамках данной программы реализуется четыре основных проекта:

- 1) «умное производство»;
- 2) «укрепление базы промышленности»;
- 3) «зелёное производство»;
- 4) «инновации в области оборудования высокого класса».

Уже в настоящее время в КНР действует «Дорожная карта инновационного развития робототехники Пекина», и Китай стал крупнейшим в мире рынком по производству и применению роботов. В частности, в 2016 г. объём производства в китайской индустрии робототехники достиг 5 млрд долл. Таким образом, за счёт применения роботов в производстве КНР в состоянии решить проблему наступающей нехватки рабочей силы в трудоспособном возрасте.

В результате проводимой в ходе реформ политики открытости в XXI веке реализуется стратегия «выхода вовне». За эти годы значительно вырос как объём экспорта, так и импорта. Китай перешёл от экспорта товаров первичной переработки (сырьё и материалы) к преимущественному экспорту продукции машиностроения новых и высоких технологий. Значительную роль в этом сыграли различные факторы, начиная от расширения прав предприятий в сфере внешнеэкономической деятельности на первом этапе

реформы и заканчивая вступлением КНР в ВТО. В результате за последние годы заметно усилилась зависимость экономики КНР от внешней торговли.

За 2009–2014 гг. происходил быстрый рост внешней торговли Китая за счёт растущего экспорта товаров с высокой долей добавленной стоимости, однако с 2014 по 2016 г. в результате нового витка мирового финансового кризиса ёмкость мирового рынка заметно уменьшилось, что в значительной степени стало ограничивать китайский экспорт. В результате объём внешней торговли Китая в 2015–2016 гг. заметно сократился по сравнению с 2014 г. Судя по всему, в Китае предвидели такое развитие ситуации в мировой экономике, и Китай выдвинул инициативу «Один пояс, один путь», направленную на создание новых рынков снабжения и сбыта для своей быстро развивающейся экономики.

Осенью 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин на встрече с президентом Казахстана Н. Назарбаевым объявил о начале реализации проекта «Экономический пояс Шёлкового пути», состоящего из двух частей: сухопутного пути через Казахстан и Россию в страны Европы и морского пути через страны Юго-Восточной Азии. Для финансовой поддержки этой инициативы были созданы две мощные финансовые структуры: Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Фонд Шёлкового пути, с помощью которых реализуются необходимые инфраструктурные проекты. В конце 2017 г. доля внешней торговли и инвестиционного сотрудничества со странами на маршрутах Шёлкового пути была ещё невелика. Объём внешней торговли Китая со странами «Пояса и пути» составлял 1092,5 млрд долл. (примерно 24% объёма внешней торговли), а объём инвестиций в эти страны достиг 14,4 млрд долл. (12,0% объёма зарубежных инвестиций КНР). Динамика этих показателей говорит о том, что Китай активно осваивает новые рынки как для реализации своей продукции,

так и для поставок природных ресурсов, в первую очередь — энергоресурсов, необходимых его экономике.

Такое развитие событий показывает, что при определённых условиях, после перехода к полной конвертируемости юаня и расширения экспорта в страны ЮВА, Китай со временем сможет превратить юань в резервную валюту не только в странах Юго-Восточной и Восточной Азии, но и в странах на маршрутах «Одного пояса, одного пути».

Китай способен успешно решать вопросы дальнейшего социально-экономического развития, но перед ним стоят три основные проблемы:

- 1) огромная численность в целом стареющего населения;
- 2) относительная нехватка энергоресурсов;
- 3) экологический кризис.

В КНР ставится задача развития низкоуглеродной экономики, связанной с сокращением всех видов выбросов в воздух, воду и землю. В частности, планируется, что к 2020 году эмиссия двуокси углерода на единицу ВВП должна быть снижена до 40–45% от уровня 2005 года, а потребление энергоресурсов на 10 000 юаней ВВП в 2020 г. должно составить не более 0,84 т.у.т. по сравнению с 1,32 т.у.т. в 2005 г.

В настоящее время программа социально-экономического развития Китая направлена на замену сложившейся экспортно ориентированной и инвестиционной модели моделью общества потребления в результате реализации планов устойчивого экономического развития на ближайшие пять лет. По нашим оценкам, **в случае сохранения имеющихся темпов прироста ВВП у КНР и США, к 2020 г. КНР вполне может опередить США по номинальному объёму ВВП и выйти на первое место в мире как по объёму ВВП, так и по объёму внутреннего потребления.**

/ Анатолий КОШКИН /

Горизонты

Страны восходящего солнца

Для начала стоит предупредить читателей о том, что изложенные ниже соображения относительно того, по какому вектору будет развиваться в ближайшие годы наша дальневосточная соседка Япония, не претендуют на какую-то абсолютную истину, поскольку за рамками анализа остаётся слишком много факторов, включая природный. Страна восходя-

щего солнца в этом отношении уникальна — её с пугающей периодичностью посещают практически все существующие на Земле стихийные бедствия: землетрясения, извержения вулканов, тайфуны, цунами, наводнения, оползни и так далее. Любое такое проявление климатической или геологической активности способно сильно повлиять на Страну восходящего солнца.

Многие в России по-прежнему воспринимают её как процветающую державу, лидера научно-технического прогресса, где решены многие социальные проблемы, уровень жизни населения — один из самых высоких в мире, а потому жители Японии держат рекорды по продолжительности счастливой жизни. Думаящие так находятся в плену стереотипов 60–70-х годов XX века, когда эта страна переживала период, как тогда говорили, «экономического чуда».

Правящие круги Японии в те годы не скрывали, что заботиться о социальном благополучии народа их заставляло существование в непосредственной близости от социалистических стран с их бесплатной медициной, образованием, правом на труд и отдых, а также другими атрибутами общества социальной справедливости. Средства для этого в Японии были. Как образно объяснял автору этих строк один японский капиталист, в период быстрого экономического роста доходы предпринимателей были столь велики, что «деньги, не помещаясь, вываливались из карманов». Вот эти-то «избыточные деньги» и шли на удовлетворение нужд трудящихся.

С другой стороны, в стране были весьма сильны левые партии, Социалистическая и Коммунистическая, а также поддерживающие их влиятельные массовые профсоюзы. Они не только отстаивали экономические интересы трудящихся масс, но и, имея более трети состава депутатского корпуса страны, эффективно противостояли партии крупного капитала — Либерально-демократической, которая во внешней политике полностью следовала установкам США.

Однако за последние четверть века экономическая, социальная и политическая ситуация в Японии претерпела существенные изменения. Темпы роста экономики сократились до скромных 1–2%, а в отдельные годы и вовсе уходили в минус. Правительство стало сокращать социальные программы, возлагать на трудящихся тяготы преодоления экономических невзгод.

Основными причинами столь продолжительной рецессии стали, на наш взгляд, резкий спад в сфере инвестиционной деятельности и глобальная зависимость Японии от экспорта. Другими словами, некогда обеспечивавший экономический рост экспортный фактор японской экономики начал давать сбои. Прежде всего — вследствие снижения конкурентоспособности японских товаров, включая бытовую электронику, которая некогда была желанна

по всему миру, что обеспечивало Стране восходящего солнца баснословные прибыли. Однако экономический рост в КНР, Республике Корея, на Тайване, в странах Юго-Восточной Азии, овладение ими «секретами» японского менеджмента и технологиями при дешёвых по сравнению с Японией рабочей силе и ресурсах привели к тому, что потребители изделий той же электронной промышленности стали предпочитать хотя и менее качественную, но гораздо более дешёвую продукцию других стран Юго-Восточной Азии.

Стремясь сократить затраты, в первую очередь — на персонал, японские концерны стали активно переносить производственные мощности в третьи страны, рассчитывая на снижение себестоимости продукции за счёт местной дешёвой рабочей силы. Однако этот ресурс давал ограниченный по времени результат, ибо развивающиеся страны Восточной Азии, в первую очередь КНР и Республика Корея (Южная Корея), по мере накопления капитала и освоения передовых технологий стремились преодолеть зависимость от «японской помощи», делая ставку на собственное производство.

В настоящее время ресурс «нового колониализма» Японии в странах Восточной Азии заметно сократился. Встал вопрос, как обеспечить долгосрочный рост или хотя бы удержание нынешнего уровня японской экономики, за счёт каких новых товаров пополнять казну и не допустить резкого падения уровня жизни в стране.

Хотя это открыто не признаётся, но, похоже, официальным Токио взят курс на восстановление ведущих позиций Японии в мировой экономике за счёт воссоздания в стране военно-промышленного комплекса (ВПК). Важным сигналом стал отказ в 2014 году нынешнего правительства во главе с премьер-министром Синдзо Абэ от провозглашённой в Японии политики запрета на экспорт оружия и военных технологий, который действовал в стране почти полвека.

Не приходится пояснять, что снятие существовавшего с 1976 года запрета было утверждено парламентом по требованию крупного капитала и консервативных политических кругов, утверждавших, что из-за этого японский бизнес упускает существенные прибыли на мировом рынке вооружений. В консервативных политических кругах также полагали, что подобные запреты уменьшают возможности Токио влиять на ситуацию в мире. Расчёт делается на то, что, как это было во многих других странах мира, именно военно-промышленный комплекс

станет локомотивом вывода экономики страны из стагнации.

В этом, на наш взгляд, и заключается стратегический план Синдзо Абэ, призывающий «превратить Японию в нормальное государство», то есть в государство с полноценными мощными вооружёнными силами, оснащёнными всеми видами современного оружия, включая и ракетно-ядерное. Заметим, что желал того или нет Дональд Трамп, но его высказывание о том, что богатые Япония и Южная Корея должны сами заботиться о своей обороноспособности, полностью укладывается в замыслы диктующих Абэ свою волю японских «неоконов».

Как нельзя кстати для реализации этих планов оказалась и вынужденная разработка в КНДР оборонительного ракетно-ядерного оружия, что трактуется официальным Токио как прямая угроза Японии, которой-де надо

противостоять всеми возможными силами и средствами. С целью добиться согласия народа с курсом на фактическую ремилитаризацию используется и угроза «наращивания вооружённых сил КНР и России», представление совместных военных учений этих двух стран как якобы направленных против «беззащитной Японии». И это даёт эффект — уже более половины японских избирателей готовы согласиться с устранением из действующей Конституции и без того выхолощенных в предшествующие годы антивоенных статей основного закона страны.

Думается, на волне «защиты от внешних угроз» правительству нетрудно будет добиваться и роста бюджетных расходов на военные нужды. Если сейчас действуют ограничения расходов на оборону в 1% от размера валового внутреннего продукта (ВВП), то руководство правящей Либерально-демократической партии требует повысить эту цифру вдвое, до 2% ВВП. Но даже при сохранении прежнего лимита бюджет министерства обороны Японии вот уже шесть лет подряд растёт на 2–2,5% в год и уже превысил 5 трлн иен, что в долларовом исчислении сопоставимо с оборонным бюджетом таких крупных ядерных держав, как Великобритания, Франция и даже Россия. Однако этого, как считает руководство ЛДП, мало для дальнейшего переоснащения вооружённых сил страны. Можно не сомневаться, что процесс увеличения в стране роли военно-промышленного комплекса и вооружённых сил будет сопровождаться заметным ростом расходов на вооружение и содержание персонала.

Дополнительные средства потребуются и для финансирования военного производства, выделения субсидий предприятиям этого сектора. А компенсировать их за счёт экспорта вооружений будет непросто. Ибо ясно, что японскому оружию, из-за его высокой себестоимости, будет трудно пробиться на уже поделенные рынки вооружений. Однако концерны Страны восходящего солнца уповают на то, что при больших заказах высокоэффективные новые образцы японского оружия будут производиться в массовом количестве, что значительно удешевит их себестоимость. А общий высокий научно-технический уровень страны позволит создавать такое оружие, которое будет превосходить ныне реализуемые в мире образцы традиционных производителей оружия. Нельзя исключать, что в сейфах японских монополий уже есть такие, основанные на новейших достижениях науки и техники, разработки, которые могут за-

интересовать не только развивающиеся страны, но и крупные державы.

Снятие всех ограничений позволит Японии производить не только оборонительное, но и ударное наступательное оружие: авианосцы и подводные лодки, боевые самолёты, ракеты среднего и дальнего радиуса действия и т. п. Конечно же, не являются для Японии секретом и технологии создания современного ядерного оружия: как бомбового, так и ракетного. По существующим данным, накопленного в стране оружейного плутония (как отхода работы японских АЭС) хватит для быстрого создания тысяч ядерных зарядов. Можно не сомневаться, что к этому всё давно готово, и в Токио ждут лишь удобного момента для объявления себя ядерной державой и даже готовы сами создать такой момент. Противостоять внутри Японии такому сценарию развития событий будут лишь раздробленные антивоенные левые силы, влияние которых в стране с каждым годом падает.

Так что ремилитаризация японского государства, ещё совсем недавно — немислимая, может стать реальностью уже в недалёкой перспективе. Безусловно, это вызовет негативную реакцию в соседних с Японией и других странах Восточной и Юго-Восточной Азии, где ещё помнят о жестоком японском оккупационном режиме в годы Второй мировой войны. Велика опасность того, что курс Токио на возрождение своей страны в качестве военной державы вызовет ответную бурную гонку вооружений в Северо-Восточной Азии, прежде всего — в КНР. Разумеется, не сможет безучастно наблюдать за ростом военных амбиций Японии и Российская Федерация, к которой в Токио продолжают предъявлять территориальные претензии относительно Южных Курил.

Изложенная перспектива — отнюдь не умозрительные выкладки политолога. Сохранение ещё на три года у власти в Японии кабинета Синдзо Абэ даёт серьёзные основания рассматривать изложенное выше как программу вывода Страны восходящего солнца из экономической стагнации и политического тупика именно на пути её превращения в самостоятельного военно-политического игрока не только в АТР, но и на глобальной международной арене. Тем более что законодательная база для этого уже создана. В 2015 году, используя большинство в парламенте, правящая партия во главе с Абэ, вопреки возражениям оппозиции и антивоенных сил, протащила через парламент законопроект, позволяющий японским вооружённым силам, в нарушение конституции

страны, участвовать совместно с армией США в боевых операциях за рубежом. Тогда действующий премьер-министр убеждал своих соотечественников в том, что «страна в опасности», и данный закон якобы необходим для её защиты от внешней агрессии. «Ситуация с безопасностью вокруг Японии в последнее время резко ухудшилась. Этот закон абсолютно необходим для защиты жизни наших людей и предотвращения войны», — заявил Синдзо Абэ.

Но подобная риторика не может затушевать намерения японских правящих кругов впредь подключать свои вооружённые силы к военным операциям США за рубежом. Отмена мирных статей конституции в период продлённого правления Абэ, именуемого в стране «ястребом», неизбежно приведёт к ситуации, когда японские контингенты будут «на законных основаниях» отстаивать интересы японо-американского альянса по всему миру.

Серьёзное воздействие на перспективы экономического и социального развития Японии

будет оказывать и уже оказывает прогнозируемое неуклонное сокращение численности населения страны, в том числе — работоспособного. Уже сейчас здесь ощущается нехватка рабочей силы. Согласно существующим прогнозам, ныне занимающая 10-е место среди наиболее населённых стран мира, Япония вступит в процесс депопуляции: в 2015 г. её население составляло 127,9 млн человек, в 2020 г. эта цифра снизится до 126,5 млн, в 2030 г. — до 121,5 млн, в 2050 г. — до 108,8 млн, а в 2100 г. — до 84,5 млн человек.

Причины столь неблагоприятного для Японии процесса не столько экономические, сколько социальные, связанные с трансформацией национальной психологии и отношения к жизни нового поколения японцев. Они просто перестают воспроизводить потомство. По данным «Японской ассоциации планирования семьи», 45% японок в возрасте от 16 до 24 лет «не заинтересованы или презируют сексуальные

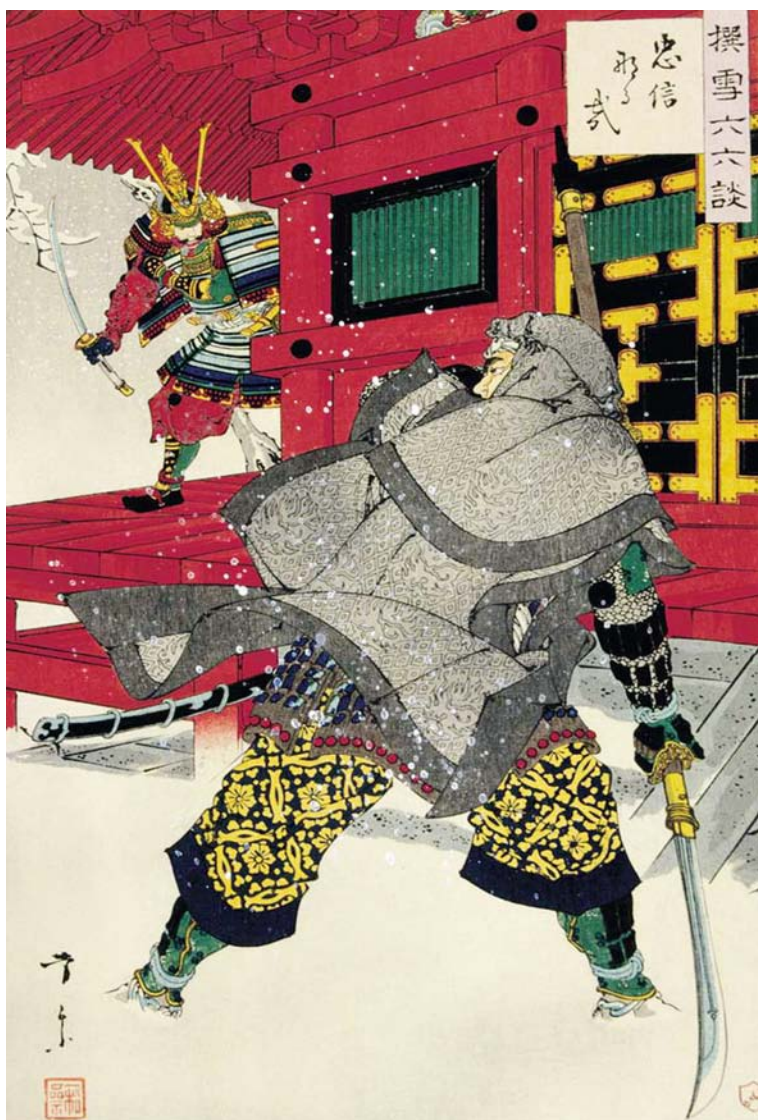
контакты». Отмечается «синдром безбрачия» — 61% неженатых мужчин и 49% незамужних женщин (по другим данным, до 70% мужчин и 60% женщин) в возрасте от 18 до 34 лет никогда не состояли в каких-либо интимных отношениях. По этому показателю Япония занимает первое место в мире.

2017 год стал годом самой низкой рождаемости в Японии за прошедшие сто лет. По данным министерства здравоохранения Японии, число родившихся младенцев среди коренного населения на 125 миллионов жителей Японии составило всего 941 тыс. человек — при смертности в 1,34 млн человек. И это тоже «рекорд» с момента окончания Второй мировой войны. За этими цифрами стоит постоянное снижение доли женщин репродуктивного возраста в структуре японского населения, которое и в целом стремительно стареет: людей в возрасте старше 65 лет в стране 27,5%, а детей до 14 лет — 12,7%.

Обращает на себя внимание и рост числа так называемых «гражданских браков», когда молодые люди живут вместе, не оформляя брак и не стремясь к рождению детей. Если в 2016 году в стране было зарегистрировано 621 тыс. браков, то в следующем, 2017 году их стало на 9 тыс. меньше, и эта тенденция является устойчивой на протяжении уже многих лет. С другой стороны, растёт число молодых людей, именуемых в Японии «хикикомори», или «хикки», которые не только отказываются от создания семьи и рождения детей, но вообще стремятся отстраниться от человеческого общения, «убегая» в виртуальный мир интернета.

Сокращение рождаемости всерьёз заботит власти страны — при администрации премьер-министра существует специальный комитет по преодолению снижения рождаемости. Ибо при увеличении доли пожилых людей и сокращении общей численности населения некому будет платить налоги, в том числе — на социальное обеспечение населения, что чревато серьёзными экономическими и социальными проблемами.

Одним из путей разрешения проблемы нехватки трудовых резервов станет в ближайшей перспективе широкое внедрение робототехники в самые различные отрасли производства и в социальную сферу. Создание различного рода роботов в Японии — это не увлечение гаджетами, а насущная необходимость для поддержания японской экономики на плаву. Заметим также, что в условиях нежелания японской молодёжи служить в армии роботы,

видимо, найдут своё широкое применение и в вооружённых силах страны.

В подтверждение вышесказанного приведём пример того, как уже сейчас японские компании по причине нехватки рабочей силы внедряют роботов в сферу услуг. Эксперимент по использованию робота, оснащённого искусственным интеллектом для защиты зданий, стартовал в Иокогаме. Как сообщает центральная японская телерадиовещательная компания NHK, крупная фирма по продаже недвижимости начала внедрять роботов. Было создано несколько видов роботов, среди них — выполняющие функции уборщика, охранника и грузчика. Робот-охранник высотой около 1,3 метра оборудован камерой и оснащён функцией распознавания движения в пространстве, чтобы выявлять нарушения в обеспечении безопасности и просто не сталкиваться с предметами и людьми. Робот-грузчик способен транспортировать большое количество ланч-боксов и даже мешков с песком. Его грузоподъёмность значительно превосходит грузоподъёмность мужчины среднего телосложения. Если результаты этого эксперимента окажутся положительными, роботы займут соответствующие рабочие места по всей стране.

В завершение хотелось бы кратко коснуться некоторых аспектов прогнозируемого внешнеполитического будущего Японии, в том числе — её политического и экономического курса в отношениях с Российской Федерацией.

Пребывание Синдзо Абэ на посту премьер-министра Японии в течение ещё трёх лет даёт основание полагать, что его взаимодействие с Москвой будет по-прежнему преследовать две главные цели. Это — недопущение, по возможности, дальнейшего сближения России с Китаем, особенно — в оборонной сфере, а также реализация плана путём экономического сотрудничества добиться изменения позиции российского руководства в отношении Южных Курил. Однако напряжённая военно-политическая обстановка в Северо-Восточной Азии в целом, несмотря на некоторые признаки её ослабления в связи с наметившимся межкорейским диалогом, обострение российско-американских и американо-китайских отношений едва ли позволят Абэ добиться реализации этих целей. Преемники же Абэ на посту премьер-министра будут гораздо в меньшей степени привержены российскому направлению японской внешней политики и дипломатии.

Вместе с тем в долгосрочных интересах Японии развивать экономические связи с Рос-

сией, в первую очередь — в торговле энергоресурсами: природным газом, нефтью, углем. Реально осуществление крупных проектов по экспорту в Японию российской электроэнергии, модернизации Транссиба в целях расширения и ускорения поставок японских товаров в Европу. С другой стороны, широкому двустороннему экономическому сотрудничеству двух стран будут мешать милитаризация Японии, углубление военного взаимодействия Токио с Вашингтоном. Несмотря на сделанные в предвыборном задоре Дональдом Трампом допущения ослабления американского «ядерного зонтика» над Японией, американская правящая элита не позволит подвергнуть сомнению военные связи со своим дальневосточным союзником, эффективно выполняющим роль «непотопляемого авианосца» США. Причём — авианосца ударного, контролирующего тихоокеанские коммуникации и противостоящего основным противникам США: Китайской Народной Республике и России.

/ Михаил ХАЗИН /

«Заставь банк России доллару молиться...»

Прежде чем говорить о конкретных проблемах, к которым привела нашу страну политика либеральных денежных властей, необходимо объяснить причину и логику такой политики. Суть её описывается моделью «вашингтонского консенсуса» (утверждённой в конце 80-х под эгидой МВФ модели перехода к капиталистической экономике для бывших социалистических стран). Эта модель для России была принята к исполнению «командой Гайдара» в 1992 году и реализуется до сих пор (с небольшим отклонением в 1998–2002 годах, в период пребывания на посту руководителя Центробанка В. В. Геращенко)¹.

ПРЫЖКИ НА ГРАБЛЯХ «ВАШИНГТОНСКОГО КОНСЕНСУСА»

Вопрос о целесообразности проведения такой политики в начале 90-х, в общем, не стоял, поскольку на тот момент наша страна, во-первых, остро нуждалась в валюте, а во-вторых, уж коли было принято решение присоединиться к мировой долларовой (бреттон-вудской) системе, спорить о правилах такого присоединения, которые предлагали нам руководители данной системы, было бы по меньшей мере странно. Иное дело, что, как будет видно ниже, адаптации этих правил в интересах России никогда не производилось, а сегодня их выполнение представляется, мягко говоря, не вполне рациональным. При этом, хотя описание политики «вашингтонского консенсуса» для руководства страны и для общества менялось, общие её принципы оставались неизменны.

Суть «вашингтонского консенсуса» в его российском варианте сводится к тому, что главным источником развития страны должны быть иностранные инвестиции. Смысл такого решения, с точки зрения её западных адептов, понятен: в стране с традициями централизованного планирования принципиально важно было выстроить инвестиционный процесс «невидимой рукой рынка». При этом в среде либеральных экономистов, которые до сих пор отстаивают эту политику как единственно возможную, предполагалось (и это, безусловно, было сильным упрощением), что для привлечения иностранных инвестиций достаточно «финансовой стабильности», что означает, во-первых, бездефицитный

бюджет, а во-вторых — низкую инфляцию. Дополнительным фактором было обязательное условие МВФ по запрету на ограничения валютнообменных операций.

Решение первой задачи неминуемо приводило к резкому сокращению социальных расходов и государственных программ, что, в свою очередь, вело к закрытию многих предприятий, росту безработицы и падению уровня жизни населения страны. Но главной проблемой российской экономики стало то, что для борьбы с инфляцией использовался метод сокращения денежной массы. Российские либералы (об этом часто публично говорили, например, и Гайдар, и Чубайс, и Дубинин, и Кудрин) считали, что инфляция носит исключительно монетарный характер. Это утверждение не соответствовало и не соответствует действительности, о чём было известно уже с середины 90-х годов, но представители «команды Гайдара» — скорее всего, уже по чисто политическим причинам — продолжали настаивать на этом тезисе.

В результате экономика России была сильно демонетизирована и, как следствие, резко упала собираемость налогов в бюджет. Либеральные денежные власти (руководство ЦБ и Минфина) решили компенсировать это за счёт выпуска государственных ценных бумаг (ГКО), которые благодаря своей высочайшей доходности в условиях «стабильного рубля» словно пылесос зачищали все финансовые ресурсы реального сектора экономики, что вполне предсказуемо закончилось дефолтом, неизбежность которого была очевидна задолго до августа 1998 года (экономическое управление президента РФ подготовило соответствующий доклад ещё в октябре 1997 года), но, опять же, по политическим причинам либеральное правительство отказалось принимать меры, которые позволили бы избежать многих связанных с дефолтом проблем.

После дефолта политика В. Геращенко позволила резко нарастить монетизацию экономики, что привело к снижению инфляции и быстрому росту экономики в 1999–2003 годах (темпы роста достигали 15% в год). Однако в конце 2002 года руководителем Центробанка стал представитель либеральной группы (С. Игнатьев, один из руководителей Минфина перед дефолтом), который вернулся

¹ *Примечание.* Далее эта политика будет называться «либеральной», а её адепты, соответственно, «либералами», что не соответствует изначальному содержанию термина «либерализм», но такая ситуация исторически сложилась в рамках текущего экономико-политического дискурса в России.

к политике «вашингтонского консенсуса». В результате финансовое состояние экономики резко ухудшилось (промышленная инфляция, аналог американского индекса PPI, выросла в 2004 году сразу в два раза, с примерно 14% до 28%), темпы роста экономики стали падать, хотя рост нефтяных цен к середине 2000-х годов частично компенсировал эту проблему.

При этом уровень монетизации российской экономики оставался недостаточным, оставаясь в 2–2,5 раза ниже нормальных значений. Как следствие, кредитование оборотных средств предприятий реального сектора оставалось низким и, по мере укрепления реального курса рубля, падала их конкурентоспособность. Поскольку уровень жизни граждан рос (за счёт нефтяных доходов), это привело к колоссальному росту импорта товаров народного потребления, который, по официальным данным, достиг к кризису 2008 года более 300 млрд долл. в год (в реальности эта цифра была существенно больше). Одновременно, в связи с тем, что Центробанк вернулся к политике «вашингтонского консенсуса» и продолжил бороться с инфляцией за счёт рестрикционной политики (то есть сокращения денежной массы), рублёвое рефинансирование банковской системы России было недостаточным и компенсировалось ростом долларовых долгов. Де-факто ЦБ вернулся к политике currency board в квадрате, то есть

вводил в экономику даже не то количество рублей, которое было обеспечено валютными резервами страны, а с 2004 года изымал значительную часть «нефтедолларовых» доходов в рамках «бюджетного правила».

После 2008 года, когда рухнула модель высоких нефтяных цен (фактически вызванных неустойчивой эмиссией долларов в США), экономика России сильно просела, но в 2009–2011-х годах произошёл компенсационный рост. Проблемы начались с конца 2012 года, когда механизм роста за счёт иностранных инвестиций исчерпал свой потенциал.

Связано это было с тем, что любой инвестор (тем более частный) хочет иметь возможность возврата своих инвестиций, причём в той же валюте, в которой они были сделаны. До 2008 года, когда массово росла капитализация активов в России, это желание во многом реализовывалось за счёт получения кредитов в западных банках под залог активов в России, но с 2008 года данный механизм работать перестал. А прямой вывод капитала стал ограничен из-за того, что объём поступающей в страну валюты сократился (вместе с ценами на нефть) — притом что значительная её часть идёт на закупку товаров народного потребления по импорту и возврат сделанных в 2000-е годы кредитов.

При этом политика «финансовой стабилизации» продолжается и, как следствие, монетизация экономики остаётся недостаточной. С учётом того, что спекулятивные (в первую очередь валютообменные) операции не ограничиваются, а их доходность много выше, чем доходность вложений в реальный сектор, фактически рублёвые инвестиции, за исключением бюджетных, жёстко ограничены политикой денежных властей. В результате к IV кварталу 2012 года сокращение притока иностранных инвестиций привело к тому, что их объём стал недостаточен для простого воспроизводства экономики и она перешла к спаду².

Этот спад составляет примерно 2–2.5% в год (более точно указать сложно, и по причине бухгалтерской природы самого показателя ВВП, и из-за недостаточно достоверных исходных

² *Примечание.* Правительство крайне не заинтересовано в том, чтобы данные о его реальных результатах стали достоянием руководства страны и общества. По этой причине статистика постоянно фальсифицируется с целью продемонстрировать пусть минимальный, но рост национальной экономики. Попытки Росстата поддерживать общую картину хотя бы на минимально «приличном» уровне привели к тому, что его перевели из прямого подчинения правительству РФ под контроль Минэкономразвития. При этом колоссальное количество косвенных данных: от представленных общественными организациями до внутренних противоречий Росстата между его главными показателями и данными «второго уровня», — показывают, что в течение последних пяти лет экономика России непрерывно сокращается.

данных), исключение составил 2015 год, когда темпы спада оказались намного выше «обычных». Это было связано с резкой девальвацией рубля (организованной ЦБ России во исполнение инструкции МВФ для всех «развивающихся» стран, так что мы тут не были «одиноки во Вселенной», но, молясь долларовому богу, явно разбили лоб из-за чрезмерного усердия).

БАЗОВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ КРЕДИТНО-ДЕНЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ ЦБ РФ

Роль денег в стабильной экономике — это роль смазки в двигателе или теплоносителя в атомной станции. То есть их должно быть достаточно много, чтобы они заполняли все «поры» экономической системы, но не слишком много, чтобы «давление» внутри этой системы не поднялось слишком сильно. При этом они находятся в постоянном обороте, и главной задачей центробанков является стабильность и устойчивость этого оборота, доступность денег для всех субъектов экономики.

Показателем объёма денег является денежный агрегат M2 (объём денежной массы). Исторический опыт показывает, что нормальным значением этого показателя (уровень монетизации экономики) для сбалансированной экономики является примерно 90–110% от объёма ВВП страны. Если этот показатель больше, то роль финансового сектора гипертрофированно велика, и чем он больше, тем больше в экономике финансовых «пузырей». Отметим, что в современных США данный показатель равен примерно 150%, а в Японии — 170%.

Если же этот показатель намного ниже, это означает, что деньги являются дефицитным товаром, что их стоимость растёт и, как следствие, в экономике исчезают наименее доходные отрасли и предприятия (в том числе — инфраструктурные). Если эта инфраструктура является жизненно важной, её нужно финансировать из бюджетных средств, иначе она просто исчезнет. А поступления в бюджет сокращаются, снижаются социальные расходы, падает уровень жизни населения. При этом реальная инфляция растёт, поскольку в условиях дефицита денег растут транзакционные издержки денежного обращения («инфляция издержек»), и вся система «входит в неуправляемый штопор».

Классическим примером проведения политики сокращения денежной массы является политика либерального правительства России в 1992–1998 гг. В этот период монетизация

экономики, которая в 1991 году составляла нормальные 100% от ВВП, менялась так: 1992 г. — 80%, 1993 г. — 40%, 1994 г. — 24%, 1995 г. — 12%, 1996 г. — 8%, перед дефолтом она упала до 4% (данные взяты из упомянутого доклада Минэкономики 1996 года). Как следствие, несмотря на все попытки либералов, инфляция оставалась высокой, зато экономика страны стремительно сокращалась, падал жизненный уровень населения, а приток средств в бюджет пересыхал практически до нуля.

Надо заметить, что структура денежной массы также носит сложный характер. В её основе — денежная база, то есть эмитированные ЦБ в процессе денежной эмиссии наличные деньги. Но большая часть денег в экономике создана в процессе работы банками (за счёт т. н. «частичного резервирования»), и отношение денежного агрегата M2 к денежной базе называется кредитным мультипликатором. Его значение может регулироваться (увеличиваться или уменьшаться) Центробанком независимо от объёма денежной базы. Соответственно, возможности банков по увеличению денежной массы («кредитная эмиссия») могут или расти, или сокращаться.

Нормальное значение кредитного мультипликатора находится в интервале от 4 до 6, а его превышение означает, что в экономике формируются финансовые пузыри (так, в США в 2008 году, перед началом кризиса имени Lehman Brothers, кредитный мультипликатор достигал значения 17). Если же мультипликатор меньше 4, то начинается то, что в России 90-х называлось «кризисом неплатежей»: банковская система практически не работала, а кредитный мультипликатор перед дефолтом упал до 1,2.

При этом резкое падение кредитного мультипликатора даёт Центробанку соответствующей страны возможность осуществлять безинфляционную эмиссию. Так, с осени 2008 года до лета 2014 года ФРС США эмитировала и вбросила в экономику 2,5 трлн долл. (то есть больше, чем заработала Россия от продажи нефти и газа за всё время своего существования с 1991 года). При этом денежная база в США увеличилась в 4 раза, с 0,8 до 3,3 трлн долл., но инфляции не было, поскольку кредитный мультипликатор упал в те же 4 раза, с 17 до 4,2, то есть объём денежного агрегата M2 не изменился. А рост инфляции связан как раз с изменением монетизации экономики, то есть отклонению отношения M2 к ВВП от нормальных значений (причём, как уже

отмечалось, либо в сторону увеличения, либо в сторону уменьшения)³.

Сегодня кредитный мультипликатор в российской экономике составляет около 3. Это означает, что многие предприятия, которые могли бы существовать в нашей экономике, обеспечивать рабочие места и платить налоги, в реальности не работают (или работают в теневом секторе). Этот потенциальный объём ВВП вырабатывают посредники, которые обеспечивают импорт товаров народного потребления и промежуточных инвестиционных товаров, а также финансовые спекулянты (напомним, что ВВП — это фактически добавленная стоимость, создаваемая в экономике, а спекуляции в России приносят очень высокую прибыль).

При этом Банк России умышленно сокращает возможности по кредитованию реального сектора экономики (последнее ужесточение, которое отметил малый и средний бизнес, произошло в конце 2017 года, и многие его восприняли как попытку либерального руководства ЦБ снизить популярность президента России перед выборами 2018 года).

Отметим, что по сравнению с серединой 2000-х годов в условиях ужесточившихся санкций и снижения валютных поступлений такая политика, целью которой, напомним, является снижение инфляции для привлечения иностранных инвестиций, представляется как минимум бессмысленной, поскольку **роста иностранных инвестиций всё равно не будет**. В реальной же ситуации, сложившейся в нашей стране, важна не столько сама инфляция, сколько её отношение к нормальной прибыли, образующейся в экономике, прежде всего — в её реальном секторе. Если инфляция ниже прибыли, то экономика может расти, а если выше — то она сокращается.

В такой ситуации Центробанк теоретически должен был бы стимулировать предложение денег экономике (прежде всего — за счёт стимулирования банков к выдаче кредитов, то есть кредитной эмиссии), поскольку основной закон экономики гласит, что избыток товара (в нашем случае — денег) на рынке ведёт к падению его цены (в нашем случае — процентной ставки). А процентная ставка вычитается

из нормальной доходности бизнеса в силу того, что оборотные средства практически всегда, а основные — часто носят заёмный характер. То есть чем дороже деньги, тем ниже прибыль.

Вообще, стоимость денег фактически выступает ограничителем для существования того или иного бизнеса. Если его нормальная доходность ниже, чем стоимость кредита в стране, такой бизнес долго существовать не может (тему налоговой нагрузки, которая тоже сильно выросла за последние годы, мы здесь рассматривать не будем; отметим только, что Россия — единственная страна в современной истории, которая в условиях кризиса увеличивает налоговую нагрузку на реальный сектор экономики). С учётом того, что реальная ставка в нашей стране превышает стандартную ставку в западных экономиках, Центробанк должен был бы прилагать максимальные усилия для предложения денег экономике, но либеральное руководство Центробанка делает прямо наоборот.

Отметим, что в период 1998–2002 годов В.В. Геращенко увеличил монетизацию экономики с 4% до 40% (то есть до уровня, на котором она находится и сегодня), то есть в 10 раз (а объём денежной массы с учётом быстрого роста экономики в тот период вырос ещё больше), и при этом — инфляция падала! А с приходом С. Игнатьева, который возобновил рестрикционную политику, то есть увеличил дефицит денег, инфляция опять резко выросла.

В 1996 году в рамках Минэкономики была разработана программа восстановления сбережений граждан, утраченных в начале 90-х годов. Суть этой политики состояла в создании новых предприятий за счёт целевой денежной эмиссии, причём владельцами этих предприятий должны были стать владельцы утраченных сбережений. Расчёты, проведённые департаментом кредитной политики Минэкономики в рамках подготовки этой программы показали, что её реализация приведёт не к росту инфляции (из-за эмиссии рубля), а, наоборот, к дефляции, поскольку сфера оборота рубля в ситуации создания большого количества предприятий вырастет очень значительно

³ Примечание. Именно снижение кредитного мультипликатора в США к лету 2014 года до 4 привело к тому, что президент Обама (и ФРС) остановили денежную эмиссию, поскольку её продолжение вело либо к росту инфляции, либо же (в случае дальнейшего снижения кредитного мультипликатора) к кризису неплатежей. Как следствие, система международных банков, созданная по итогам Бреттон-Вудской конференции в 1944 году, оказалась в ситуации кризиса долларовой ликвидности. Именно это заставило МВФ рекомендовать развивающимся странам ослабить свои валюты с целью ускорить отток капитала из национальных валют в доллар, что и привело к девальвации рубля в декабре 2014 года.

и потребует для обслуживания своего оборота дополнительных средств. Аналогичная ситуация практически неизбежно возникнет и при отказе от рестрикционной политики нынешнего руководства Центробанка, именно такая ситуация возникала в 1998–2002 годах.

ТЕКУЩИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПОЛИТИКИ ДЕНЕЖНЫХ ВЛАСТЕЙ РОССИИ

Чтобы точнее оценить ситуацию в современной российской экономике, приведём, например, среднюю стоимость кредита для предприятий Китая, которая с 2014 по 2016 год упала на 1,6%, для Индии — на 1,1% (речь идёт не о самом проценте кредита, а об отношении ставки текущего года к ставке предыдущего), в США стоимость кредита выросла на 0,7% — и только у нас она выросла на 8,3%. При этом крупнейший в мире банк HSBC в сентябре 2017 года отметил, что любой современный центробанк в текущих российских условиях снизил бы кредитную ставку до 3%.

Сравнивая показатели текущей инфляции и ставки ЦБ, мы увидим, что последняя устойчиво выше. Это свидетельствует о том, что снижение инфляции связано с резким падением внутреннего спроса. Впрочем, либеральное руководство ЦБ говорит об этом открыто. Но падение внутреннего спроса означает падение ВВП, то есть фактически для реализации своей недостижимой цели (привлечения иностранных инвестиций в необходимом для роста экономики объёме) руководство Центробанка умышленно сокращает объём экономики страны!

Снижение инфляции ниже реальной ставки ЦБ ведёт к тому, что банки фактически выкачивают оборотные средства у предприятий. Причём это касается не только предприятий реального сектора, работающих на внутреннем рынке, но и крупных сырьевых компаний-экспортёров. Так, начиная с 2016 года прибыль крупнейших российских банков превышает прибыль нефтяных компаний, которые находятся под санкциями (то есть не могут рефинансировать оборотные средства по низкой ставке).

В России растёт количество банкротств (по итогам III квартала 2017 года — на 3,0% относительно предыдущего квартала и на 12,4% относительно аналогичного квартала 2016 года). Более трёх лет (12 кварталов!) подряд идёт сокращение реально располагаемых доходов населения (это официальные данные). При этом растёт количество банкротств среди

торговых предприятий, что ещё раз подтверждает падение покупательной способности и жизненного уровня населения нашей страны.

Как уже отмечалось выше, политика Центробанка приводит к тому, что банковская система России недостаточно эффективна, кредитный мультипликатор находится ниже критического показателя, равного 4 (и это ещё — с учётом того, что часть кредитного портфеля банков представляют собой кредиты, выданные спекулянтам и импортёрам, которые в создании реального ВВП России не участвуют).

Отметим ещё одно принципиальное обстоятельство. Инвестиции в национальной валюте возможны только в условиях существования «длинных» денег в экономике. Обычно это резервы страховых компаний и пенсионных фондов, частично — облигаций крупных компаний, ситуация с выплатами по которым известна на много лет вперёд, в отличие, скажем, от депозитов граждан. Денежные власти России много лет (а точнее,

с 1991 года) не уделяли должного внимания развитию этого рынка, что и привело к ситуации, при которой источников «длинных денег» в рублёвой экономике практически нет, и это ещё сильнее увеличивает нашу зависимость от иностранных инвестиций, которые, как отмечено выше, жёстко ограничиваются как финансово-экономической конъюнктурой, так и санкционной политикой западных стран.

При этом существенно увеличилась реальная стоимость рублёвого кредита. Если в 2015 году она ещё была ниже нуля (то есть инфляция была выше ставки кредита), то сегодня она уже превышает 5%, увеличившись в реальности более чем на 7 процентных пунктов. То есть в условиях иностранных санкций Центробанк ещё и ужесточает возможность получения рублёвого кредита!

Таким образом, политика денежных властей России (Минфина и Центробанка) проводится на тех же либеральных принципах, что и в начале 90-х годов. Уже тогда она представляла серьёзный минус для нашей экономики, но в нынешних условиях становится совершенно недопустимой! Она является главной причиной постоянного экономического спада, который правительство отказывается признавать, несмотря на многочисленные данные по падению промышленного производства, росту банкротств, снижению уровня жизни населения и так далее.

В условиях ужесточения «коллективным Западом» антироссийских санкций (то есть фактически дополнительного ограничения иностранных инвестиций) продолжение такой политики неминуемо приведёт к ускорению экономического спада и росту социальной напряжённости.

Приведённые факты говорят о том, что переход от политики опоры на иностранные инвестиции к политике превращения рубля в инвестиционную валюту (сегодня политика Центробанка фактически запрещает использование рубля в инвестиционных целях) позволит резко изменить экономическую ситуацию в стране и перейти к устойчивому экономическому росту. Это следует и из теоретических соображений, и из опыта 1999–2002 годов.

ТЕКУЩАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Вопрос: почему российские власти — уже в новой своей редакции, после 2000 года, — продолжают проводить столь губительную для своей страны политику?

Ответ: дело в том, что, отказавшись от минимальной экономической самодостаточности, они лишили себя возможности принимать решения определённого уровня. Ну, представим себе, что в 2012 году руководителем Центробанка был бы назначен Сергей Глазьев, — какими могли быть последствия такого назначения?

Легко представить, что сразу после такого назначения выступит глава МВФ Кристин Лагард и скажет, что её очень волнует качество кредитно-денежной политики в России, которое теперь сильно упадёт... Рейтинговые агентства ставят рейтинг России на понижение. Через несколько месяцев уважаемые аналитические структуры — все как один — пишут доклады о том, что качество управления действительно упало. И рейтинговые агентства снижают рейтинг России до «мусорного» (не инвестиционного) уровня. Следом падают рейтинги всех (вообще всех, поскольку они не могут быть выше рейтинга страны) наших компаний, и им предлагается срочно вернуть все взятые кредиты... И что тогда будет с экономикой России?

Причём этот сценарий даже не требует никаких санкций или других резких решений. Всё — в рамках полномочий соответствующих структур, никакого насилия, даже антироссийских статей в прессе можно не печатать. Тихо и мирно. А экономика летит в тартарары, поскольку практически всё наполнение потребительского рынка товарами и услугами у нас импортное.

Такой сценарий делает работу любой нашей власти искусством совершенно виртуозным — особенно в том случае, если она реально решила бы изменить ситуацию в стране. Я, кстати, думаю, что сегодня МВФ локти себе кусает, что не реализовала описанный выше или подобный сценарий после того, как Крым решил присоединиться к России. Но в результате общее деградационное развитие долларовой системы привело к тому, что во многих странах мира стало формироваться «антифинансовое» лобби.

Первый звоночек прозвучал 4 ноября 2014 года, когда на американских промежуточных выборах феерически выиграла Республиканская партия. 5 ноября 2014 года в г. Дейтон на Дартмутской конференции я сказал о том, что теперь у США есть два базовых экономических сценария: нужно либо спасти мировую долларовую систему — но ценой разрушения производственного сектора США, либо спасти этот сектор — но тогда придётся пожертвовать мировой долларовой системой (как это написано в нашей с Андреем Кобяковым книге 2003 года «Закат империи доллара и конец Pax Americana»). И американские граждане на тот момент ассоциировали первый сценарий с Демократической партией, а второй — с Республиканской. Из-за чего Республиканская партия и выиграла.

И я добавил, что теперь те элиты, которые поддерживают сценарий спасения своей экономики, выставят своего кандидата на президентских выборах 2016 года, и он сможет победить! Так оно, собственно, и произошло, только кандидатов было сразу два: Дональд Трамп у республиканцев и Берни Сандерс у демократов. И Трамп начал последовательно проводить свою политику, итогом которой неизбежно должно стать разрушение мировой долларовой системы! Не потому, что Трамп этого настолько хочет, а потому, что он поставил на защиту внутреннего американского производителя. А это исключает сохранение мировой долларовой системы: ресурсов сразу на оба проекта у современной Америки точно нет.

Это не значит, будто финансисты настолько слабы — они до сих пор способны и готовы привести в исполнение описанный выше антироссийский сценарий. Но это уже крайне опасно для них самих, потому что вызовет обрушение финансовых рынков и, при наличии Трампа в Белом доме, может оказаться, что денег на спасение базовых институтов долларовой системы просто не дадут... Другое дело, что у финансистов есть ещё одна проблема: они не могут допустить, чтобы Трамп выиграл промежуточные выборы в ноябре 2018 года, поскольку это позволит ему полностью взять под контроль аппарат Республиканской партии (сейчас там много его врагов) и полностью ликвидировать возможность импичмента. И тогда победа стоящих за Трампом элитных групп над мировыми финансовыми элитами практически неизбежна.

Что это означает для нас, для России? Что либеральные элитные группы (гайдаро-чубайсовская и «семейная») больше не могут обеспечивать экономику России инвестиционным ресурсом. Собственно, именно за это им были предоставлены такое влияние и такие возможности. И даже угрожать они ничем не смогут, поскольку их старшие партнёры-финансисты бессильны открыть новый фронт при уже наличествующем фронте против Трампа.

Иными словами, описанное выше понимание безнадёжности либеральной кредитно-денежной политики не могло привести к позитивному результату, поскольку упиралось в политические ограничения. Сегодня ситуация стала меняться, и это значит, что впервые за 30 лет у нашей страны появился серьёзный шанс. Именно этой осенью. И есть возможность его использовать, из-за чего я сегодня смотрю на жизнь с определённым оптимизмом.

/ Группа экспертов под руководством Александра НАГОРНОГО /

Двойной удар по Рах Америсана

*Россия и Китай открыли «второй фронт»
против «империи доллара»*

ОДНОПОЛЯРНЫЙ МИР И ГЛОБАЛЬНЫЙ СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС

Начало осени 2018 года выдалось чрезвычайно «жарким». И дело здесь не в каких-то погодно-климатических катаклизмах, а в развитии системного кризиса человеческой цивилизации. Одним из проявлений этого кризиса является пока медленное, но неуклонное «осыпание» той глобальной военно-политической и финансово-экономической структуры рыночной экономики, которая известна под названиями «однополярный мир», Pax Americana и «империя доллара». По большому счёту, эти термины не тождественны между собой, поскольку описывают одну и ту же реальность, но в разных проекциях.

Главная проблема здесь, видимо, заключается в том, что процесс распада данной «глобальной матрицы» неразрывно сопряжён с медленным, но верным погружением всего современного человечества в трясину системного цивилизационного кризиса, спасения от которого пока не видно.

Тревогу бьют уже не какие-то отдельные учёные, общественные и политические деятели — представления об исчерпании возможностей прогресса и даже существования нашей планетарной цивилизации в её нынешнем виде становятся всё популярнее, постепенно переходя из режима признания в режим доминирования. Уже анонсированный доклад ООН 2019 года о перспективах «устойчивого развития» ставит крест не только на традиционном капитализме и на всех его дальнейших исторических «мутациях» — он фактически утверждает, что биологический вид *homo sapiens* зашёл в эволюционный тупик, из которого пока не видно выхода. Те же самые мысли — только в менее пессимистичной аранжировке — были изложены и в прошлогоднем докладе Римского клуба «Come on!».

Применительно к существованию любых человеческих сообществ кризисные периоды представляют собой

«разбалансировку» потоков вещества, энергии и информации (в том числе — финансовой, управленческой и т.д.). Сейчас налицо резкое — почти по экспоненте! — увеличение объёмов потока информации, которое не сопровождается сопоставимым ростом в потоках вещества и энергии. Более того, оба последних потока, в отличие от информационного, становятся всё менее насыщенными. Энерговооружённость современной человеческой цивилизации (количество энергии, вырабатываемой на душу населения) даже формально растёт очень медленными темпами — так, за 1990–2017 гг. она увеличилась с 1,64 до 1,88 тонны нефтяного эквивалента в год, то есть всего на 14%, и то в основном — за счёт экономического роста Китая, в США он даже снизился. Для сравнения: население нашей планеты за этот период выросло на 42,7% — с 5,31 до 7,57 млрд чел., номинальный показатель ВВП — с 27,34 до 75 трлн долл., то есть в 2,74 раза, на 42%; совокупная денежная масса (агрегат L) — с 35 до примерно 1200 трлн долл., в 34,3 раза; а мировой долг — с 5,5 до более чем 220 трлн долл., в 40 раз!

В подобных условиях США, как главный эмитент глобальной денежной массы (сегодня на 65–70% выраженной в долларах и производных от них финансовых инструментах) и, соответственно, долларовых долгов (около 80% от общей суммы мирового долга), просто обязаны любыми способами максимально сконцентрировать её у себя (через госдолг, фондовый рынок и любые другие инструменты). Пока эта «капитализация» составляет не более 80 трлн долл. (включая фондовый рынок, где только на долю S&P 500 приходится около 21 трлн долл., госдолг примерно на ту же сумму и т.д.). Это примерно треть глобального долларового долга, а для начала глобального «переучёта активов и пассивов» нужно, чтобы в одних руках находилось не менее половины от суммы совокупного долларового долга — иначе процесс

вряд ли окажется контролируемым. Проведя соответствующие подсчёты, можно сделать вывод, что США почти достигли этого долларового Рубикона — чтобы пересечь его, им (с учётом изменения объёмов мирового долга) осталось «высосать» из мира всего от 3 до 8 трлн долл., а может быть — даже и меньше.

Это — вполне рабочее предположение, в частности, объясняющее парадоксальную ситуацию с параллельным одновременным ростом учётной ставки и фондовых индексов, чего в традиционной ситуации «равновесного рынка» просто не может быть.

Кстати, интересно посмотреть с этой точки зрения на введённый (не только против России) с 21 сентября 2018 года пакет санкций, запрещающий: а) инвестировать в пользу попавших под санкции лиц, покупать у них крупные активы или долговые инструменты; б) совершать банковские операции с лицами и организациями, попавшими в санкционный список, включая покупку, продажу и использование их собственности на территории США, а также выдачу им лицензий, разрешений или заключение с ними страховых контрактов. Разве это не равносильно списанию долговых обязательств перед кредиторами с уменьшением общей суммы долга?

Из вышесказанного следует, что не стоит объяснять финансово-экономическую сверхактивность Трампа и его «команды» исключительно какими-то предвыборными или иными внутри- и внешнеполитическими соображениями, а также, исходя из такой предпосылки, рассчитывать, что после промежуточных выборов 6 ноября «всё может измениться». Похоже, что это — всего лишь блестящая работа антикризисного менеджмента, «бизнес и ничего личного», не более, но и не менее того. А если для этого применяется классическая схема «добраго и злого полицейского», то, как говорится, проблемы индейцев шерифа не волнуют...

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ВОСТОЧНОГО ФОРУМА

11–13 сентября во Владивостоке под лозунгом «Дальний Восток: расширяя границы возможностей» прошёл IV Восточный экономический форум (ВЭФ), в работе которого, согласно официальным данным, приняли участие 6002 делегата (включая 340 глав корпораций) и 1357 представителей СМИ из 60 стран мира, и как внешний результат было подписано 220 открытых соглашений на общую сумму 3,108 трлн рублей (почти 46 млрд долл.).

Но политические итоги этого форума, на наш взгляд, оказались намного важнее собственно экономических. Тем более что все участники ВЭФ-2018 прекрасно знали: одновременно 11–15 сентября российские, китайские и монгольские войска проводят крупнейшие учения «Восток-2018», сценарий которых включает в себя отражение масштабированного удара, в том числе — крылатыми ракетами, со стороны вероятного противника. Что прямо указывало: этим самым противником являются США, и никто больше. При этом силы Северного и Тихоокеанского флотов были развёрнуты вдоль всего восточного побережья РФ, от Берингова пролива до Японского моря.

Кроме того, день 11 сентября в каком-то смысле является знаковым для всей современной мировой политики, поскольку именно в этот день 17 лет назад произошли известные «события 9/11», с одновременной «самолётной атакой исламских террористов» на «башни-близнецы» Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и на здание Пентагона в Арлингтоне. Эта провокация была использована глобалистскими элитами для захвата власти внутри США и установления в этой стране «криптонацистского» режима с жесткими ограничениями прав и свобод американцев (т.н. «Патриотический акт»), а также для разрушения норм международного права (Ялтинско-

Потсдамская система) и актов агрессии по всему миру.

Вряд ли такие совпадения следует считать случайными. Фактически на время проведения форума воинный «зонтик безопасности» был раскрыт не только над Владивостоком, но и над всей территорией РФ от Урала до Тихого океана — так что более сотни военных наблюдателей из 57 стран мира получили возможность лично убедиться в реальных возможностях современной российской армии, а также в её тесном взаимодействии с Народной-освободительной армией Китая (НОАК) и готовности, в случае необходимости, к совместным действиям «рука об руку и плечом к плечу», по определению председателя КНР Си Цзиньпина. Как было отмечено в специально сделанном по данному поводу заявлении министерства обороны КНР: «Фокус внимания учений сместился с борьбы с терроризмом на совместную оборону и контрнаступление... Это также означает, что политическое стратегическое доверие и военное взаимодействие между Китаем и Россией достигли исторического максимума». Сам товарищ Си по этому поводу высказался ещё более однозначно: «Китайско-российские отношения переживают наилучший период в истории», — и определил их как «всеобъемлющее стратегическое взаимодействие».

Учения «Восток-2018» в западных масс-медиа уже назвали «мощным сигналом для всего мира». И если говорить о содержании данного сигнала, то оно заключается, прежде всего, в том, что, несмотря на официальное отсутствие между Москвой и Пекином соглашения о взаимной защите, российско-китайский военный кондоминиум стал реальным фактором современной международной политики — фактором, который устраняет глобальное силовое доминирование США. И первым мегарегионом, свободным от такого доминирования, судя по всему, должна стать Северо-Восточная Азия

(СВА), что создаёт новый военно-стратегический баланс не только в этом мегарегионе нашей планеты, но и в глобальном масштабе.

Концепцию Северо-Восточной Азии от своего имени презентовал во Владивостоке на пленарном заседании ВЭФ председатель КНР Си Цзиньпин — собственно, этой теме была посвящена большая часть его выступления. И надо сказать, что концепцию СВА вряд ли стоит воспринимать в качестве какого-то экспромта и личной инициативы китайского лидера — судя по всему, урок Давоса-2017 председателем КНР выучен наизусть и, весьма вероятно, эта схема детально обсуждалась с Москвой.

Напомним, что в январе прошлого года, выступая в Швейцарии на главном открытом форуме глобалистов, проходившем, что показательно, под лозунгом «Ответственное лидерство», товарищ Си, по сути, предложил переместить центр действующей финансово-экономической системы из США в КНР, но это предложение, что называется, повисло в воздухе. Да, глобальные «элиты» прекрасно понимали, что политика 45-го президента США Дональда Трампа, с его лозунгом «Make America Great Again!», торговым и экономическим протекционизмом, а также откровенной монетизацией американского лидерства лишает всю их конструкцию «несущей опоры», и это ведёт к сокрушительным политическим последствиям, полный спектр которых вряд ли кто в состоянии сейчас даже предсказать, не говоря уже о том, чтобы гарантировать в результате хотя бы собственное выживание. Но данная ситуация вовсе не оценивалась ими как настолько безвыходная, чтобы принять китайское предложение или хотя бы рассмотреть его всерьёз.

И дело было не столько в том, что ни китайская валюта, ни китайская армия, ни китайские масс-медиа не могли полноценно заменить собой их американские

аналоги — особенно как единая система. И даже не в том, что подобный «перевод стрелок» требовал и времени, и денег. Дело было, прежде всего, в том, что сама «матрица» американского глобализма в её прежнем виде перестала эффективно функционировать, неумолимо приближалась к своей «точке катастрофы», и требовала полного обновления, для чего, собственно, и понадобился «фактор Трампа», который, в случае крайней необходимости, всегда можно устранить. То есть предложенная Китаем игра просто не стоила свеч и лишь приближала американскую и глобальную катастрофу.

Сколь бы «проходным» ни казался этот момент, тем не менее для китайского лидера он представлял собой весьма ощутимую «потерю лица». Не только на международной, но, прежде всего, — на собственно китайской арене, поскольку знаменовал собой возникновение «конфликта интересов» между «рыночной» частью экономики КНР, ориентированной на экспорт и расположенной в прибрежных про-

винциях, и её «инфраструктурной» частью, работающей на социалистических плановых принципах, — с неизбежной проекцией этого конфликта и в политическую сферу.

Трудно сказать, какую роль в этой инициативе сыграл провозглашённый во время лондонского визита «товарища Си» 15–18 октября 2015 года «золотой век» в британско-китайских отношениях, но ясно, что без расчёта на поддержку английской короны председатель КНР вряд ли мог выйти с таким предложением на трибуну Давоса-2017, этой поддержки не получил и как результат оказался в сложном и несколько двусмысленном положении.

Форум во Владивостоке продемонстрировал, что Си Цзиньпин окончательно вышел из этого лабиринта, переформатировав свою прошлогоднюю давосскую инициативу к менее глобальному, но зато вполне достижимому масштабу Северо-Восточной Азии как нового «глобального центра силы». При определяющей роли России и президента Путина, который на этот раз по-хозяйски выbral для себя скромную роль второго

плана, предоставив возможность солировать своим гостям. Впрочем, в том, кто являлся одновременно и главным режиссёром всей постановки, сомнений как-то не возникало.

«ОШИБСЯ» ЛИ ТОВАРИЩ СИ?

Что же представляет собой «проект СВА», сформулированный председателем КНР? С трибуны ВЭФ-2018 он прозвучал так: «Необходимо в приоритетном порядке повышать уровень взаимосвязанности транснациональной инфраструктуры в сфере либерализации и упрощения торгово-инвестиционных процедур, содействовать ликвидности рынка, передвижению капиталов и технологиям, оптимизировать ресурсное обеспечение и индустриальную структуру, сообща построить открытую региональную экономику и создать экономическое кольцо Северо-Восточной Азии... Мы готовы вместе со всеми странами глубоко изучать возможности развития сотрудничества по другим многосторонним и субрегиональ-

ным форматам, чтобы запустить больше практических проектов на благо народов региона. В этом рассчитываем на большую роль Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и Фонда Шёлкового пути в плане финансового сопровождения... С учётом таких факторов Северо-Восточной Азии, как различные модели и неравные уровни развития, быстрые темпы роста экономики и многочисленные совместные проекты, странам региона важно, основываясь на реальности, работать на долгосрочную перспективу, интенсифицировать планирование и координацию — с тем чтобы осуществить гармоничное и устойчивое развитие экономики и общества, ресурсов и окружающей среды, человека и природы».

Причину необходимости создания такой структуры Си Цзиньпин тоже не скрывал. Это «глубокие и сложные перемены в современном мире», которые сопровождаются возрождением «политики силы и протекционизма», — явно имея в виду современные США, которые отказываются

от принципов свободной торговли, размахивают «дубинкой санкций» по всему миру, а также ведут более чем рискованные игры со своей валютой. Большое экономическое кольцо Северо-Восточной Азии, как заявил китайский лидер, будет строиться на принципах справедливости и максимального учёта интересов его участников, а также «полностью обеспечено ресурсами и финансами».

По сути, это проект нового глобального «центра силы», в состав которого будут, помимо Китая и России, входить Япония, обе Кореи и Монголия, — шесть государств, на долю которых, по словам товарища Си, приходится 23% населения нашей планеты и 19% мирового ВВП. Но это — явное приуменьшение с его стороны. Не в том, что касается демографии — тут всё было точно, как в аптеке: согласно официальным данным по состоянию на июнь 2018 года, в странах «дальневосточной шестёрки» проживало 1,751 млрд человек, что составляло как раз 23% населения планеты (7,6 млрд). Но вот в том, что каса-

ется экономики... Если считать ВВП по номиналу, то есть по обменному курсу доллара, в 2017 году на эти государства приходилось 19,979 трлн долл., т. е. 26,5% из общемировых 75,278 трлн (оценка Всемирного банка). А если считать ВВП по паритету покупательной способности (ППС), то 34,648 из 127,724 трлн долл., или 27,1% мировой экономики.

В данной связи возникает естественный вопрос: почему китайский лидер, презентуя «городу и миру» проект новой международной общности, настолько, почти в полтора раза, занижил его реальный экономический потенциал? Не была ли эта «ошибка» с его стороны намеренной, являясь по сути специально «кодированным» сигналом?

Конкретных адресов для такого сигнала в текущей ситуации немного — это США, Евросоюз и (британское) Содружество. Каждый из этих глобальных и, по большому счёту, конкурирующих между собой «центров силы» сегодня контролирует примерно по 20% мировой экономики. И появление на международной

арене нового, к тому же открыто заявляющего о своём превосходстве над ними актора заставило бы их, с высокой долей вероятности, отложить в сторону нынешние распри и в каком-то формате (три из трёх или два из трёх) объединиться между собой против государств — участников проекта СВА.

Цифра же совместного ВВП, озвученная Си Цзиньпином, прежде всего продемонстрировала отказ от каких-либо претензий на незамедлительное «глобальное лидерство», а также стремление сглаживать все противоречия с США, даже самые острые, и перенести «финальную схватку» ещё на несколько лет вперёд или, как сейчас принято говорить, «вправо по временной шкале». Условно говоря, это обозначило готовность если не встать на колени, то хотя бы низко склонить голову для уменьшения своего экономического «роста», что в общем-то значительно облегчает возможность текущих торговых переговоров и с Вашингтоном, и с Лондоном, и с Брюсселем (то есть Берлином и Парижем).

Нет смысла предаваться по данному поводу эйфории, какому-либо «головокружению от успехов». Пока «экономическое кольцо Северо-Восточной Азии» — всего лишь очередной и во многом вынужденный ход в текущем многостороннем конфликте, связанном с процессом краха однополярного мира Pax Americana. Но это, судя по всем признакам, ход хорошо продуманный, неожиданный, своевременный, точный и сильный, сразу открывающий множество различных продолжений.

Пока «экономическое кольцо Северо-Восточной Азии» — всего лишь очередной и во многом вынужденный ход в текущем многостороннем конфликте, связанном с процессом краха однополярного мира Pax Americana. Но это, судя по всем признакам, ход хорошо продуманный, неожиданный, своевременный, точный и сильный, сразу открывающий множество различных продолжений.

ЯПОНИЯ И КОРЕЯ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ СОЮЗНИКИ РОССИИ И КИТАЯ

Тем не менее нельзя и приуменьшать значение форума во Владивостоке, в том числе — для социально-экономической ситуации внутри самой России. Повторимся, никаких обязательств в рамках «проекта СВА» его потенциальные участники (включая, прежде всего, Японию и Южную Корею как до сих пор находящиеся под оккупацией США государств, по факту входящих в состав «коллективного Запада») не несут, свободно определяя для себя возможное соотношение связанных с ним выгод и рисков, а следовательно — своего дальнейшего присутствия или отсутствия в нём.

Но то что выгоды «проекта СВА» для Японии и Южной Кореи очевидны, показало и присутствие, и выступления лидеров этих государств на пленарном заседании ВЭФ-2018.

В первую очередь это касается речи премьер-министра Страны восходящего солнца Синдзо Абэ, в которой он заявил о вступлении мира в период «новой соединяемости», то есть разрушения прежних и создания ранее не существовавших и даже невозможных межгосударственных союзов. «Мы переживаем важнейший поворотный момент в нашей истории», — заявил он, призвав присутствующих «не бояться мечтать». Японские мечты предельно понятны. Островное расположение Страны восходящего солнца и отсутствие на её территории сколько-нибудь значимых природных ископаемых делает Японию критически зависимой от постоянного притока ресурсов извне, а следовательно — от контроля за морскими торговыми путями. Поскольку длившаяся с 1904 по 1945 год война за установление такого контроля и соответствующие колониальные захваты была в конце концов официальной Токио безнадежно проиграна, японские элиты были вынуждены беспрекословно следовать в киль-

ватере США — того «центра силы», который после Второй мировой войны безоговорочно доминировал в Мировом океане. То есть любые попытки Японии выйти из-под американского контроля не имели никакого смысла, поскольку авианосные ударные группы U. S. Navy в любой момент могли «перекрыть кислород» её экономике. И если до уничтожения СССР США не препятствовали и даже помогали возникновению «японского чуда», то после прихода к власти Горбачёва и начала перестройки посчитали его продолжение излишним, что и привело к заключению «соглашений Plaza» в 1985 году и к делящейся вплоть до нынешнего времени стагнации японской экономики, в результате которой продукция made in Japan была вытеснена на мировых рынках продукцией made in China.

Но эта ситуация коренным образом изменилась после 7 октября 2015 года, когда залп высокоточными российскими «калибрами» из акватории Каспийского моря по целям на территории Сирии показал, что теперь американские авианосные ударные группировки (АУГ) теряют свою господствующую роль в Мировом океане, а значит — Японии жизненно необходимо договариваться с той силой, которая получила превосходство на море. Что, собственно, и происходит на наших глазах в течение последних лет. И никакие «северные территории», то есть Южные Курилы, здесь «вдолгую» ничего изменить не могут. Тем более Синдзо Абэ в своей речи намекнул на то, что после запланированного на 30 апреля 2019 года отречения нынешнего императора Акихито, занимающего Хризантемовый престол с 1989 года, и инаугурации его наследника Нарухито в политике официального Токио очень многое может измениться. В том числе — и позиция по территориальному спору с Россией. Потому что объективно это — сушая мелочь по сравнению с возникающей для Японии возможностью

наконец-то вырваться из нынешней геостратегической ситуации, где островное государство с площадью 378 тысяч квадратных километров и населением в 125 миллионов человек оказывается «намертво» зажато между США, Китаем и Россией. Иного пути для того, чтобы «убрать остатки послевоенного пейзажа и наполнить будущее надеждой», у японцев просто не остаётся.

Энтузиазм Абэ по этому поводу был чрезвычайно велик — он заявил о готовности Японии стать «главным коннектором» экономического и политического пространства от Берингова пролива до Южно-Тихоокеанского региона и превратить воды северо-западной части Тихого океана в магистральную зону мирового транзита, создав совместный с Россией логистический хаб на Курилах. Видимо, такая возможность не только обговаривалась на высшем уровне, но уже принята к реализации (в частности, проект строительства моста, связывающего материковую Россию с островом Сахалин и продления отсюда железнодорожного пути на Хоккайдо, не имеет экономического смысла без подключения Японии к более масштабным интеграционным проектам). А это, в свою очередь, позволяет предположить, что нынешний статус Южных Курил в конечном итоге будет изменён и приближен к статусу Шпицбергена, находящегося под суверенитетом Норвегии, но с разрешением широкой экономической деятельности для России.

Но, поскольку речь Абэ не вполне соответствовала «интересам момента», хотя и обозначила реальные политические планы государства, официально занимающего четвёртое место в мировой экономике, Путин срочно «ударил по тормозам» и внёс свою «режиссёрскую» реплику с предложением заключить мирный договор между двумя странами до конца года и без всяких предварительных условий. На что, разумеется, в Токио «здесь и сейчас» согласиться ни в коем случае не мог-

ли, своим отказом зафиксировав видимое сохранение «статус-кво»: проблема «северных территорий» по-прежнему является неустранимым препятствием для улучшения российско-японских отношений, США пока не о чем тревожиться...

Примерно то же самое — с необходимой «поправкой на 38-ю параллель» — справедливо и для Республики Корея. Проекты поэтапной экономической и политической интеграции Севера и Юга Страны утренней свежести с итоговим восстановлением единого корейского государства, в том числе — под флагом полной военной денуклеаризации всего полуострова, прорабатываются и обсуждаются уже не первый год и даже не первое десятилетие. Теперь, с прокладкой газопроводных маршрутов из России и строительством Транскорейской железной дороги, они явно вступают в стадию практической реализации. Хотя присутствие во Владивостоке не президента Республики Корея Мун Чжэ Ина, а премьер-министра Ли Нак Ёна и свидетельствовало о сравнительно меньшей на текущем этапе заинтересованности (или реального влияния) южнокорейской стороны в масштабных интеграционных процессах на пространствах Северно-Восточной Азии. При этом лидер КНДР Ким Чен Ён вообще отсутствовал на ВЭФ-2018 вследствие крайней специфики своего нынешнего амплуа: «ракетно-ядерного триггера» для Токио и Сеула в указанных выше процессах. Зато 17–18 сентября, практически сразу по окончании ВЭФ, два корейских лидера впервые встретились в столице КНДР Пхеньяне, где подписали целый ряд соглашений, в том числе — касающихся демилитаризации и денуклеаризации всего Корейского полуострова.

КОНТРИГРА ГЛОБАЛИСТОВ

Что касается США как глобального лидера, то Вашингтон по-прежнему занимает доминирующее положение

практически во всех сферах жизни современного мира: военной, финансовой, культурно-идеологической, политической и других. Но это лишь внешнее могущество. Гигантский дуб под названием США изнутри уже почти полностью сгнил, и хотя внешне всё остается почти по-прежнему, но трещины ползут во все стороны.

Во-первых, финансово-экономический кризис требует ответственных и радикальных решений. Это ставит нынешние США перед тяжёлым выбором: или по-быстрому свернуть свою «торговую войну» против КНР и Японии (а зачем она тогда, спрашивается, вообще была нужна и стоило ли её начинать?), или в ближайшее время получить в непосредственной близости от своих границ сверхмощное объединение сразу трёх держав из «первой десятки», зону «America free», которая способна распространиться практически на весь Азиатско-Тихоокеанский регион (за исключением Северной Америки и, менее гарантированно, Австралии/Новой Зеландии), а также на Индийский океан. С понятными последствиями для «империи доллара» в целом.

Во-вторых, ситуация «после Владивостока» резко повысила для Евросоюза привлекательность перехода от его традиционной «атлантической» ориентации к «континентальной», «евразийской», поскольку новый рынок Северо-Восточной Азии вполне способен компенсировать им потерю доходов на американском рынке — тем более в условиях изменения статуса доллара.

В-третьих, налицо уже отмеченное выше заметное ослабление связи Пекина с Лондоном, в которой «красный дракон», при всём его экономическом могуществе, играл всё-таки подчинённую роль по отношению к «британскому льву». В данной связи стоит заметить, что в таких важных для КНР международных структурах, как ШОС и БРИКС, присутствуют государства, входящие

в Содружество (соответственно, Индия и Пакистан, Индия и ЮАР), а в предполагаемой «шестёрке СВА» таких государств нет вообще. Соответственно, «степени свободы» для Пекина благодаря этому проекту существенно расширяются.

Наконец, в-четвёртых (последнее по месту, но не по значению), сама возможность возникновения на азиатско-тихоокеанском направлении такой новой масштабной угрозы для всей «матрицы глобализма США» обязана либо снизить давление США и их союзников на Россию, либо резко взвинтить наступление на позиции Москвы. Что мы пока и видим в Сирии (сбитый Ил-20), на Украине, в «деле Скрипалей» (подключение связи «Петров — Боширов (Чепига)»), а также в новых пакетах антироссийских санкций, с их возможным выходом на полную финансовую изоляцию российского рынка от мирового.

Возможно, подобная тактика вызвана надеждами на то, что Пекин

пока не созрел для окончательного формирования военного союза и совместных действий с Москвой. Пробным камнем здесь стал подписанный 21 сентября президентом США исполнительный указ, которым между министерством финансов и его главой Стивеном Мнучиным, а также госдепартаментом и госсекретарем Майком Помпео были распределены рабочие функции по введению нового «сверхжёсткого» пакета санкций, принятого в рамках закона CAATSA («О противодействии противникам Америки посредством санкций»). В частности, за закупку российского оружия (истребители Су-35 и ЗРК С-400) был «узаконен» арест на активы департамента подготовки войск и снабжения Центрального военного совета КНР и его руководителя Ли Шанфу, что вызвало мгновенный и жёсткий ответ со стороны официального Пекина.

Тем не менее американские глобалисты и их единомышленники из других государств «коллективного

Запада» явно рассчитывают на то, что через согласованные с внешним давлением действия «пятой колонны» внутри самой России, включая пенсионную реформу, им удастся разжечь «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», с переходом на «очистительную цветную революцию», — скорее всего, с какими-то предшествующими локальными вспышками в самых «горячих» точках этой конфронтации: как внешних, на Украине и в Сирии, так и внутренних, на Кавказе и — почему бы нет? — на Дальнем Востоке (помните дело «приморских партизан»?).

Сегодня особое беспокойство у Кремля, судя по всему, вызывает ситуация на Кавказе и в Центральной Азии, что продемонстрировал саммит лидеров государств — участников СНГ, прошедший 28 сентября в Душанбе. Его участниками стали президент России Владимир Путин, президент Азербайджана Ильхам Алиев, премьер-министр

Армении Никол Пашинян, президент Белоруссии Александр Лукашенко, президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, президент Киргизии Сооронбай Жээнбеков, президент Молдовы Игорь Додон, президент Таджикистана Эмомали Рахмон, вице-премьер Туркменистана Пурли Агамырадов и президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев.

Перед российским лидером и его коллегами по СНГ стоит и продолжает стоять весьма сложная и ответственная задача: в связи с дальнейшим ужесточением режима санкций необходимо, по мере возможности, вывести все расчёты по торговле этих стран с Россией из «долларовой зоны», а заодно — придать новый импульс интеграционным проектам на евразийском пространстве. С этим особых вопросов

нет — тем более что 530 млн долл. из активов Национального фонда Казахстана, «замороженных» в конце 2017 года, у всех на виду, поэтому соответствующее принципиальное решение в Душанбе, разумеется, будет принято — вопросы есть с тем, куда, когда и каким образом всё это хозяйство придётся выводить. Да так, чтобы это не привело к критичным финансово-экономическим и социально-политическим последствиям.

Новый виток гибридной войны США и их союзников против России неминуемо затрагивает и все государства СНГ, которые также оказываются под давлением. И реагируют они на эту ситуацию очень по-разному, в зависимости от их собственных интересов и обстоятельств.

Разумеется, Россия не может быть равнодушной и безучастной к про-

цессам, которые идут прямо у её границ и неизбежно перекидываются на российскую территорию, — вспомним хотя бы влияние «панкисского анклава» в Грузии на ход чеченского конфликта или развитие ситуации на Украине.

Россия не может допустить превращения сопредельных государств и их населения в «прокси-армии» «коллективного Запада», атакующие нашу страну. Россия готова внести свой вклад в дело обеспечения стабильности и безопасности этих государств. Но этот вклад не может быть односторонним и бесконечно большим, он должен базироваться на принципах равноправного и взаимовыгодного сотрудничества. А права и выгоды все понижают по-своему, иногда — весьма экзотически. Тем более что и сегодня

ня, спустя почти 27 лет с момента уничтожения СССР, ни одно «постсоветское» государство, за исключением России, — даже Казахстан и Украина — не являются в полном смысле этого слова экономически самостоятельными.

Мы видели, как главой Армении стал Никол Пашинян, как в Молдавии парламент всё время лишает президентских полномочий «пророссийского» Игоря Додона, как переходит на латиницу Казахстан, как сложно идёт диалог между Москвой и Минском. А как расценивать присутствие на саммите глав государств в Душанбе далеко не первого лица Туркменистана — президент и одновременно премьер-министр этой страны Гурбангулы Бердымухамедов предпочёл в эти дни принять участие в заседании Генассамблеи ООН — притом что официальный Ашхабад будет председательствовать в СНГ в следующем, 2019 году? Да и в отношениях с любой из республик «постсоветского пространства» проблем у России хватает. Тем более что они дополнительно создаются и раздуваются нашими западными «партнёрами», верными своей многовековой стратегии «обкусывать большой пирог по краям».

Особенно их интересует регион Центральной Азии, а в нём — такое «слабое звено», как богатая газом Туркмения, лидер которой достаточно активно и недвусмысленно обозначает прозападный курс своей политики, а значит, хотелось бы ошибиться, но сценарий тут меняется редко, — вокруг него уже формируется та «пятая колонна», которая в «час X» должна обеспечить смену власти в Ашхабаде. Возможно — при поддержке уже переброшенных американцами в Афганистан формирования ИГИЛ (террористическая организация, запрещённая в России), боевики которых уже не раз и не два «сбивали замок» на туркмено-афганской границе и совершали достаточно глубокие рейды внутри туркменской территории.

Тем не менее можно сказать, что после 11–15 сентября ситуация на «глобальной шахматной доске» принципиально изменилась — и не в пользу «коллективного Запада». Хотя режим антироссийских санкций, повторим, продолжает «по инерции» ужесточаться, приобретая уже откровенно гротескные черты — вроде развития по линии «Петрова–Боширова» пресловутого «дела Скрипалей», которое тем не менее стало обоснованием для введения нового «санкционного пакета» Конгрессом США; решений Апелляционного суда Англии и Уэльса по иску о 3 млрд долл. украинского долга перед Россией и Апелляционного суда Швеции по спору между российским «Газпромом» и украинским «Нафтогазом», etc. При этом России буквально накануне владивостокского форума удалось остановить эскалацию конфликта в Сирии (имитация химической атаки с помощью «белых касок», которая должна была стать поводом для массированного ракетного удара со стороны США и их союзников), сохранить и даже укрепить «ближневосточный триумvirат» с Ираном и Турцией (с последней — ценой приостановки наступления сирийской армии в Идлибе), а также добиться хотя бы временной нейтрализации тлеющего армяно-азербайджанского конфликта.

ТРАМП В ООН: НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРИБЫЛЕЙ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ УБЫТКОВ

Уже несколько раз в тексте настоящего доклада указав на то, что нынешние действия США на международной арене, вопреки расхожему мнению, не определяются расколом между «нетрадиционными» глобалистами — «трампистами» и «глубинным государством», состоящим из «традиционных» глобалистов-неолибералов, мы тем не менее не можем отрицать наличие тактического раскола между ними и зна-

чимости фактора промежуточных выборов в США 6 ноября 2018 года. Что лишний раз было продемонстрировано выступлением Дональда Трампа на Генеральной ассамблее ООН 25 сентября 2018 года.

Здесь следует отметить один небольшой, но очень важный нюанс. Изначально планировалось, что выступление 45-го президента США состоится уже после того, как ему станут известны результаты «предвыборного» заседания комиссии ФРС по открытым рынкам (FOMC), на котором должно быть принято решение об изменении учётной ставки. Это было последнее заседание FOMC перед «промежуточными» выборами в США, следующее назначено как раз на 7–8 ноября, а величина учётной ставки ФРС, как известно, сильно влияет на экономическую ситуацию в Америке и, соответственно, на настроения американских избирателей. Это заседание было намечено на 24–25 сентября, но в последний момент было перенесено на 25–26 сентября, то есть сдвинуто на один день, и поэтому Трампу, который ждал «до последнего» и приехал в ООН с запозданием, пришлось выступать перед представителями мирового сообщества в состоянии полной неопределённости, исходя лишь из самого вероятного развития событий (в данном случае — повышения учётной ставки ФРС на 0,25%, до 2–2,25% годовых).

Действующему «хозяину Белого дома», который неожиданно для себя оказался в положении «ведомого», пришлось обойтись, что называется, «без акцентов» и нигде не рубить сплеча. Подобная «окопная война» — это не стиль Трампа, поэтому на трибуне ООН он был внутренне скован и не слишком убедителен. Но представленная им (пусть в «демо-версии») программа дальнейших действий официального Вашингтона на мировой арене всё равно заслуживает внимания.

Начал 45-й президент США с перечисления своих успехов внутри страны: в американскую экономику

вернулось 10 трлн долл., снизилась безработица, в том числе — среди этнических меньшинств, создано 4 млн новых рабочих мест, в том числе — более 500 тыс. в промышленном секторе, приняты рекордные военные бюджеты в 700 и 716 млрд долл., Америка стала сильнее, безопаснее и богаче, чем была до Трампа. В этом пассаже, конечно, присутствовала доля самовосхваления, но его главная цель была иной — придать больший вес словам настолько сильного и успешного политического лидера.

После чего американский президент перешёл к основной части своего выступления. Если кратко передать его смысл, то он будет приблизительно таков: «Вчера мы съели ваше, а теперь будем есть каждый своё». Конечно, в формулировках Трампа это звучало иначе: «Америка выступает против глобализма, за патриотизм», «Америка не будет принимать иностранные товары в процессе несправедливой торговли, увеличивая свой торговый дефицит», «Америка не будет никого защищать без справедливого вклада этих стран в свою безопасность», «Америка не будет оказывать помощь тем странам и международным институтам, которые не признают наши интересы», и так далее.

Самым ярким моментом здесь была угроза в адрес ОПЕК, вернее — Саудовской Аравии, что американская военная поддержка этой страны будет прекращена, если мировые цены на нефть продолжат расти. Про выход США из Совета ООН по правам человека и непризнание ими юрисдикции, легитимности и компетенции Международного уголовного суда (МУС) в отношении американских граждан даже говорить не приходится. Также из слов Трампа следовало, что США не будут указывать другим странам, как им жить и что делать, но вот «Западное полушарие», в полном соответствии с «доктриной Монро» (от 1823 года) — это полностью «наше дело», и сюда входить иностранным государствам

будет запрещён. Ну и, понятно, есть агрессивные государства и правительства, которые мешают миру и процветанию во всём мире, а также вызывают возмущение у населяющих их народов. Это, прежде всего, Иран, Венесуэла и (по умолчанию) Сирия с Кубой (которая названа «спонсором» Венесуэлы!). Есть также преступные идеологии, которые сеют коррупцию и насилие во всём мире, — это социализм (привет Китаю и, наверное, Вьетнаму!) и коммунизм. Таким государствам, правительствам и идеологиям Америка, приверженная идеалам свободы и демократии, всегда противостояла, противостояит и будет противостоять, а потому призывает все нации мира следовать своему примеру. А кто не с нами — тому отключим газ (то есть прекратим помощь и введём санкции)! Но в целом все нации в мире равны, Америка — равнее всех, поэтому давайте жить в мире, согласии и процветании, у кого как это получится...

Россия в речи Трампа была упомянута лишь однажды, да и то — через Германию, которой якобы грозит полная энергетическая зависимость от России, слово «Путин» не прозвучало вообще. Китай тоже был упомянут однажды — как государство, которое использованием плановой экономики и прочих нерыночных преференций демпингует на мировом рынке и, хотя лично Трамп с большим уважением относится к своему другу, председателю Си, поведение КНР неправильно и подлежит исправлению. Украины для «Большого Дональда» просто не существовало, а «друзья» Америки и просто «правильные» государства были названы поимённо. Это (в порядке перечисления президентом США) Индия, которая улучшила благосостояние своего миллиардного населения, Саудовская Аравия, Израиль и Польша.

Суть «антиглобализма» Трампа можно охарактеризовать известным афоризмом Гейне: «Честность — прекрасна. Особенно когда все вокруг

честны, а сам ты — бесчестен». Соединённые Штаты в лице своего 45-го президента заявили о том, что будут стремиться к сохранению всех своих привилегий при максимальном сбросе всех своих обязательств — за счёт бывших союзников, получавших свою долю в рамках традиционной глобалистской «матрицы». По сути, это была программа национализации прибылей и глобализации убытков США. Согласится ли с подобной программой остальной мир, и особенно — недавние союзники Америки, очень большой вопрос.

Но окончательный ответ на него зависит от наличия или отсутствия реальной альтернативы двум «глобалистским»: прежней «неолиберальной» и новой «трампистской», — моделям развития всей человеческой цивилизации.

«ГОЛОВОКРУЖЕНИЯ ОТ УСПЕХОВ» У РОССИИ БЫТЬ НЕ ДОЛЖНО

В описанной выше внешней обстановке для России, казалось бы, открывается дверь в «золотой век», к восстановлению своей традиционной зоны влияния и постепенной реинтеграции «постсоветского пространства» на новых идеологических и политических основаниях. Но на самом деле наша страна находится в намного более сложной ситуации, чем это представляется на первый взгляд.

И главная угроза состоит в том, что Кремль продолжает цепляться за базовые основы «гайдариномики», навязанной России американцами в «лихие девяностые», — включая жесточайшее ужатие денежной массы, что сокрушает нашу промышленность и программирует «нулевой» рост экономики в целом, тормозит научно-технологические отрасли, ломает социальные программы, ограничивает зарплаты населения на мизерном «уровне выживания» в 15–17 тыс. рублей и, в конце концов, сокращает насе-

КРЕПИМ ДРУЖБУ ВО ИМЯ МИРА И СЧАСТЬЯ! 讓我們爲和平與幸福來鞏固友誼!

ление страны. Всё это уже привело к существенному снижению общественной поддержки не только «партии власти», но и президента России. А российские масс-медиа, особенно телевидение, продолжают рассказывать про экономические успехи страны, включая триумфальное «импортозамещение», и про рост жизненного уровня населения, что, возможно, в определённой мере и соответствует действительности, но — увь! — прежде всего в том, что касается узкой прослойки наших олигархов и прочих «новых русских». Сформировавшиеся линии раскола в российском обществе учитываются Западом и очень скоро могут быть задействованы, что называется, по максимуму.

Таким образом, Россия в её нынешней ситуации, с элитой, значительная часть которой ориентирует-

ся на США, является одновременно и абсолютно необходимым (вследствие мощных вооружённых сил), и самым слабым звеном в складывающейся антиамериканской коалиции. Значительной части наших «верхов» почему-то всё ещё кажется, что их «простят» и снова примут «в общество цивилизованных стран». Одним из самых ярких выразителей этой позиции является главный редактор «Независимой газеты» Константин Ремчуков. Многие эксперты сегодня даже называют его «серым кардиналом» Кремля. Об уровне этого «серого кардинала» лучше всего свидетельствует, наверное, сделанное им предложение обращаться в американские суды для возврата захваченной США дипломатической собственности России. Аналогичные позиции широко транслируются официальными и либеральными

масс-медиа. Зависимость определённых кругов в российских «верхах» от счетов, недвижимости и прочих активов за рубежом говорит только о том, что они могут поднять знамя своего «майदानа» в самом ближайшем будущем, соединяя социальные требования с антикоррупционной борьбой, как это произошло сначала на Украине, а не так давно — и в Армении.

В данной ситуации ещё одной важнейшей угрозой для России продолжают оставаться коррупция и социальная несправедливость («вбросы» о том, что 1% наших сограждан распоряжается 74% национального дохода, не проходят мимо нашего общества, поскольку вопиющая роскошь одних и столь же вопиющая бедность других не находят ни рационального объяснения, ни оправдания). Сохранение

и усиление в российской «властной вертикали», сверху донизу, носителей либерал-монетаристской социально-экономической матрицы, которая за прошедшие 30 лет показала свою полную непригодность для развития российской экономики, ведёт к росту конфликтного потенциала внутри нашего общества и государства. Как показывают данные того же Всемирного банка, за период 1990–2017 гг., ВВП Китая вырос в 19,81 раза (2-е место в мире после крохотной Экваториальной Гвинеи). Также в топ-10 находятся следующие страны, в той или иной степени использующие «китайскую» модель экономики: Мьянма — 3-е место, 15,79 раз; Мозамбик — 4-е место, 10,42 раза; Лаос — 5-е место, 9,25 раза; Вьетнам — 7-е место, 9,11 раза; Эфиопия — 8-е место, 8,84 раза; Индия — 9-е место, 8,57 раза. Для сравнения: при среднем мировом росте в 3,43 раза

США (кстати, лучшие из стран «Большой семёрки») добились показателя в 2,24 раза, а Россия — всего в 2,16 раза.

И в этом отношении трудно полностью согласиться с недавним выводом известного американского экономиста и политика, одного из главных творцов «рейганомики» Пола Крейга Робертса, который констатировал, что «правительства России и Китая находятся в зависимости от Вашингтона, потому что, уверовав в победу капитализма, они поспешили перенять американскую неолиберальную модель экономики, которая служит исключительно интересам США», — слишком уж очевидны несоответствие между реальными социально-экономическими моделями РФ и КНР в течение указанного периода времени и разница достигнутых ими результатов. Поэтому выход из либерально-монетаристской матрицы для России не только назрел, но и перезрел, ро-

скошная «каре́та» внешнеполитических успехов нашего государства в случае его социально-экономической дестабилизации моментально «превратится в тыкву», а часы на Спасской башне могут «пробить полночь» совершенно неожиданно.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Все цивилизации нашей планеты всегда стояли и строились на трёх китах: энергии, информации и организации. Сегодня эти «три кита» ведут себя, словно лебедь, рак и щука из классической басни Крылова:

*Поклажа бы для них казалась и легка:
Да Лебедь рвётся в облака,
Рак пятится назад, а Щука тянет
в воду...*

В роли рвущегося в облака, то есть к пресловутой «точке сингулярности», басенного Лебедя явно выступает информация, объём производства которой нарастает в геометрической прогрессии. Впрочем, то же самое касается и такой производной от информации, как ценности, в том числе — финансовые. Уже минимум 95% мировой денежной массы не обеспечены реальными активами, и вся эта бурная финансовая активность напоминает приснопамятный МММ, основатель которого Сергей Мавроди «очень вовремя» скончался в Москве.

В роли Рака, который пятится назад, столь же явно выступает энергия, добыча которой по ряду источников, в первую очередь — нефти, преодолела свой пик и вышла на «спуск». И этот факт никакие «сланцевые революции» или заявления Бахрейна об открытии нового крупнейшего нефтегазового месторождения на своём шельфе отменить не в состоянии.

Наконец, Щука организации человечества явно «тянет в воду», то есть к новым глобальным конфликтам, которые затронут все системные пространства: экономическое, политическое, информа-

ционное и так далее. Ни малейшей попытки совместно противостоять одновременным информационному взрыву и энергетическому падению на международном уровне пока не просматривается. Что-то в этом направлении пытаются предпринять Россия и Китай — в том числе через БРИКС, ШОС, теперь СВА и прочие «ковчеги спасения», но представители «коллективного Запада» явно недовольны тем местом, которое им там может быть отведено, и изо всех своих всё ещё немалых сил рубят борта и дно этих проектов...

Наличие нужной степени организации всегда в определённой, иногда — весьма высокой, степени могло компенсировать недостаток энергии с информацией. История человечества изобилует подобными примерами — например, Великая Отечественная война, в которой Советский Союз несколько лет практически в одиночку противостоял гитлеровскому Третьему рейху, не только объединявшему ресурсы почти всей континентальной Европы, но и захватившему значительную часть СССР.

Точно так же отсутствие нужной степени организации приводит к катастрофическим последствиям — например, «самоубийство» того же Советского Союза в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого столетия, свидетелями и соучастниками которого были практически все граждане СССР того времени.

Поэтому сегодня вопрос спасения нынешней человеческой цивилизации — по крайней мере в её российском варианте, раз уж «коллективный Запад» пытается выжить «на обломках России, против России и за счёт России», — заключается, прежде всего, в максимально позитивном, синергетическом согласовании организационного (в т. ч. управленческого), информационного (в т. ч. финансового) и энергетического векторов её развития. Задача, прямо говоря, не из лёгких, поскольку полностью соответствует знаменитому лозунгу «Спасе-

ние утопающих — дело рук самих утопающих!».

По большому счёту, пока окончательно не определены даже границы системы, подлежащей собственно спасательным мероприятиям. Именно в этом, на мой взгляд, заключена главная опасность и украинского, и сирийского конфликтов, спровоцированных «коллективным Западом», — в размывании системного различия и границ между «мы» и «они». И именно поэтому «коллективный Запад» так заинтересован в разжигании любых конфликтов внутри России.

Соответственно, отсутствует и «дорожная карта» проведения подобных спасательных мероприятий. России очень часто приходится действовать не по плану, а реактивно, «применительно к подлости» своих «партнёров», которые в общем-то ещё менее организованы как целое, поскольку состоят из весьма ограниченного и компактного «хищного ядра», активно формирующего свои «проекции силы» типа ИГИЛ (террористическая организация, запрещённая в России) и куда более обширной, но рыхлой «кормовой базы».

Россия всеми доступными ей средствами сигнализирует, что продолжение подобного курса может закончиться глобальным военным столкновением с применением ядерного оружия («Зачем нам мир, в котором не будет России?» — риторически спросил по этому поводу Путин), но «коллективный Запад» активно демонстрирует свою готовность и склонность именно к такому варианту развития событий, идя «на таран» против всего остального мира.

Видимо, попытки «достучаться» до «партнёров» являются, во-первых, содержательно бесперспективными, а во-вторых, провоцируют их на ещё большую агрессивность по отношению к России. Поэтому главную «точку приложения сил» Российского государства неизбежно придётся в самое ближайшее время

сместить на решение трёх взаимосвязанных задач:

- оптимальную организацию информационных потоков из России и внутри России;
 - оптимальную организацию энергетических потоков из России и внутри России;
 - оптимальную организацию системы управления внутри России.
- Кое-что по этим направлениям делалось и делается (помимо строительства новых экспортных нефте- и газопроводов как на Запад, так и на Восток), но далеко не всё не только из необходимого, но даже возможного.

Стоит в этой связи ещё и ещё раз напоминать власти и обществу сталинские слова, сказанные «вождём народов» на I Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г.: *«Отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим! История старой России состояла, между прочим, в том, что её непрерывно били за отсталость... Били все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно... Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».*

У современной России, чья экономика, чья энергетика, чьё информационное пространство и система власти, по сравнению со сталинским СССР, «открыты всем ветрам», вряд ли есть в запасе даже десять лет. Но у современной России есть то, чего не было у сталинского СССР образца и 1931-го, и 1941 годов, — военное преимущество над любым потенциальным противником и энергетическая независимость. Эти преимущества необходимо не только использовать, но и наращивать. Здесь понятны и цели, и пути достижения этих целей.

/ Юрий ТАВРОВСКИЙ /

Изборяне в Китае

Как убедились члены делегации Изборского клуба, встречавшиеся в середине июля с учёными Института финансовых исследований «Чунъян» Китайского народного университета, в экспертных и политических кругах столицы КНР быстро нарастает поддержка идеи ускорения темпов политического и экономического сближения между Китаем и Россией. Совсем недавно, в ноябре прошлого года, эксперты обеих сторон нередко расходились в оценках как состояния, так и перспектив стратегического партнёрства, при этом оптимистические оценки преобладали на российской стороне круглого стола. В ходе 4-го экономического диалога, получившего на этот раз название «Перспективы торгово-экономического и финансового сотрудничества Китая и России в новую эпоху», позиции гостей и хозяев сильно сблизились. Причина была не в традиционном для Пекина летнем периоде жары и влажности «футянь», от которого все участники сбежали в горы к северу от столицы, на берега водохранилища Миюнь. Китайцы уже начали ощущать ту «жару» санкций, торговых и информационных войн с США, которую мы переживаем не первый год.

Уже в приветственном выступлении вице-президент Народного университета У Сяоцун сообщил, что в китайском руководстве создана специальная группа по оперативному реагированию на американскую торговую войну. При этом были процитированы слова председателя КНР Си Цзиньпина на недавнем Азиатском форуме в Боао о том, что Китай, несмотря на все попытки сдерживания его торговой активности, остаётся открытым и только шире распахивает двери для всех партнёров.

Тревожные нотки звучали и в приветствии Ван Вэня, директора Института «Чунъян», молодого, но быстро набирающего влияние «мозгового треста». В мире нарастает неопределённость, причиной которой является капризный курс президента Трампа. В Китае идёт

углубление реформ, в России реформы сталкиваются с вызовами. Обе страны оказались в «открытом море» и нуждаются во взаимной поддержке. Новая эпоха требует качественного взаимодействия на всех уровнях, откровенного обмена мнениями среди экспертов.

Призыв к взаимодействию и откровенности поддержал глава российской делегации, академик РАН С.Ю. Глазьев. В своём приветствии он назвал российско-китайские отношения образцом для XXI века, а политическое, экономическое и военное взаимодействие России и Китая — залогом мира на планете. Он подчеркнул, что экономическое сопряжение двух держав нуждается в надёжных механизмах, защищённых от воздействия третьих стран. В условиях антироссийских санкций и торговой войны против Китая на первый план выходят безопасные формы финансового сотрудничества. Доллар становится «токсичной валютой», необходимо ускорить процесс дедолларизации и переходить на расчёты в национальных валютах. Нужна новая архитектура взаимодействия Москвы и Пекина.

УЙТИ ОТ ТОКСИЧНОЙ ВАЛЮТЫ — ДОЛЛАРА

Получив слово уже в качестве главного докладчика, С.Ю. Глазьев обратил внимание на явное противоречие растущей роли китайской экономики в мире и скромной роли национальной валюты — юаня. Присвоив себе роль эмитентов мировых валют, США, Англия и Япония организуют в своих интересах весь глобальный рынок, строят на этом свою экономическую, военную, политическую роль. В то же время до 80% эмитированных долларов идёт на создание финансовых «пузырей» и «пирамид». Построенный на долларе «вашингтонский консенсус» ведёт к деградации, кризисам. Созданный в Китае интегральный строй, объединивший разные экономические модели, стал самой эффективной и прогрессивной

из действующих систем развития. Это не переходная стадия от социализма к капитализму или обратно, а совершенно новая модель, которая будет существовать и развиваться десятилетиями. Осознав опасность этой модели и конкуренции китайского юаня, американский истеблишмент при президенте Трампе перешёл к активному сдерживанию КНР, развязав торговую войну. Эти действия, как и жёсткие санкции против России, в конечном итоге не смогут остановить объективные исторические процессы разрушения финансовой, торговой, политической монополярности. Однако ситуация опасная, смена гегемонов и служащих им глобальных моделей развития всегда сопровождалась войнами. Англия спровоцировала Первую и Вторую мировые войны, от которых сильно пострадали как Россия, так и Китай.

Создание антивоенной коалиции с участием России и Китая ради предотвращения третьей мировой войны становится залогом выживания человечества. Политические контакты Москвы и Пекина намного обогнали экономическое взаимодействие. Нужно срочно создавать общие институты развития, превращать финансовые системы в сообщающиеся сосуды. Пока же именно область финансов стала «бутылочным горлышком», которое не позволяет использовать взаимодополняемость экономических систем России и Китая. Россия сейчас испытывает нехватку денег, а Китай накопил огромные средства. Но в Пекине опасаются, что средства с китайского валютного рынка, поступив в Москву, утекут на рынки третьих стран. Решением этой вполне реальной проблемы может стать создание интегрированной банковской системы, унифицированных платёжных схем, крупных совместных банков. Важную роль может сыграть сопряжение ЕАЭС и инициативы «Пояс и путь». Уже созданные в рамках этих инновационных структур финансовые институты призваны обменяться накопленным

опытом, идти к созданию межбанковского рынка, общей платёжной системы, рейтинговых и информационных структур вместо SWIFT и иных механизмов «вашингтонского консенсуса». Современная банковская система не только позволит ослабить зависимость от доллара (и через него — от надзора американских финансовых властей), но и уменьшит болезненность санкций и торговых войн. При сопряжении ЕАЭС и «Пояса и пути», а также создании российско-китайской финансовой системы очень выигрышным будет использование современных цифровых технологий, которые помогут бороться с кибертерроризмом. Россия и Китай выступают за всемирное соглашение против этой глобальной угрозы, а США не соглашаются. Это не случайно — американское кибероружие уже стало применяться: достаточно вспомнить атаки на АЭС в Иране.

ВЕЛИКАЯ СТАГНАЦИЯ НАСТУПАЕТ НА МИР

О важности прорыва в китайско-российском взаимодействии на фоне опасной стагнации западной экономики говорил Джон Росс, старший научный сотрудник Института «Чунъян». Анализы и прогнозы этого английского исследователя пользуются уважением не только в китайской экспертной среде, но и в блогосфере. Профессор Росс дал определение нынешней глобальной ситуации в экономике. Это не катастрофа Великой депрессии 30-х годов XX века и не Великий бум после завершения Второй мировой войны. Мир втянулся в Великую стагнацию. Замедление создания капитала в США и других странах «Большой семёрки» исключает кардинальное оживление производства и торговли. Уже через год-полтора даже нынешние минимальные темпы развития сменятся спадом. На Западе происходит не только экономическая, но и политическая стагнация: растут консервативные, националистиче-

ские настроения, за «Брекзитом» могут последовать другие расколы международных объединений и государственных образований.

На Западе наблюдается нестабильность, а на Востоке — стабильность. Важную роль в этом играет Китай, где создана «новая структурная экономика» с уникальной системой регулирования капиталовложений. Сейчас до 40% ВВП КНР создаётся именно за счёт инвестиций. Причём значительная их часть идёт на инновации, развитие науки и техники. Огромные средства направляются в отрасли, связанные с обороной и фундаментальными исследованиями. Сильное государство использует свои рычаги как для развития современного производства и свёртывания устаревших отраслей, так и для обеспечения внутреннего рынка за счёт ликвидации остатков нищеты, роста численности среднего класса, который сейчас составляет 400 миллионов человек, а к 2035 году будет насчитывать 800 миллионов душ.

Огромным рынком для Китая может стать Россия и другие страны ШОС. Уже сейчас темпы роста в этом объединении (за исключением России и Казахстана) выше, чем в «Большой семёрке». Возможное дальнейшее расширение ШОС за счёт Ирана, Индонезии, Вьетнама и других стран Юго-Восточной Азии может заметно повысить роль этого объединения в мире. Ещё один резерв — создание интегрированной финансовой системы, новых производственных цепочек в масштабе ШОС.

НОВАЯ РОЛЬ ФИНАНСОВЫХ ИНСТИТУТОВ БРИКС И ШОС

Говоря о важности преодоления «бутылочных горлышек» в российско-китайских отношениях, необходимо учитывать глобальное измерение стратегического партнёрства Москвы и Пекина, отметил в своём докладе Ю. В. Тавровский, профессор РУДН. Созданная в 2001 году по инициативе, прежде всего, России и Китая Шанхайская организация сотрудничества

(ШОС) является структурой региональной, евразийской. Но эти же страны инициировали в 2006 году формирование межконтинентальной организации под названием БРИКС. Обе эти международные организации были поначалу недооценены как в столицах стран-участниц, так и на мировом уровне. Подлинный потенциал ШОС и БРИКС становится понятен только сейчас, в условиях развала сложившейся после Второй мировой войны системы международных политических и экономических организаций. США уже вышли из Парижских соглашений по климату, из Транстихоокеанского торгового партнёрства и ЮНЕСКО, из Иранской ядерной сделки. Они угрожают выходом из ООН и даже НАТО. Всё это можно назвать «деглобализацией». С другой стороны, формируется тенденция к «новой глобализации». Её возглавил Китай, провозгласивший на последнем партийном съезде доктрину Сообщества единой судьбы человечества. Опорами «новой глобализации» становятся ШОС и БРИКС, а также инициатива «Пояс и путь». Поскольку господство зашедшего в тупик и крушащего всё на своём пути «вашингтонского консенсуса» основано на долларе, альтернативная глобальная повестка должна основываться на альтернативной финансовой системе. Её эскизы видим в Новом банке развития БРИКС, Банковском объединении ШОС, Евразийском банке развития, фонде «Шёлковый путь» и Азиатском банке инфраструктурных инвестиций. Накопив опыт взаимодействия на основе принципов равноправия, консенсуса, взаимной выгоды, эти финансовые институты для реализации масштабных проектов нуждаются во вливаниях капитала. Финансирование из бюджетов стран-участниц, в том числе даже Китая, в сложившихся условиях видится проблематичным. Зато начавшийся вывод резервных средств из американской финансовой системы и частичное вложение в капитал банков БРИКС и ШОС может сильно продвинуть

переход на национальные валюты, ослабление всемогущества доллара.

ПЕКИНУ И МОСКВЕ НУЖЕН НОВЫЙ ФИНАНСОВЫЙ МЕХАНИЗМ

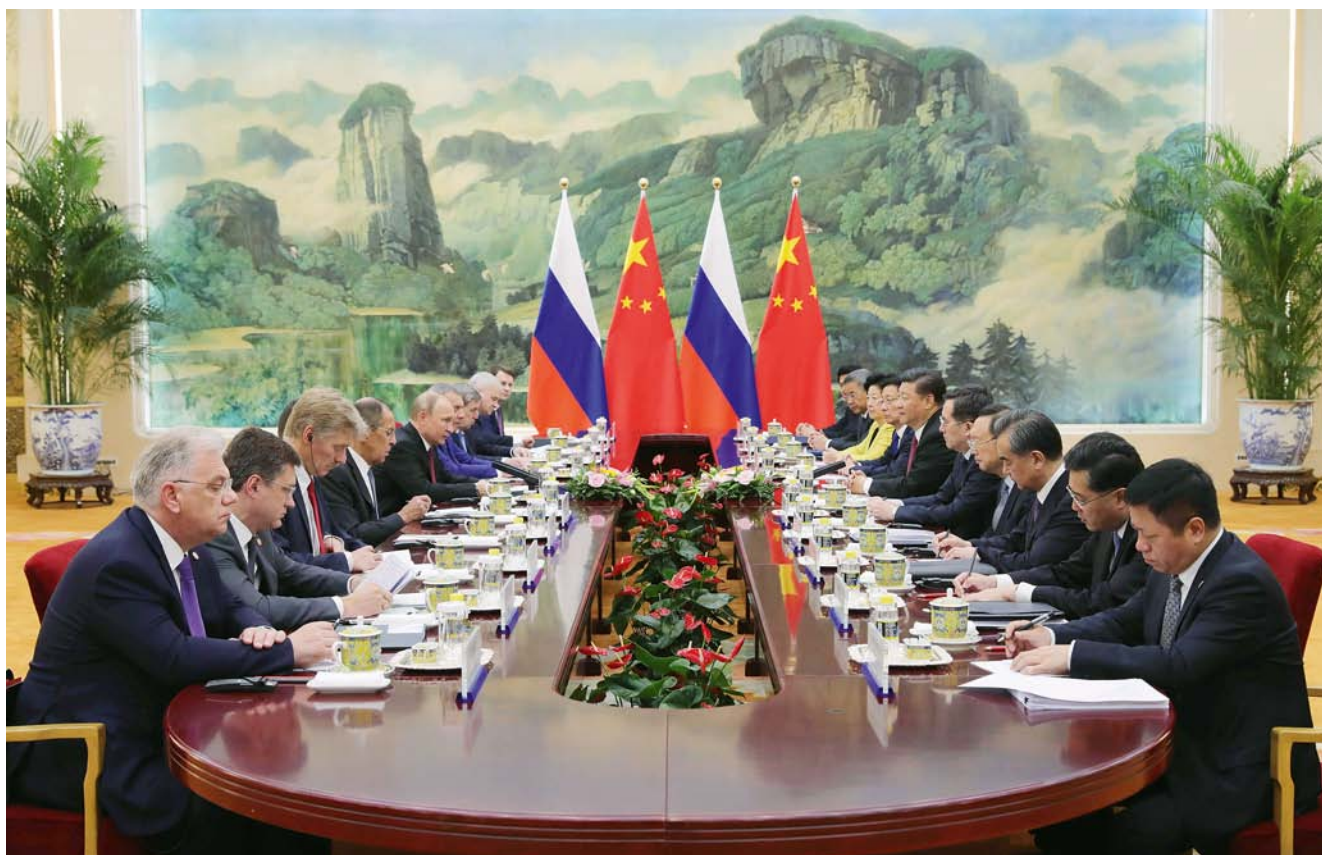
«Медовый месяц» в китайско-российских отношениях завершился. Пора вести нормальную «семейную жизнь», разделяя радости и проблемы, помогая друг другу, трезво видеть достоинства и недостатки, честно говорить о своих озабоченностях. С такого призыва начал выступление Лю Чжицин, научный сотрудник Института «Чунъян». Он заявил, что своим поведением руководитель Америки доказывает, что эта держава способна разрушить старый дом, но не может построить новый. Даже проведённый в России чемпионат мира по футболу доказал, что народы мира вполне могут обходиться без Дяди Сэма. Похоже, что и без американского доллара скоро можно будет обойтись. Но тут своё

слово должны сказать Китай и Россия. Они просто обязаны создать новый финансовый механизм, позволяющий развиваться без оглядки на доллар и его регуляторов. На базе нового финансового механизма надо создавать производственные цепочки, формировать общий рынок. Сейчас ощущается нехватка масштабных проектов двустороннего развития. Россия недостаточно открыта для Китая. Это проявляется в сохранении визового режима, ограничениях для китайских капиталов и товаров, в срыве некоторых уже достигнутых договорённостей.

Вице-президент Народного университета У Сяоцун снова взял слово и поделился тревожными мыслями. Сейчас Америка пытается блокировать развитие Китая, отказывается продавать важнейшие технологии. Велика и финансовая зависимость от Вашингтона: доллары США составляют 63% в валютных резервах КНР. Стратегия «Америка на первом месте» угрожает не только Китаю,

но также России, Евросоюзу, другим конкурентам слабеющего Дяди Сэма. Обсуждаемая на нынешнем форуме китайско-российская платёжная система продвигается очень медленно, хотя имеет первостепенное значение. На то были объективные причины: рубль пережил период волатильности. Но сейчас достигнута столь необходимая нам стабильность. Пора переходить на расчёты в юанях и рублях, можно даже использовать третью валюту. Главное — не использовать доллар! При этом надо осознавать, что ситуация с торговыми войнами постоянно усложняется. Сейчас она более острая для России и Европы, чем для Китая. Но возможны новые антикитайские шаги.

Весьма подробно рассказав о развитии китайской экономики и финансов за 40 лет «реформ и открытости», заместитель декана Финансовой школы Народного университета Чжао Сицзюнь заявил, что Китай перешёл от количественного к качественному развитию. Три

главные задачи на предстоящие пять лет таковы: избавиться от нищеты последние 30 миллионов китайцев, защитить окружающую среду, устранить риски для финансовой системы. Что касается китайско-российского финансового сотрудничества, то его опыт пока недостаточен. Доля юаня во взаимных расчётах начала было повышаться, но сейчас перестала расти. Свою роль сыграло ужесточение валютного контроля в Китае. Соглашения о том, как уходить от американского доллара, между денежными властями и предпринимателями обеих стран до сих пор нет. Такая же картина в других странах ЕАЭС. Предложение С. Ю. Глазьева создать объединённый российско-китайский банк — правильное. Но стоит подумать об использовании в двусторонней торговле не только национальных валют и доллара, но также золота и нефти. Всё более эффективной становится Китайская международная платёжная система (CIPS), хотя в России она так и не заработала. Российские коммерческие

банки считают эту систему слишком сложной, а вот к золоту и нефти относятся положительно.

Спустить дискуссию с вершин глобальных финансовых и политических процессов «на грешную землю» постарался представитель Сбербанка России в Китае С. С. Цыплаков. По его мнению, Китай входит в новый, менее благоприятный этап развития, что скажется и на его торгово-экономических отношениях с Россией. Он призвал не форсировать вытеснение доллара из двусторонних расчётов. Рано или поздно это случится само собой. Он видит другие проблемы в экономическом взаимодействии: малочисленность китайских и российских малых и средних предприятий среди участников, неразвитость инфраструктуры, участие в финансовом сотрудничестве только крупных российских банков, находящихся под санкциями. Китайские банки в таких условиях предпочитают или не давать кредиты на торговлю с Россией, или давать под большие проценты, предлагают

связанные кредиты. С российской стороны отсутствуют проработанные крупные проекты под китайское финансирование.

СОПРЯЖЕНИЕ РЕГИОНОВ

Известный китайский специалист по России, директор Института пограничных проблем Китайской академии общественных наук Син Гуанчэн вспомнил времена, когда по улицам китайских городов разъезжали советские «Волги» и «Жигули», а русскую речь понимали многие китайцы. Что надо сделать, чтобы изменить прискорбную ситуацию отсутствия материальных признаков российской цивилизации в Поднебесной? Есть огромные возможности в выходе на потребительский рынок российских продуктов, возможно и совместное развитие высоких технологий, особенно в информатике, атомной и космической областях. Необходимо форсированное строительство связывающих нас железных и шоссейных дорог, мостов, погран-

переходов. Особенно это касается сопредельных регионов: русского Дальнего Востока и китайского Дунбэя (Северо-Востока), Синьцзяна и Западной Сибири, Алтая. Немалый потенциал для развития во взаимодействии других регионов — бассейнов Волги и Янцзы.

Тему регионального сотрудничества подхватил руководитель Ассоциации китайских предпринимателей и генеральный директор Российско-китайского бизнес-парка в Санкт-Петербурге Чэнь Чжиган. Прожив в России около 30 лет и став её гражданином, он накопил колоссальный опыт «связывания ниточек» между предпринимателями, организациями обеих стран. Эффективной площадкой для этого стал Российско-китайский бизнес-парк, официально открывшийся в 2017 году на территории петербургского Экспоцентра. С того времени Парк посетило более 200 делегаций из Китая, прошли конференции по сотрудничеству в области высоких технологий и сельского хозяйства. Благодаря связям с местными властями, вузами, китайским консульством и представительством МИД России удаётся обходить «острые углы» и помогать знакомству и продолжению связей деловых людей. Подобные площадки стоит создавать в большинстве российских регионов. Именно об этом шла на днях речь на российско-китайском ЭКСПО в Екатеринбурге, а также при посещении делового форума в Тюмени. Предпринимателям действительно нужно ослабление визовых формальностей, а ещё нужны «длинные деньги», долгосрочные кредиты под двусторонние сделки. Из-за незнания русского рынка и довольно негативного освещения опыта китайских предпринимателей в России китайские частные инвестиции уходят в Казахстан, Белоруссию и другие страны ЕАЭС. Жалуются китайцы и на плохо проработанные и оформленные проекты своих российских коллег. Сейчас в Китае быстро растёт средний класс, увеличиваются доходы всего насе-

ления, особенно повышается спрос на качественные продукты питания и предметы искусства. Всем этим богата Россия. Надо давать китайцам больше информации о своих возможностях.

МЕНЬШЕ СЛОВ, БОЛЬШЕ ДЕЛА!

Кратко, но ёмко высказался профессор Ван Вэнь, руководитель Института «Чунъян». Он обратил внимание на то, что за последние годы между Китаем и Россией подписано много документов о сотрудничестве в самых разных сферах, проведены сотни конференций и круглых столов. Однако конкретных проектов, учитывающих национальные интересы двух стран, озабоченности регионов и конкретных фирм, особенно малых и средних, катастрофически мало. Даже подписанные договорённости не выполняются, причём с обеих сторон и на разных уровнях. Возможно, стоит подумать о создании некоего третейского суда, третьей силы?

С важной репликой выступил и С.Ю. Глазьев. Он отметил, что расширение использования национальных валют необходимо не ради «борьбы с Америкой». Использование «токсичной валюты» — доллара ведёт к большим потерям российских корпораций уже сейчас. Вспомним пример РУСАЛа. В опасную зону попадает не только Россия, но также Китай, Иран. Более 80 стран узнали, что такое американские санкции. Сейчас идёт экономическая война, и любое промедление грозит потерями!

НАДВИГАЕТСЯ ЛИВЕНЬ В ГОРАХ...

Директор института экономических стратегий А.И. Агеев ввёл финансово-экономические дебаты в контекст проблем глобальной безопасности. Для начала он сравнил нынешнюю обстановку в мире с той, которая существовала накануне кубинского ракетного кризиса в 1961 году. Тогда СССР был в 12 раз слабее США в военной области. Но понимание воз-

можных последствий столкновения двух стран подвигло Хрущёва и Кеннеди к мирному решению проблемы.

Сейчас в основе растущей агрессивности Вашингтона лежит желание экспроприировать богатства России и Китая ради продолжения гегемонии США. «Юрисдикция длинной руки» нарастает — от страновых санкций к полномасштабным торговым войнам. Главный удар наносится по России, но скоро за ней последует Китай. Речь ведь идёт о том, кто будет писать правила для всего мирового сообщества. Кто будет центром мира, кто провинцией, а кому уготована роль захолустья. Россия и Китай, если не хотят играть второстепенные роли, должны координировать не только политическое партнёрство, но и быстро создавать экономические, финансовые, военные цепочки взаимодействия. Нынешние структуры — ШОС, «Пояс и путь», БРИКС и другие — надо усиливать, наполнять новым содержанием. Иначе наши страны может ждать трагический сценарий.

Холодок от надвигающихся глобальных вызовов только усилился после выступления заместителя директора Института международных отношений Народного университета Цзинь Цанжуна. Он сказал, что за минувшие 40 лет китайско-американские отношения развивались довольно стабильно, хотя были элементы как сотрудничества, так и конкуренции. Изменения последнего времени произошли из-за успехов мирного подъёма Поднебесной. В Вашингтоне стали рассматривать этот закономерный процесс как вызов, а не как возможность. В трёх недавних стратегических докладах Китай характеризуется как соперник, которого надо сдерживать. Президент Трамп как раз является представителем влиятельных кругов, которые с ревностью следят за успехами Китая. Всё более агрессивную политику в отношении КНР диктует не сам Трамп, при всей его неординарности. США переживают новый экономический цикл, ощущается

нехватка инвестиций, крупных проектов развития, падает производительность труда. Мы вряд ли можем помочь Америке. Наша конкуренция происходит практически во всех областях. Это опасно. Но Китай не ищет конфликта, мы готовы к долгосрочному диалогу. Да, Америка на глазах меняется, слабеет, теряет чувство юмора, а её политика становится всё более агрессивной. Китай тоже меняется — за последние 5,5 года под руководством председателя Си Цзиньпина внешняя политика Пекина стала активной. Раньше Китай молчаливо «вкалывал», шёл на компромиссы. Но сегодня не стесняется высказывать свои взгляды и демонстрировать мощь. Изменилась и внутренняя ситуация в Китае: политически активные граждане следят за внешней политикой своей страны, высказываются в сетях, поддерживают или критикуют. 780 миллионов китайцев пользуются интернетом.

Два дня продолжался диалог Изборского клуба и Института «Чунь-

ян». Не все интересные доклады умещаются в прокрустово ложе газетной статьи. За его пределами остались доклад М. В. Ершова, главного директора по финансовым исследованиям Института энергетики и финансов, о текущих особенностях в развитии мировой экономики, а также В. В. Архиповой, старшего научного сотрудника Института экономики РАН, о малоизвестной у нас, но актуальной для Китая теме «зелёных финансов». Не хватило места и для доклада бывшего заместителя заведующего Отделом международных связей, специалиста по России Чжоу Ли, бывшего посла КНР в Киргизии, Латвии, Казахстане и Украине Яо Пэйшэна о необходимости создания китайско-российских коридоров развития, а также директора Центра регионального экономического взаимодействия Китайской академии международной торговли и экономического сотрудничества Чжан Цзяньпина о взаимосвязи инициативы «Пояс и путь» и ЕАЭС. Эти сообщения были сосредоточены

на прикладных аспектах, подробности которых не приводятся в силу их сугубо узкопрофессиональной специфики.

Дискуссии российских и китайских экспертов завершились 16 июля, в день встречи президентов России и США. Неудивительно поэтому, что на пресс-конференции в пекинском офисе Института «Чуньян» вопросы журналистов касались не только представленного на суд научной общественности совместного доклада «Оценка состояния и перспектив китайско-российского экономического сотрудничества. Общие взгляды». Отвечая на вопросы о саммите в Хельсинки, С. Ю. Глазьев, Ван Вэнь, Яо Пэйшэн и Ю. В. Тавровский подчеркнули общую мысль: только прочные экономические и финансовые связи Москвы и Пекина могут укрепить их позиции в сопротивлении всё более агрессивному натиску США на старых и новых «соперников» «вашингтонского консенсуса».

Москва–Пекин–Москва

Леонид ИВАШОВ. Записки русского генерала. —
М.: Книжный мир, 2018. — 444 с.

Эта книга выпущена в свет к 75-летию генерал-полковника Леонида Григорьевича Ивашова. В ней собраны статьи и выступления юбиляра, позволяющие увидеть важнейшие события нашего времени и недавнего прошлого в их взаимосвязи глазами выдающегося военного, общественного и политического деятеля, доктора исторических наук, профессора, президента Академии геополитических проблем и постоянного члена Изборского клуба с момента его основания. Генерал Ивашов — настоящий патриот России, который своими непрестанными трудами внёс и продолжает вносить уникальный вклад в дело сохранения

и возрождения нашей Родины, российских армии и флота, Русского мира во всём мире. Современная геополитика в трактовке Леонида Григорьевича — не столько отвлечённая академическая догма, сколько руководство к многомерному политическому действию, от индивидуального до межгосударственного уровня, практическая конфликтология в реальном пространстве и времени. Читая «Записки русского генерала», можно убедиться в том, что многие идеи и мысли их автора были восприняты, усвоены и эффективно применены на практике нынешней российской «вертикалью власти» в её внешней политике.

Юрий ПОЛЯКОВ. Желание быть русским. —
М.: Книжный мир, 2018. — 448 с.

Публицистика, как и всё творчество известного русского писателя Юрия Михайловича Полякова, — это всегда актуально, ярко и по-хорошему провокационно. Автор не обходит стороной «острые углы» нашей жизни, но затачивает их до бритвенной остроты. Представленный в данном издании цикл его телевыступлений и соответствующих публикаций в «Литературной газете», вернувшей себе под редакцией Юрия Полякова доброе имя и общенациональный статус, — это настоящая энциклопедия проблем межнациональных отношений внутри России и вокруг её нынешних границ. «Да,

я не этнолог, не этнограф, не политолог, не историк, но знаете, иногда литератор замечает или угадывает то, что не способны рассмотреть в свою щель узкие специалисты, то, что не учитывают политики, озабоченные рейтингами и выборами. Главная же мысль, которую я хотел донести до моих читателей, а если повезёт — и до сильных мира сего, проста: от нашего с вами желания быть русскими (не по крови, конечно, а по самоощущению) зависит судьба всей тысячелетней евразийской державы. Имеющий разум — поймёт», — искренне говорит автор.

Михаил КИЛЬДЯШОВ. Александр Проханов — ловец истории
М.: Вече, 2018. — 328 с. (серия «Новая империя»)

На страницах этой книги история и время предстают прекрасным и непредсказуемым полётом бабочки, за которым восхищённо следит, который скрупулёзно описывает и о котором бесконечно фантазирует русский писатель Александр Андреевич Проханов. «Ему навстречу Родина летит, и тень её на бабочку похожа...» Михаил Кильдяшов признался, что за два года прочитал и перечитал все сорок прохановских романов и теперь отчасти воспринимает мир «прохановскими глазами» — как непрерывную динамику, пересечение бесконечного числа

«синусоид», в котором невозможна статика времени и пространства, невозможно фаустовское «Остановись, мгновенье!», потому что прекрасным может быть только живое движение — даже если это лишь движение человеческого глаза, рассматривающего бюст Нефертити, «Джоконду» Леонардо да Винчи, «Троицу» Андрея Рублёва или церковь Покрова на Нерли, читающего пушкинские стихи или «Войну и мир» Льва Толстого. «Бог не есть Бог мёртвых, но Бог живых» — эту истину утверждает всем своим творчеством Александр Проханов.

Хронология мероприятий клуба

Встреча председателя Изборского клуба Александра ПРОХАНОВА с президентом Южной Осетии Анатолием БИБИЛОВЫМ

24–28 июля 2018 года

В рамках телепроекта «Русская мечта» председатель Изборского клуба Александр Проханов посетил Белгородскую область, побывал в ряде районных центров, на промышленных и сельскохозяйственных предприятиях, посетил военно-исторический музей-заповедник «Прохоровское поле», прошли его встречи с представителями общественности и различных институтов государственной власти «31-го региона», в том числе — с губернатором области Евгением Савченко.

28 июля 2018 года

В церемонии открытия историко-патриотического поэтического фестиваля в Изборске «Словенское поле — 2018» принял участие постоянный член Изборского клуба, руководитель культурно-просветительского сообщества «Переправа» Александр Нотин.

13–17 августа 2018 года

В рамках телепроекта «Русская мечта» председатель Изборского клуба Александр Проханов посетил Северную и Южную Осетию, где состоялись его

встречи с главой Республики Северная Осетия — Алания Вячеславом Битаровым и президентом Южной Осетии Анатолием Бибиловым.

23 августа 2018 года

Рижский суд освободил из-под стражи председателя «Конгресса неграждан» Латвии, председателя Прибалтийского отделения Изборского клуба, доктора экономических наук Александра Гапоненко, который был арестован весной этого года по обвинениям в разжигании национальной розни, в деятельности, направленной против Латвии, и в помощи иностранному государству в его деятельности против Латвии. После освобождения Александр Гапоненко обнародовал заявление, в котором, в частности, говорится: «Я не ожидал, что суд изменит мне меру пресечения на не связанную с содержанием под стражей. Я думал, что мне предстоит крестный путь, что я закончу свой путь в тюрьме и буду мучеником. Хорошо, что этого не произошло... «Испанский сапог» или дыбу ко мне не применяли, однако после грубого задержания продержали двенадцать часов в наручниках и не давали есть и пить. Эти противозаконные действия я определяю как пытки и желание

получить таким образом признание в преступлениях, которые я не совершал... Что касается надежды на справедливость судебного решения, то после вмешательства ООН, СЕ, ОБСЕ, правозащитников, СМИ такая надежда появилась. Однако отмечу, что проблема носит общий характер. Ряд русских правозащитников и активистов арестован и отправлен в тюрьмы в Литве, на Украине, в Польше, в других странах. Надо этих людей защищать на систематической основе, предоставлять им политическое убежище в России в случае необходимости. И нужно ставить вопрос о защите русского и прорусского населения на всём постсоветском пространстве, мобилизовывать на решение этой проблемы российские правящие элиты».

В Москве, в здании 75-го павильона ВДНХ, прошёл III Международный православно-молодёжный форум «Прошлое. Настоящее. Будущее». В работе форума приняли участие эксперты Изборского клуба Алексей Вайц и Андрей Коваленко, а также председатель Оренбургского регионального отделения Изборского клуба Михаил Кильдяшов.

24 августа 2018 года

В Президентской библиотеке г. Санкт-Петербурга состоялся областной педагогический совет «Ленинградская область: от качественного образования к человеческому капиталу». По приглашению председателя Комитета общего и профессионального образования Ленинградской области Сергея Тарасова в мероприятии приняли участие первый заместитель председателя Изборского клуба Олег Розанов и исполнительный директор Медиаобразовательного центра Изборского клуба Роман Максимов. В рамках совета было подписано Соглашение о сотрудничестве по решению задач реализации патриотически ориентированной государственной политики в сфере воспитания обучающихся между Изборским клубом и Комитетом общего и профессионального образования Ленинградской области.

/ Григорий ВИХРОВ /

«Отольются вам наши пули...»

В творчестве Григория Вихрова (1961, г. Коломна, Московская область) совершенно явственно звучит продолжение «тютчевской» линии или, вернее, «тютчевского» руслу отечественной поэзии, не слишком широко, но живительно и плодотворно в ней представленного, с XIX века и вплоть до нынешних дней. Афанасий Фет, Иннокентий Анненский, поэты Серебряного века (лишь отчасти), Николай Ушаков, «тихие лирики» из так называемой «кожиновской плеяды»: Николай Рубцов, Владимир Соколов, Анатолий Передреву, Алексей Прасолов, Василий Казанцев — примерно таким видится мне тот ряд, в котором стоит сегодня Григорий Вихров со своими стихами. Это вовсе не значит, что он — их наследник или последователь, его поэзия — вполне самостоятельное и самобытное явление, рождённое не столько чьим-то внешним литературным влиянием, сколько уникальной энергетикой той «среднерусской полосы», о которой было сказано в известном стихотворении Владимира Соколова, обращённом к Анатолию Передреву. И прекрасно, что эта энергетика творчеством Григория Ивановича преобразуется не просто в поэтическое слово, но в слово непрерывно звучащее, организующее и оживляющее пространства духовной жизни вокруг него, — автор много выступал и выступает с лекциями и творческими вечерами не только в России, но и в бывших союзных республиках, в странах Западной и Восточной Европы, является победителем Всемирного фестиваля поэзии в г. Льеж (Бельгия, 1990), дипломантом поэтического фестиваля во Франции (1998), участником Дней славянской письменности в Болгарии, Пушкинских дней и Дней русской культуры в Молдове; Дней русской литературы в Польше; постоянным участником международных писательских встреч в Ясной Поляне.

Георгий СУДОВЦЕВ

* * *

Старая яблоня шлёт молодые побеги
Мокрому солнцу на склоне печального мая.
Кто-нибудь вспомнит: отсюда ушли печенег,
И закатилась улыбка батыра Мамая.

В праздничных листьях, в корнях чрезвычайно незримых,
Дадено будет — к стволу попытаюсь приткнуться.
Кто-нибудь вспомнит: ушли миллионы любимых.
Может, вернуться? Зачем? И за кем? Никогда не вернуться.

ПОСОХ

Ох ты, посох мой, ореховый, сухой.
Ночь хорошая, денёчек неплохой.
Недоевший, недопивший на пиру,
Небогатую котомку соберу.

Рассветает от несгубленной красы,
И светло от потревоженной росы.
Ох ты, посох — и хозяин, и слуга,
Отведи меня в далёкие луга.

Не дойти до перелеска, до леска:
По оврагам беспокойно и темно.
Лёгким посохом продолжена рука.
Постучу-ка Богу доброму в окно.

... И поднимется, займётся листопад.
Упадёт листва товарищу на грудь.
Что же, посох, ты ни в чём не виноват.
Доживём когда-нибудь, когда-нибудь...

РОМАНС

На жар печной последних георгинов
Не нагляжусь из белого окна.
Не нагляжусь, и белый свет покинув,
Пусть жизнь одна, и молодость одна...

Не торопись, родная, изъясняться
На языке прощального огня.
На долгих стеблях лепестки теснятся.
Не для тебя они, не для меня.

Всё тяжелее осень и старше,
Всё неотвратней чувствуя вину,
И я тебя, как молодость, согрею...
И я тебя, как молодость, верну.

Не нагляжусь. И белый свет покинув,
Пусть жизнь одна, и на двоих одна...
Живой очаг последних георгинов
Запомнил нас у белого окна.

* * *

NN

Весёлые травы и ветер степной...
И сон опустился на грудь.
Ты шепчешь ревниво: «Останься со мной.
И ночь, и зорьку побудь».

Костёр принимает обличье коня.
Скакун обернётся судьбой.
Признайся огню, как не любишь меня —
И просишь остаться с тобой.

Безумное время по жилам течёт
И души сжигает дотла.
Не чёрт я, не ангел. И ангел! И чёрт!
Ты счастье лихое нашла.

Умчится огонь, похищая коня,
Вольготно искать водопой.
Признайся луне, как не любишь меня —
И просишь остаться с тобой.

Забудь мои губы, и речи забудь.
За радость усталую, за...
Тобой повторяю: «Поближе побудь,
Пока не открылись глаза».

* * *

Пахнет воском у церквушки.
Брызжет вербю весна.
Воскресенье. У старушки
До полудня жизнь ясна.

Марширует век военный.
Взгляд свинцов. Язык остёр.
Сын мой, ангел убиенный,
Крылья скорбно распростёр.
На стене, в одеждах белых,
Ночью блазнился во сне
Младший, павший смертью смелых,
Смертью русских на войне.

Воскресенье. Над Россией
Облакам холодным плыть.
Тяжело старушке сирой
Крестную шепот сложить.

Троеперстье вдовий доли
Обжигают всё сильней.
Сердце — три щепотки соли:
Муж и двое сыновей.

МОЕЙ МАТЕРИ

Я из молитвы матери иду,
Слова забыв, к великому стыду.
В каком году отплачу, отпирую,
Освобожу сорочку роковую.
Освобожу, а ближе не найду.

Никто не знает по моей вине
Твоей судьбы, доверенной стерне
Осеннего тускнеющего луга.
Ты — кровь моя, советчица, подруга.
Пойди назад, вернись, поведай мне
Молитву сильной матери моей,
Однажды победившей страх распада
И вынесшей на голоса людей
Молитвою разбуженное чадо.

* * *

Пока в пробитом котелке не порыжел кулеш,
И о тебе, как о телке, не думает Господь.
Пиши красивое письмо, глазами солнце ешь:
Вся жизнь — на русском языке! Не жалуйтесь, «вашбродь»!

На наше небо — звёзд набег, и воздух вздорозжал.
Я песню деда повторял на разные лады:
Как «злой чечен ползёт на брег и точит свой кинжал»,
А гурии его зовут в небесные сады.

Сходились раз — сойдёмся два. Булат сожжёт булат.
И я заплачу на заре о мирном марш-броске.
И снова прадед мне кричит: — Не покоряйся, брат!
Вся жизнь — на русском языке! Шелковым волоске!

* * *

Отольются вам наши слёзы.
Отольются вам наши реки.
Тяжело набухают лозы.
Из варяг уезжаем в греки.
Плачьте, скифы! Рыдайте, анты!
Разрушаются наши стелы.
Благородные оккупанты,
Оставляем свои пределы.
Покидаем отчие знаки:
Наши мёртвые рядом с нами.
Завещая добрые злаки,
Остаёмся древними снами.
Оглянусь: подрост в карауле
Мальчик бронзовый — внук берёзы.
Отольются вам наши пули!
Отольются и наши слёзы!

